

ПИОНЕР 12

ДЕКАБРЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Все, что мы делали до сих пор, делаем сейчас, — революция, пролитая кровь, — ведь все это, в конце концов, для них, для наших детей.

В. И. ЛЕНИН



Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат Государственных премий и премии Ленинского комсомола

ТВОЙ ГОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Второй раз обращаюсь я к тебе в этом году со страниц журнала «Пионер». Первая моя статья в июньском номере называлась «Этот год посвящен тебе!..». Ну, а сейчас я с радостью могу сказать, что твой год будет продолжен, ибо, как написал в своем обращении к Всемирной конференции «За мирное и счастливое будущее для всех детей», проходившей в Москве, Леонид Ильич Брежнев, — **«ГОДОМ РЕБЕНКА ДОЛЖЕН СТАТЬ КАЖДЫЙ ГОД НАШЕЙ ЖИЗНИ!».**

Этот благороднейший, гуманнейший призыв века был подхвачен Всемирной конференцией, участником которой мне довелось быть. Представители более ста стран и всех континентов с изумлением и восторгом переспрашивали меня: «У вас действительно за годы Советской власти издано около десяти миллиардов книг для ребят, не считая школьных учебников? Это фантастика! **У вас в самом деле более 137 тысяч общеобразовательных школ и во всех дети обучаются совершенно бесплатно? У вас 12 700 специальных школ — художественных, музыкальных, хореографических, спортивных? У вас 4 500 Дворцов и Домов пионеров, 138 000 детских библиотек и 160 детских театров? У вас, правда, 70 издательств, выпускающих книги для детей на 52 языках народов СССР? Трудно вообразить себе!»** Все это, действительно, звучит фантастически. Но это и радостная реальность нашей жизни!

Москва по праву стала, мой друг, как бы столицей Международного года ребенка: кроме Всемирной конференции, именно здесь состоялся Международный конкурс детских фильмов, на котором было показано столько картин, адресованных юным зрителям, сколько никогда не видел ни один кинофестиваль. Как председатель жюри конкурса, могу с удовлетворением сообщить: Золотой приз был единогласно присужден советскому фильму «Шла собака по роялю». Он создан на Центральной студии детских и юношеских фильмов имени М. Горького — единственной «специализированной» киностудии мира, выпускающей картины для тебя и для твоих сверстников. Именно в Москве, на II Международной книжной выставке-ярмарке, был проведен «круглый стол» детских писателей мира. А в октябре мастера литературы, обращенной к подрастающей смене, почти из пятидесяти стран собрались в Москве еще на один форум — «Юность планеты и детская литература».

Я назвал много цифр. Но что поделаешь: язык фактов и цифр — самый убедительный и неопровержимый.

Сейчас много говорят об охране внешней среды от загрязнения, но, мне кажется, не менее важна и защита среды «внутренней», то есть духовного мира человека, и прежде всего, человека юного. Особая роль тут принадлежит литературе и искусству. У нас, разумеется, есть произведения более сильные и менее сильные в художественном отношении, но нет таких, которые хотя бы одной строкой проповедовали ядовитые «идеи» человеконенавистничества, жестокости, расового высокомерия. Все наши книги, фильмы, спектакли, радио- и телепередачи одухотворены истинным гуманизмом.

Тебе, наверно, известно, мой друг, что существует на свете памятник Тому Сойеру и Гекльберри Финну, а у нас — памятник юному герою Аркадия Гайдара Мальчишу-Кибальчишу. Пусть же в мире будет как можно больше памятников литературным героям, покорившим сердца детей добротой, отвагой и благородством! Об этом говорилось на всех международных встречах детских и юношеских писателей.

Мы хотим, чтобы ты, мой друг, вырос человеком гармонически развитым, чтобы с ранних лет был приобщен к достижениям всей мировой культуры. Поэтому мы издаем сейчас «Библиотеку мировой литературы для детей», в пятидесяти томах которой будут представлены произведения крупнейших мастеров всех веков, всех континентов и стран.

Еще несколько цифр...

Г.-Х. Андерсен издавался у нас в Советской стране 394 раза тиражом в 60 миллионов экземпляров,

Ч. Диккенс — 264 раза тиражом в 27 миллионов экземпляров,

Дж. Лондон — 859 раз тиражом около 45 миллионов экземпляров,

Марк Твен — 382 раза тиражом более 25 миллионов экземпляров,

Братья Гримм — 300 раз тиражом около 40 миллионов экземпляров.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Москва 1979 г.
Издательство «Правда»



Если говорить о современных зарубежных мастерах детской и юношеской литературы, могу высказать уверенность: тебе и твоим друзьям хорошо известны произведения Астрид Линдгрен, Джанни Родари, лучших детских и юношеских писателей братских социалистических стран и вообще книги всех наиболее талантливых писателей, работающих для юного поколения, где бы они ни жили, на каком бы языке ни писали.

Быть может, не очень хорошо заниматься «самоцитированием», но позвольте все же привести строки из предисловия к одной из моих давних повестей:

«Эту дорогу я знаю наизусть, как любимое стихотворение, которое никогда не заучивал, но которое само запомнилось на всю жизнь. Я мог бы идти по ней зажмурившись, если бы по тротуарам не спешили пешеходы, а по мостовой не мчались автомашины и троллейбусы... Иногда по утрам я выхожу из дому вместе с ребятами, которые в ранний час бегут той самой дорогой. Мне кажется, что вот-вот сейчас из окна высунется мама и крикнет мне вдогонку с четвертого этажа: «Ты забыл на столе свой завтрак!» Но теперь я уже редко что-нибудь забываю, а если бы и забыл, не очень-то прилично было бы догонять меня криком с четвертого этажа: ведь я уже давно не школьник... Помню, однажды мы с моим лучшим другом Валериком сосчитали зачем-то количество шагов от дома до школы. Теперь я делаю меньше шагов: ноги у меня стали длиннее. Но путь продолжается дольше, потому что я уже не могу, как раньше, мчаться сломя голову. С возрастом люди вообще чуть-чуть замедляют шаги, и чем человек старше, тем меньше ему хочется торопиться. Я уже сказал, что часто по утрам иду вместе с ребятами дорогой моего детства. Я заглядываю в лица мальчишкам и девчонкам. Они удивляются: «Вы кого-нибудь потеряли?» А я и в самом деле потерял то, что уже невозможно найти, отыскать, но и забыть тоже невозможно: свои школьные годы. Впрочем, нет... Они не стали только воспоминанием, — они живут во мне. Хотите, они заговорят?»

Возвращаясь к детству, я вспоминаю своих школьных товарищей. Многие из них, незабвенные «Сережки с Малой Бронной и Витьки с Моховой», отдали жизнь за твое, мой друг, сегодняшнее счастье. За то, чтобы были счастливы все твои сверстники — ребята Советской страны... Давай послушаем их голоса!

Наташа Баранова (село Шушенское Красноярского края): «Мы любим свой край за то, что в нем жил Владимир Ильич Ленин. Здесь, находясь в ссылке, он мечтал о небывалом расцвете России. Все, что связано с именем Владимира Ильича, волнует нас, и мы по крупицам собираем материалы о его жизни. Кто строит сейчас Саяно-Шушенскую ГЭС? Строители из всех союзных республик, те, кто возводил Братск, Нурек, Набережные Челны. Кто прислал нам могучие турбины для нашей ГЭС? Рабочие Ленинграда. Значит, Саяно-Шушенская ГЭС будет памятником дружбы народов. «Эту дружбу на все времена завещал нам великий Ленин», — поется в нашей пионерской песне».



Куралбай Озгонбаев (г. Алма-Ата): «Мой Казахстан — это горячее дыхание Каспия и Арала, снежные громады хребтов Алатау. Это шелест целинных колосьев и зарево домен Казахстанской Магнитки, это грохот космодрома, откуда стартовал Гагарин, и тишина садов вблизи Алма-Аты, что в переводе на русский означает «отец яблок». Каждую осень по традиции мы посылаем посылки с нашими яблоками в Анадырь, во Дворец пионеров, и оттуда чукотские ребята пишут, что они рады всем подаркам, но особенно тем, что пришли из Алма-Аты».

Ира Ламбуцкая (г. Винница): «Я привезла в «Артек» на фестиваль «Солнечную книгу». Ее писали все члены клуба интернациональной дружбы города Винницы. Обложка сделана из красного красивого дерева, на ней солнце, что светит детям всей планеты. Страницы книги рассказывают про жизнь советских ребят и про наши встречи с зарубежными друзьями. На фотографиях бойцы интернациональных молодежных отрядов, которые трудятся сейчас на винницкой земле. Мы поместили в нашей книге детские рисунки, политические плакаты, в которых выражено самое главное наше желание — «Нам нужен мир». Мое желание — показать всем друзьям, как поют у нас на винницкой земле. Тридцать учеников моего класса — участники школьного ансамбля «Орленок». И что удивительно: стоит мне запеть украинскую песню.



Так, торжественно и празднично, начала свою работу Всемирная конференция «За мирное и счастливое будущее для всех детей».

Фотография В. ГУСЕВА.

как с великой охотой подпевают все! Не зря говорят — песня не знает границ».

Таня Аргаузова (г. Новокузнецк, Кемеровской области): «Нашего города еще не было на карте, а поэт Владимир Маяковский уже воспел его в стихах:

Темно свинцовоночие,
и дождик
толст, как жгут;
сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
Здесь
будет
город-сад!»

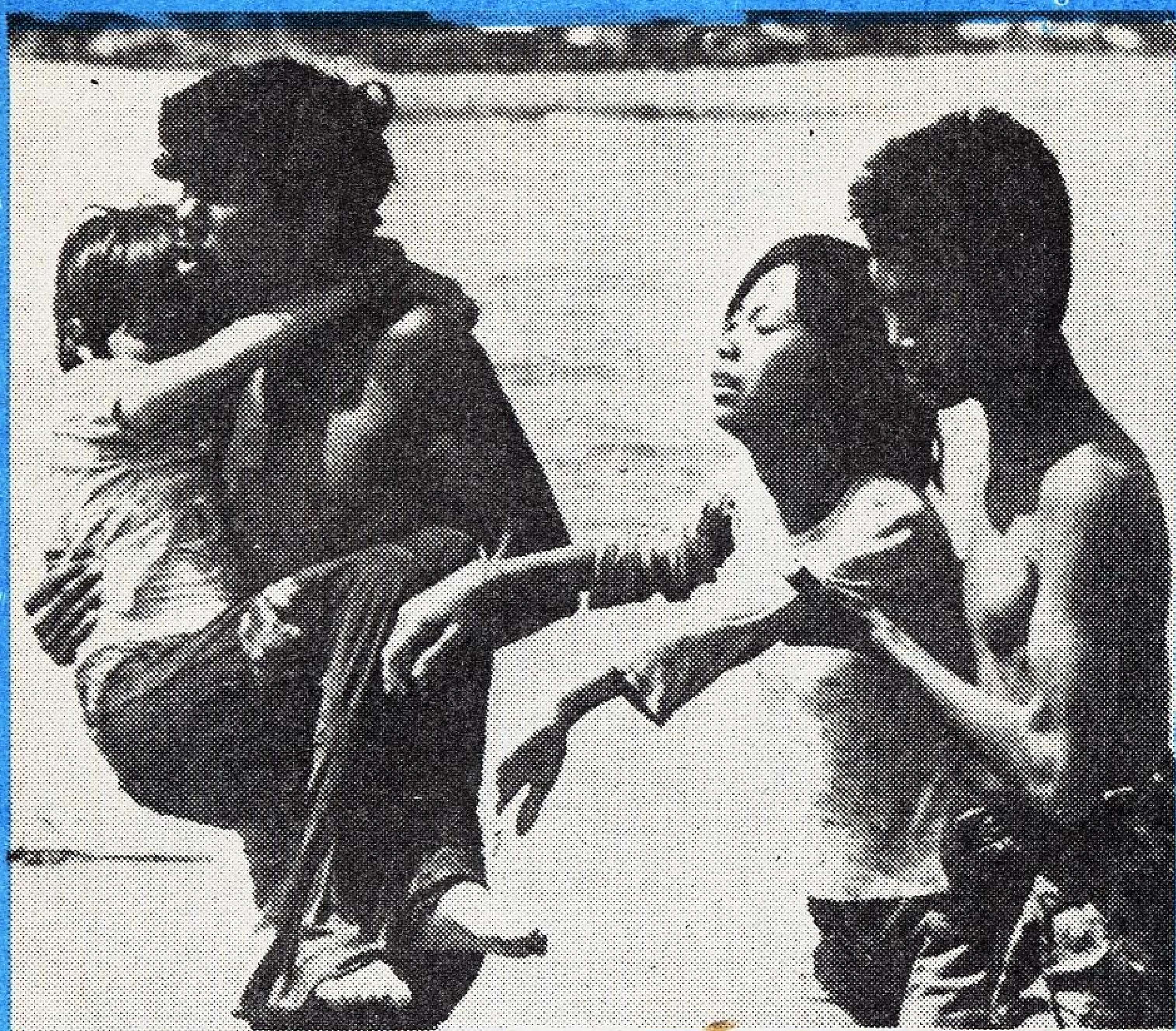
Маяковский написал их в 1929 году, когда на стройке было очень тяжелое положение. Сейчас наш город невозможно узнать — это краса и гордость Западной Сибири. Два гиганта металлургии в нашем городе: Кузнецкий металлургический и Западно-Сибирский металлургический, сокращенно — Запсиб. На одном работает папа, на другом — мама. Когда идет выпуск металла, то кажется, что стоишь рядом с солнцем. По традиции в канун больших праздников сталевары проводят «пионерские плавки». Из собранного нами металлолома они варят добротную сталь. Мы знаем, что из нашего металла делают рельсы для Байкало-Амурской магистрали. Мы очень дружим со сталеварами и любим присутствовать на пионерских плавках. И часто на этих праздниках труда звучат чеканные строки поэта:

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!»

Голоса советских детей — твоих сверстников, мой юный друг... Каждое слово окрылено любовью к родной земле, готовностью бороться за мир, за счастье народное.

«Пусть всегда будет солнце!» — провозглашают в песне дети нашей Отчизны. Да, солнце всегда будет ясно и ярко светить нашему юному поколению, детям всех социалистических стран.

ТВОЙ ГОД, МОЙ ДОРОГОЙ ЮНЫЙ ДРУГ, ПРОДОЛЖАЕТСЯ!..



Сегодня в мире 1 МИЛЛИАРД 600 МИЛЛИОНОВ ДЕТЕЙ. Но многие ребята в странах капитала не знают, что такое счастливое детство.

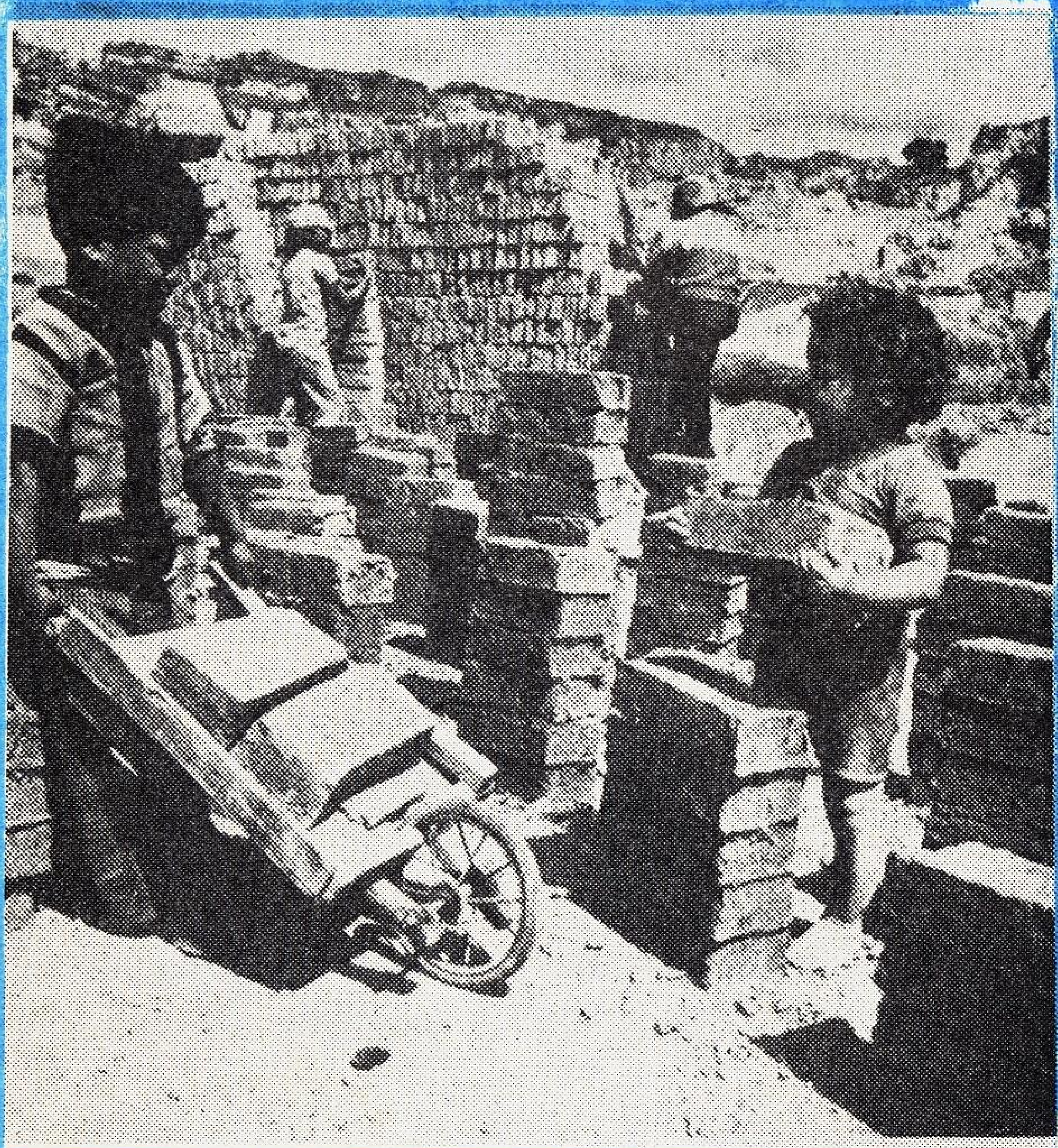
600 МИЛЛИОНОВ живут в нищете;

200 МИЛЛИОНОВ голодают; 10 МИЛЛИОНОВ обречены на голодную смерть;

100 МИЛЛИОНОВ ребят не умеют читать и писать;

54 МИЛЛИОНА работают, чтобы выжить;

250 ТЫСЯЧ слепнут каждый год из-за болезней и недоедания.



ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ ВСЕМИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЗА МИРНОЕ И СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ ДЛЯ ВСЕХ ДЕТЕЙ»

ЧАН ВЕН, министр национального образования Кампучии:

— Диктаторы стремились сделать из детей нашей страны маленьких фашистов. Тринадцатилетних ребят насильно посылали убивать своих соотечественников, гнали воевать с братским Вьетнамом. Кто был недоволен — получал удар мотыгой или пулю.

Тысячи детей погибли в Кампучии. А 70 процентов уцелевших — сироты.

В декабре у нас начнется новый учебный год. С помощью СССР, Вьетнама и других социалистических стран нам удалось обеспечить школами и преподавателями 300 тысяч детей. Но остается за порогом школы еще 500 тысяч...

ЛЕО ГИДО ЛОПЕС, министр социального обеспечения Никарагуа:

— Пятьдесят тысяч человек погибло в борьбе с диктатурой Сомосы. Половина погибших — молодежь и дети. Сорок тысяч ребят остались без родителей. Мы подсчитали, что на восстановление разрушенного потребуется три миллиарда долларов.

Героические дети Никарагуа имеют право на вашу помощь, ребята. Они сражались рядом со взрослыми патриотами. Именем одного погибшего мальчишки, девятилетнего Луиса Веласкеса, решено назвать детский парк в Манагуа.

Член Федерации коммунистической молодежи Парагвая (мы не можем назвать его имени, он работает в подполье):

— Я уверен, что мои слова дойдут до ваших сердец. У власти в нашей стране находится генерал фашист Стресснер. Его головорезы нарушают все человеческие права.

Многие патриоты убиты, другие исчезли бесследно. Даже дети знают, что такое пытки. В стране царит нищета. Чтобы выжить, ребята начинают работать с семи-восьми лет.

ЕИТИ ФУКУСИМА, вице-президент Японского общества защиты детей:

— Империализм хищнически относится к окружающей среде. От этого страдают в первую очередь дети. В японских больницах лечатся от отравления химическими и промышленными отходами 6 тысяч детей...

НГУЕН ТХИ БИНЬ, министр образования СРВ, депутат Национального собрания Вьетнама:

— После американской агрессии во Вьетнаме осталось 900 тысяч сирот. И вот новая беда — вероломное нападение китайских маоистов. Разрушены тысячи детских садов и яслей, 735 школ, 400 больниц. Многие дети были зверски убиты, потеряли родителей.



К 110-й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА

Ты, наверное, помнишь, что в девятом номере журнала «Пионер» была объявлена заочная перекличка-смотр ленинских музеев и комнат.

В редакцию пришло много писем, в которых ребята рассказывают

об истории создания музеев и комнат;

о самых интересных находках и документах;

о своей переписке с ветеранами — теми, кто создавал и защищал Советскую власть;

о дружбе со школьными музеями нашей страны и зарубежных стран;

о своих новых поисках и находках.

В письмах многие ребята просят совета: «Как лучше создавать музей? Как размещать экспонаты? Где найти нужные материалы?»

На эти вопросы мы попросили ответить внештатного лектора Центрального музея В. И. Ленина Веру Сергеевну ШАНЬГИНУ.

ЛЕНИНСКИЙ МУЗЕЙ В ШКОЛЕ

ИДЕТ ЗАОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА-СМОТР ЛЕНИНСКИХ МУЗЕЕВ И КОМНАТ

Ребята повесили на стене своего класса портрет В. И. Ленина, репродукции с картин «В. И. Ленин в Смольном», «В. И. Ленин среди делегатов III съезда РКСМ», сделали сами и бережно спрятали под стеклянным футляром макет шалаша в Разливе... И тут же объявили всем: мы создали музей.

Музей ли?

Конечно, эти ребята поторопились.

Создание музея, в том числе и школьного, — дело не скоропалительное. Это результат длительной, кропотливой собирательской работы.

Жаль, что не все это понимают.

Как иной раз «собирается» материал? Садятся ребята за письма. Рассылают их во все концы света — в государственные музеи, старым большевикам, во Дворцы пионеров, за границу. И во всех письмах — одна просьба: «Пришлите нам материалы о Ленине».

Читаешь их и диву даешься: до чего ж иной раз беспомощными выглядят их авторы!

«Помогите нам достать копии рукописей Ленина», «Пришлите снимок с документа на имя рабочего Иванова, по которому Ленин жил в Разливе», «Вышлите номер «Правды», посвященный 60-летию Октября»... А от школьников Одесской области пришло такое письмо: «У нас все надежды на вас. От вас зависит, будет у нас комната-музей или нет».

Вы отлично понимаете, ребята, что рассылать экспонаты, которые хранятся в музее, мы не имеем права. Печатать с них фотокопии для всех школ страны тоже нет возможности.

Для оформления ленинской комнаты можно использовать комплекты наглядных материалов **«Владимир Ильич Ленин. Жизнь и деятельность»**, выпущенные издательством «Плакат».

Вообще наглядные материалы о жизни В. И. Ленина можно выписать наложенным платежом через отделы «Книга — почтой». В Москве такой отдел есть при магазине № 120 (улица Кирова, 6).

Но сначала хорошенько познакомьтесь с книгами, которые есть в вашей школьной и районной библиотеках. Очень многие ленинские документы можно перефотографировать со страниц книг. В книге **Б. Волина «Студент Владимир Ульянов»** есть фотографии похвального листа Володи Ульянова и его аттестата зрелости. В книге **«В. И. Ленин. Биография»** опубликован снимок партийного билета Владимира Ильича. Рукописные странички важнейших работ Ленина вы найдете в **Полном собрании его сочинений:** «Заметки о прениях по § 1 устава» — в 7-м томе; в 31-м — «Первоначальный набросок Апрельских тезисов», в 34-м — рукопись резолюции В. И. Ленина о вооруженном восстании, в 35-м — «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!», в 38-м — корректуру «Программы Российской Коммунистической партии (большевиков)» с поправками В. И. Ленина.

Многие из вас обращаются в Лейпцигский музей В. И. Ленина с просьбой выслать копию первого номера газеты «Искра». Между тем

этот номер газеты есть в каждой школе! Раскройте 4-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина — и вы убедитесь в этом.

Сотни писем с просьбами прислать иллюстративный материал о жизни Ленина за рубежом получают и музеи Ленина капиталистических стран. Школьники, которые пишут эти письма, видимо, забывают (а может быть, и не знают), что эти музеи созданы и содержатся на добровольные пожертвования рабочих. И, конечно, сотрудникам этих музеев не так-то просто удовлетворять ваши многочисленные просьбы. В нашей стране издано много книг о жизни Ленина за границей. Фотографии, цветные карты, посвященные памятным ленинским местам в Советском Союзе и за рубежом, вы найдете в книге **П. Никитина «Здесь жил и работал Ленин»**.

Ребята, умеющие хорошо фотографировать, могут переснять фотографии В. И. Ленина из сборника **«Ленин. Собрание фотографий и кинодокументов»** в двух томах, из книги **Л. Ф. Волкова-Ланнит «В. И. Ленин в фотоискусстве»**. Из нее вы, кстати, узнаете историю многих знакомых вам снимков.



Ты снова в музее В. И. Ленина. Ты останавливаешься посреди зала — вокруг тебя экспонаты, рассказывающие о жизни Владимира Ильича, и ты задумываешься о своей жизни, о школе, о товарищах, о том, с чем выходишь в большой мир...

Когда материалы собраны, нужно разложить их в хронологическом порядке, по разделам. Предположим, так:

Детские и школьные годы В. Ульянова;

Начало революционной деятельности В. И. Ленина;

В. И. Ленин — основатель марксистской революционной партии;

В. И. Ленин — вдохновитель и вождь Великой Октябрьской социалистической революции;

В. И. Ленин — основатель первого в мире социалистического государства;

В. И. Ленин — вдохновитель и организатор социалистического строительства;

Лучший друг детей и молодежи.

Важно правильно разместить собранные материалы. В центре раздела должны быть помещены наиболее важные, ведущие документы. Например, будет неправильно, если в разделе «Лучший друг детей и молодежи» вы поместите только иллюстрации, рассказывающие, как Ленин играл с ребятами на елке, дарил им игрушки, катался с детьми на санках. Прежде всего Ленин заботился о том, чтобы дети росли коммунистами. Поэтому главным документом, определяющим содержание этого раздела, должна быть его речь «Задачи союзов молодежи».

Очень важным является заключительный раздел. Его можно назвать «По заветам Ленина — к коммунизму» или, может быть, так: «Вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем».

В походах по родному краю вы своими глазами увидите, какие великие перемены произошли в жизни нашей страны после победы Октября, как воплощаются в жизнь заветы Ильича, как сегодня Ленин помогает нам строить коммунизм.

Подумайте, в каких документах вы расскажете об этом. Можно широко показать фотографии участников революции, ветеранов войны, их письма, дневники, личные вещи.

Хорошо, если в этом разделе будут экспонаты, рассказывающие, как сегодня живут и трудятся советские люди, социалистические обязательства и грамоты героев труда вашего района, книги с дарственными надписями от друзей вашей дружины.

Так постепенно будут накапливаться у вас подлинно музейные материалы.

Тем ребятам, которые станут экскурсоводами в школьном музее, необходимо хорошенько изучить статью **Н. К. Крупской «Как и что рассказывать школьникам о Ленине»**. Эта статья поможет сделать ваши беседы о Ленине содержательнее, ярче, доходчивее.

Школы, где ленинские музеи созданы давно, могут выбрать для изучения какую-нибудь более сложную тему:

Наш край в десятой пятилетке.

От первых ленинских декретов — к Конституции развитого социализма.

От первых коммунистических субботников — к бригадам и предприятиям коммунистического труда.

Ленинский план электрификации в действии (к 60-летию плана ГОЭЛРО).

«Товарищ Ленин, мы вам докладываем!» (к 60-летию речи Ленина на III съезде комсомола).

Пионеры всей страны делу Ленина верны!





Владимир Ильич Ленин всегда с большой любовью и вниманием относился к молодежи и детям. На III съезде комсомола он обратился к молодежи с призывом учиться коммунизму, чтобы достойно продолжать дело, начатое отцами. **В этом году исполняется 60 лет со дня выступления вождя революции на III съезде комсомола.**

Организуйте изучение этой речи В. И. Ленина в старших классах. В пионерских отрядах прочитайте и обсудите **«Письма пионерам» Н. К. Крупской.**

Установите связи с комсомольцами предприятия, которое шефствует над вашей школой, с молодыми ударниками коммунистического труда вашего района, с молодежью, которая трудится на ударных комсомольских стройках, на БАМе, Атоммаше. Попросите их рассказать о своей жизни и работе.

Покажите в своей ленинской комнате, какой вклад вносит наша молодежь в строительство коммунизма, как учащиеся вашей школы выполняют заветы В. И. Ленина.

Владимир Ильич советовал молодежи не замыкаться в стенах своей школы, помогать старшим в их работе. Нужно, говорил он в речи на III съезде комсомола, «чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую».

На каникулах вы отправляетесь в походы по родному краю, по ленинским местам. Подумайте, сможете ли вы подготовить и передать рабочим и колхозникам тех предприятий и хозяйств, которые вы собираетесь посетить, библиотечки книг, помочь создать ленинский уголок в цехе или на колхозном стане, провести беседу о жизни и деятельности В. И. Ленина. Если вы захватите с собой передвижную выставку — ваши беседы будут интереснее.

И в заключение еще один совет. Нередко в школьных музеях от неумелого обращения гибнут ценнейшие документы. Ребята по неопытности стремятся их разместить там, где лучше освещение, в витринах под окнами. А рядом горячие батареи. Проходит несколько месяцев — и под влиянием яркого света и сильного тепла документы начинают желтеть, чернила выгорают, бумага становится ломкой... Смотришь, иной раз организаторы музея кнопками пришпиливают подлинную фотографию ветерана революции, а фронтовое письмо Героя Советского Союза, выпускника своей школы, ухитрились намертво приклеить к фанерному стенду... Просто кровью сердце обливается при виде такой небрежности!

В 1980 году исполняется 110 лет со дня рождения В. И. Ленина. Достойно подготовиться к этой знаменательной дате — значит еще глубже изучать жизнь В. И. Ленина, постигать его заветы, видеть, как претворяются они в жизнь, принимать посильное участие в выполнении этих заветов.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.



Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР

КОНСУЛ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Окончание. Начало в № 8.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ГЛАВА 20

Обстановка накаляется

Захаров пришел домой в неурочный час, в самый ливень. Он был раздражен. Зло отпихнув ногой Джулли, повесил на вешалку мокрый плащ, кинул на полку шляпу, прошел в столовую, развернул газету и сидел, потирая пальцами виски.

— Обедать будешь? — спросила Катя.

— Нет!

— Что-нибудь случилось?

— Не твоего ума дело,— огрызнулся Захаров.— Сиди на кухне. Если кто придет — меня нет дома. Буду поздно вечером.

Катя послушно отправилась на кухню, за ней побрела обиженная Джулли.

«Что могло произойти?» — думала Катя. За последний год дела у Петра поправились. Он стал часто ездить в Берлин, совершал какие-то выгодные сделки. В доме появилась новая мебель, даже холодильник. Кате выдавались деньги «на булавки», и значительные. Деньги она прятала, а из своего сундука, в который Петр никогда не заглядывал, стала постепенно вынимать наряды, купленные к пушкинскому вечеру. Кольцо с фальшивым бриллиантом по-прежнему считалось в доме самой ценной вещью «про черный день». Стали чаще приходить гости, главным образом, мужчины, которые уединялись с бутылкой виски в столовой, куда Кате вход был запрещен. Из отдельных возгласов, доносившихся до нее, она понимала, что говорят о политике, о том, что Германия стала большой силой, все чаще произносилось слово «война».

А жизнь Кати после пушкинского вечера перевернулась. Пришла она на концерт уверенной, почти счастливой. Но вот вышла на сцену Вера Давыдова в строгом белом платье, с белой меховой накидкой на плечах, за поясом — алые тюльпаны, голова увенчана косой, как лавровым венком. Молодая, сияющая и взволнованная. В зале наступила мертвая тишина. «Туча со громом сговаривалась: ты греми, гром, а я дождик пролью»,— большой силы, красоты и страсти голос захватил слушателей. Уже после исполнения первого романса публика устроила певице овацию. А затем прозвучала ария в исполнении Лемешева: «Что день грядущий мне готовит...» Несравненный голос Лемешева, полный поэтической выразительности, чарующей нежности. Катя сидела и сдерживала рыдания. Перед ней предстала Родина во всей ее красоте и щедрости. Артисты дарили людям радость, вводили в мир прекрасного, светлого, доброго... Гром аплодисментов... Дождь цветов... Вера и Сергей без конца выходили на «бис», такие доступные, доброжелательные, молодые и блистательные.

После концерта, который закончился далеко за полночь, Давыдова и Лемешев вышли из театра к автомобилю, но не так-то легко было до него добраться. Публика собралась возле служебного выхода из театра. «Киитоксиа пальон!» (большое спасибо), «браво» — слышалось со всех сторон. Женщины ловили подол широкого платья Веры, целовали его, девушки хватали снег из-под ног Лемешева и слизывали с ладоней. Советский консул Ярков еле уговорил финских парней не пытаться нести на руках машину, в которой сидели артисты, а доверить ее шоферу.

Катя, оставив на платье Веры отпечаток и своей губной помады — о разговоре нечего было и думать,— шла домой, боясь расплескать все еще звучащие в ушах голоса Веры и Сергея, очарованная и обновленная. Открыла дверь в свою квартиру и вдруг закричала отчаянно, горестно, по-бабьи причитая: «Мамочка дорогая, что я наделала, что я натворила, ради чего загубила молодость!» Сорвала с себя наряд, душивший ее, засунула в сундук. Сидела в кухне и плакала, ломая пальцы, стукаясь затылком о стену... Утром принесли телеграмму. Из Парижа. Катя даже не раскрыла ее, поднесла зажженную спичку, бумага загорелась, и огонь слизывал лживые слова. Скрючилось и превратилось в черный пепел слово «Гранд-опера», осыпались написанные латинскими буквами слова «Ljublju tebja». Катя растерла в порошок пепел, вымыла руки. Поняла, что она очнулась, проснулась. Но как начать новую жизнь, оставить эту, постылую, она еще не знала.

И сейчас сидела на кухне и все думала, думала...

Ее мысли прервал звонок в дверь.

На крыльце стоял человек и складывал зонтик. На Катю глянули огромные, под толстыми стеклами очков глаза.

— Мне нужно господин Сахарофф,— сказал незнакомый иностранец, с трудом подыскивая русские слова.— Он есть дома?

Незнакомец отстранил рукой Катю, захлопнул наружную дверь, вошел в кухню и, сняв очки, стал протирать их носовым платком. Глаза оказались у него маленькими, узкими.

— Господина Захарова нет дома. Он будет поздно вечером,— ответила Катя.

Иностранец заправил дужки очков за уши, снова стал большеглазым, взглянул на вешалку, увидел плащ Петра, под которым образовалась лужица.

— Он есть дома! — решительно сказал иностранец.— Сахарофф,— позвал он, открыл дверь в столовую и сразу принялся истерически ругаться:

— Что вы наделаль? Вы подлец, вы предал.

Захаров пытался что-то сказать, но разъяренный иностранец продолжал кричать:

— Вы знайте, что Петраков заложил бомбу под наш конспиративный квартира. По счастью, взорвался вместе с ней. Вилла сгорел. Он негодяй и трус. Вы рекомендовали его. Я не могу вам доверять.

— Не кричите... Не шумите, пожалуйста... Услышат соседи,— уговаривал жалким голосом Петр.

— Я спрашивай вас, что я должен доложить в Берлин? Мне прикажут вас уничтожить, как обманщик и негодный агент.

— Но, господин Вебер,— лепетал Петр,— вы сами были в нем уверены.

— Я верил вам.

— Видит бог, я служу верой и правдой.

— Мне нет дела до вашего бога.

Вебер нервничал и явно забыл о правилах конспирации, которой обучал своих агентов. Сейчас его беспокоила собственная карьера. Гитлеровской Германии нужна была Финляндия как плацдарм для нападения на Советский Союз, как союзник. Вебер имел задание сделать все возможное и невозможное, чтобы поссорить Финляндию с Советским Союзом и фашистам стать хозяевами в этой стране. Финляндия — это ворота в Советский Союз протяженностью в тысячу двести километров. Порты Финляндии на Балтийском море и порт Петсамо на севере — удобные базы для германского военно-морского флота. В Финляндии создана и выпестована немцами профашистская партия ИКЛ, созданы отряды шюцкора, которые втрое превосходят по численности регулярную финскую армию. Компартия загнана в подполье, с помощью инструкторов гестапо финской охранке удалось захватить и арестовать руководящий центр компартии. Но процесс над Антикайненом, казалось, блестяще подготовленный для того, чтобы вынести ему смертный приговор, провалился.

И вот история с Петраковым. Опять провал. Как оправдается Вебер перед всемогущим начальником имперской службы безопасности Гиммлером?

И Вебер изощряется. Разрабатывает с Захаровым новую антисоветскую акцию. Захаров согласен на все. Разговаривают вполголоса. Катя прислушивается. Она подошла к закрытым дверям столовой. Приложила ухо. Да, она подслушивает и понимает, какой чудовищный план готовят они, враги Советского Союза, теперь и ее враги...

ГЛАВА 21

Выстрел

— Ты что так поздно? — спросил консул своего секретаря, глянув на настенные часы. — Опоздал на полчаса. Случилось что-нибудь дома?

— Да нет, — ответил смущенно Петя, — простоял в магазине в очереди больше часа. Люди закупают муку, сахар, мыло, соль просто мешками. Я такого никогда не видал. Ругают Гитлера последними словами. Боятся, что Гитлер расправится с Финляндией, как с Чехословакией. Очень сочувствуют чехословацкому народу. В очереди только и слышно слово «сóта», «сóта», «сóта» (война, война, война).

— И вместе с тем распоясываются местные фашисты, — заметил Ярков. — Министр внутренних дел запретил партию «Патриотическое народное движение» и закрыл все фашистские газеты. А Верховный суд отменил это решение. Нам нужно быть сейчас крайне бдительными. Реакционные элементы искусственно накаляют антисоветскую атмосферу, пугают «красной опасностью». Вот опять с финской стороны обстреляли наших пограничников, — показал консул лежащую на столе телеграмму. — Против нашего Антоныча возбудили судебное дело за автомобильную катастрофу, происшедшую якобы по его вине. Но именно благодаря искусству Антоныча дело обошлось без жертв. Наша машина разбита, а возмещение убытков требуют не с виновника аварии, а с нас. Или история с собакой. Безобидного веселого пуделя, который тявкнул на кого-то и которого наш сотрудник вел на коротком поводке, превратили теперь в чудовищную собаку Баскервилей.

Над дверью замигал огонек.

— Пришел какой-то посетитель, — сказал Петя, — а до приема еще добрых полчаса.

— Ну, раз пришел, иди, принимай, — сказал Ярков и, отперев сейф, вынул бумаги.

Через несколько минут Петя зашел и доложил, что посетитель хочет встретиться с консулом по очень важному и неотложному делу.

— Проси, — коротко сказал Ярков.

Посетитель, мужчина средних лет, переступил порог, держа в руках шляпу и широко улыбаясь, как старый знакомый.

— Здравствуйте, товарищ советский консул, — сказал он по-русски с иностранным акцентом.

— Вы — советский гражданин? — пожав протянутую руку, спросил консул.

— Больше, чем советский.

— Из коммунистического общества? — улыбнулся Ярков.

— Вот именно. — Незнакомец посмотрел на портрет Ленина, висевший на стене, встал и поклонился.

— Покажите, пожалуйста, ваш паспорт, — попросил Ярков.

— О, видите ли, это очень сложный дело.

— Вам трудно говорить по-русски. На каком языке вы говорите? Какой язык ваш родной? — спросил Ярков.

— Я говорю по-фински.

Ярков нажал кнопку звонка. Вошел Петр.

— Садитесь, — сказал ему Ярков, — будете переводить. Спросите у него, какое неотложное дело привело его к нам? Как его фамилия, имя, гражданином какой страны он является?

— Я все понимаю, — ответил по-русски незнакомец. — Вы меня можете называть товарищ Лэнд. Это мой подпольный псевдоним. Я живу на нелегальном положении. Как жил в Герма-

нии товарищ Димитров. У меня был радист, но охранка захватила его вместе с рацией. Молодой человек. Неопытный, не очень храбрый. Боюсь, что он меня выдал.

Ярков закурил папиросу и помолчал. Он вспомнил, что несколько дней назад в газете промелькнула заметка, что финская полиция арестовала радиста вместе с радиостанцией, при помощи которой он был связан с «иностранной державой».

Петя смотрел на Лэнда почти с чувством умиления. Перед ним сидел коммунист-подпольщик, над которым нависла опасность.

— Я был делегатом всех конгрессов Коминтерна, — продолжал Лэнд. — Меня хорошо знают Вильгельм Пик, Георгий Димитров. Я слушал Ленина. Говорил с ним.

— На каком конгрессе Коминтерна вы слушали его последний раз? — спросил Ярков.

Лэнд прищурил глаза, потер виски, вспоминал.

— На пятом.

— Где это происходило? В каком помещении?

Лэнд улыбнулся.

— Это я очень хорошо помню, это происходило в Смольном.

— Так. Ясно, — сказал Ярков. — Так что же вы от нас хотите?

— Я хочу, чтобы вы послали телеграмму в Москву товарищу Димитрову, сообщили бы ему, что у Лэнда провалился радист и мне грозит опасность. Но дело, которое мне поручено, а это очень важное революционное дело, мною подготовлено, и скоро вспыхнет восстание. Пока придет ответ от товарища Димитрова, я прошу предоставить мне убежище в советском консульстве. Спрятать меня здесь. Иначе мне конец... Смерть...

У Пети сжалось сердце. Он понимал, что только крайняя опасность могла привести этого человека сюда.

Ярков встал, подошел к окну. По улице прогуливалась влюбленная парочка, возле дуба трое молодых парней, опершись на чугунную решетку, курили, поглядывая на окна консульства.

— Вы видите, за мной следят, — сказал обеспокоенно Лэнд. — Я не смогу выйти из консульства.

То, что произошло затем, ошеломило Петю. Ярков энергично придавил папиросу в пепельнице и жестко, властно произнес:

— Вон отсюда, провокатор! Скажите своим хозяевам, что они просчитались.

Консул нажал кнопку, и по зданию зазвенел сигнал тревоги.

Лэнд пожал плечами, затем выхватил из кармана револьвер и выстрелил в упор в Яркова. Схватил со стола хрустальную пепельницу и швырнул ее в окно. Уцепившись за гардину, с ловкостью кошки выпрыгнул в палисадник, перемахнул через железную решетку на улицу.

В кабинет консула сбежались люди.

Ярков встал из-за стола и подошел к окну. У парней в руках были блокноты, у влюбленной парочки фотоаппараты. Лэнд позировал перед фоторепортерами, размахивал руками, а затем упал на мостовую. На улице собиралась толпа.

— Вы ранены! — воскликнул Петя, когда Ярков повернулся лицом к собравшимся.

— Нет, — ответил спокойно консул. — У этого негодяя дрожала рука, а меня поцарапало стеклянной крошкой.

На краю толстого зеркального стекла, покрывавшего стол, изморозью искрилась глубокая лунка, от которой веером расходились трещины. Пуля, ударившись в край стекла буквально в нескольких сантиметрах от груди Яркова, отскочила рикошетом в противоположную сторону, разбила настенные часы и упала на пол. Ярков поднял пулю. Она была сплющена и еще горячая.

— Ян Карлович, — обратился Ярков к дежурному по охране, — вызовите врача, чтобы он вынул из моего лица стеклянные крошки. Петя, вы оставайтесь на месте. Ничего не трогать до прихода полиции. Все остальные идите, занимайтесь своими делами. Прием в консульстве отменить.

Константин Сергеевич набрал номер телефона.

— Полиция? Говорит советский консул Ярков. В консульство ворвался вооруженный бандит, учинил стрельбу. Немедленно вышлите чиновника для составления протокола.

Петя сидел и еле сдерживал дрожь в коленях. Ярков усмехнулся.

— А нервишки у тебя, брат, слабенькие.

— Но как вы угадали, что он провокатор? — спросил Петя. — Я ему поверил.

— А я сразу определил, что за тип, но хотел досконально удостовериться.

— На чем же вы его поймали? — поинтересовался Петя.

— Во-первых, коммунист, работающий в подполье, никогда не пришел бы в советское консульство, что бы ему ни грозило. Во-вторых, он сказал, что слышал речь Владимира Ильича на пятом конгрессе Коминтерна, когда Ленина не было уже в живых. В-третьих, ни один конгресс Коминтерна не проходил в Смольном. А в-четвертых, — его поклоны перед портретом Ленина, то, что он назвал меня «товарищем советским консулом», и другие детали его поведения не оставляли сомнения, что это провокатор. Так нагнетается антисоветская кампания.

Пришел врач. Пинцетом выдернул из лица Яркова стеклянные крошки, смазал зеленкой.

— Эк, как вы меня разрисовали, — посмотрел на себя в зеркало Ярков. — Прошу вас, доктор, остаться здесь до прихода полиции.

Врач подошел к столу, посмотрел на лунку, покачал головой.

...А на улице шумела толпа. «Лэнд» кричал, что его заманили в советское консульство и принуждали работать для Коминтерна, готовить коммунистическую революцию в Финляндии.

— Хотели убить! — всхлипывал провокатор,

размазывая кровь на руке, поцарапанной разбитым им стеклом.

По тротуару к консульству бежала маленькая, тоненькая женщина, бежала, широко раскрыв рот, размахивая руками, как бегут к финишной черте по спринтерской дорожке. Увидев толпу, остановилась. «Что случилось? Консула убили?» — Катя схватила за руку первую попавшуюся женщину и глянула на нее черными прозрачными глазами, полными отчаяния и ужаса.

Женщина вздохнула.

— Веру в нас хотят убить. Не устраивает кое-кого наша мирная жизнь. Ну, да ладно, — махнула она рукой, — вон полиция едет. А консул, говорят, жив остался.

Катя остановилась в нерешительности. Полиция разгоняла толпу. Один из чиновников вошел в здание консульства.

«Пойти? Рассказать все?» — стучала в висках Кати мысль.

Она подошла к крыльцу. Какой-то человек изнутри наклеивал на стекло квадратик бумаги, на которой было печатными буквами написано: «Сегодня приема в консульстве нет».

Катя побрела домой.

ГЛАВА 22

В редакции

Швейцар ловко поймал пальто, которое сбросила мадам Тервапя, и успел отвесить поклон знатной даме, а она устремилась наверх по отлогой мраморной лестнице. Машинально отвечая на приветствия сотрудников редакции, мадам Тервапя пронеслась по широкому коридору, стены которого увешаны репортерскими фотографиями королей, президентов и русского царя, посетивших страну за последние пятьдесят лет. Сонни толкнула дверь с белой табличкой «Главный редактор» и, миновав не успевшую вскочить со стула секретаршу, вкатилась в дымный кабинет главного редактора.

Пауль Вальстрем, говоривший в это время по телефону, высоко вскинул мохнатые брови, видя, как мадам Тервапя, затормозив свое стремительное движение, погрузилась в огромное кожаное кресло перед его столом. Вальстрем придвинул гостье сигареты, пепельницу, чиркнул о подошву башмака спичку и, не переставая говорить по телефону, поднес огонь мадам Тервапя.

Сонни глубоко затянулась. Левая рука ее нервно отстукивала какой-то воинственный марш по отполированной поверхности редакторского стола. Она обвела нетерпеливым взглядом кабинет, где все ей было знакомо уже много лет. На столе, как снаряды, лежали горкой толстые плотницкие, острозаточенные карандаши. Темные закопченные стены были увешаны мрачными пейзажами. В углу, на высокой подставке из красного дерева, выставил свою бородку бронзовый Мефистофель. В другом углу Афродита, выточенная из черного дерева, походила на современную загоревшую пловчиху.

Редактор продолжал говорить со своим корреспондентом в Берлине, делая какие-то заметки в блокноте, который он локтем прижимал к столу. Пол вокруг редакторского кресла был завален взъерошенными листами газет.

Пауль Вальстрем принадлежал к тому типу мужчин, возраст которых от сорока до семидесяти трудно определить. С тяжелой головой, покрытой темно-рыжими жесткими завитками волос, смуглый, с неожиданно светло-серыми глазами, довольно грузный, он прочно сидел в своем редакторском кресле.

Закончив, наконец, разговор, Вальстрем оттолкнулся ногой от стола, повернулся в кресле на сто восемьдесят градусов и, остановив его вращение перед мадам Тервапя, весело спросил:

— Ну, тигрица, чего распалилась? Опять скандалить пришла?

— Шутки в сторону, Пауль, — сверкнув изумрудными глазками и подняв предупреждающе руку, сказала мадам Тервапя. — Ты видел статью в «Черном медведе» [1]? Ты видел? — звонко воскликнула она, потрясая газетой над рыжими кудрями редактора.

— Ты говоришь про историю в советском консульстве? — спросил Вальстрем, бегло взглянув на обведенную красным карандашом статью в газете. — Ну и что?

— Как «что»? Разве ты не связываешь это с германскими переговорами? С приездом сюда гитлеровских генералов? И все черные медведи в нашей стране, выдрессированные гитлеровцами, ревут о красной опасности.

— А ты хочешь, чтобы я стал адвокатом советского консула? Выгораживал его? Какое нам до этого дело? Наша газета соблюдает нейтралитет. Я же не защищаю черных медведей. Мне хватит забот и без твоего консула. Наша газета горит, Сонни. Тираж с каждым днем уменьшается, мы терпим убытки. Касса пуста. Завтра собираем правление. Подумай лучше, где и как достать деньги на газету.

Сонни возмущенно задергала за хвостики горжетку из куничек.

— Газета, Пауль, горит потому, что она ничего никому разъяснить не может, потому что у газеты нет собственного лица, своей линии. Неизвестно, куда она зовет, как защищает национальные интересы страны. Неинтересно ее читать. Ты понимаешь, Пауль? Я давно твержу тебе об этом.

— Мы соблюдаем нейтралитет, — значительно произнес Вальстрем.

— Не притворяйся, Пауль. Ты отлично понимаешь, что нейтралитет — это невмешательство в войну, в борьбу, в споры других соперничающих или враждующих между собой сторон. Но

[1] Черный медведь был эмблемой финских фашистов.

разве можно быть нейтральным в своей собственной стране, когда злые силы толкают ее в пропасть, во что бы то ни стало хотят поссорить с Советской Россией. Неужели ты не понимаешь, что нашу страну хотят использовать как таран против Советов?

— Тебе не нравится нейтралитет? — спросил Пауль, перебирая карандаши на столе. — Начни писать фельетоны. Ведь ты умеешь, Сонни. Ты умница, но делай это без твоих завихре-

Лэнд выхватил из кармана револьвер и выстрелил в упор в Яркова.



ний.— Пауль повертел указательным пальцем у виска.

— Ну что ж,— согласилась Сонни.— Я могу начать с фельетона о советском консуле, то есть о том, как «Черный медведь» заврался и оскандалился так, что все наши бурые медведи в лесах взвыли от возмущения.

— Нет, это не пойдет. Нам нельзя сейчас ссориться с немцами.

— А с русскими можно?

— Я не собираюсь их защищать. Нам по пути с английской демократией. Мы не служим ни гитлеровской Германии, ни Советской России.

— Самое страшное, что твоя газета не служит собственному народу, своей стране.

— А мне кажется, что именно в интересах нашей страны идти в фарватере англичан.

— То есть плестись у них в хвосте?

Вальстрем завертелся в кресле, то поднимаясь, то опускаясь.

— Вот ты и в политике таков,— заметила Тервапя,— вертишься, как черт на вертеле, нет у тебя ясной политической линии, направленной на благо страны.

— Есть, Сонни, есть. Наше спасение в дружбе с добропорядочной, старой мисс Великобританией, с ее вековыми устоями, ее традиционной политикой содружества наций.

Сонни расхохоталась.

— Черт тебя побери,— сказал Вальстрем,— ты смеешься так, словно у тебя серебряные колокольчики в горле, смеешься, как тридцать лет назад.

— Не строй из себя шута, Пауль. Ты же понимаешь, что так называемое содружество наций трещит по всем швам. Мы еще доживем до того времени, когда от Великобритании останется один только остров. И уж если говорить о содружестве наций, то я клянусь всеми богами, что англичане с завистью смотрят на Советский Союз. Мне один почтенный член английской палаты лордов говорил, что он хотел бы у Советов украсть один-единственный секрет — секрет подлинного содружества наций.

Вальстрем вызвал секретаршу.

— Пожалуйста, дайте кофе, мне бутерброд с ветчиной и пирожное со взбитыми сливками, а мадам Тервапя — меренги, ей вредно есть ветчину и сливки.

— Перестань! — властно приказала мадам Тервапя.— Просто черный кофе. И ты не уводи разговор в сторону. Наша страна накануне катастрофы.

— Вот поэтому я думаю о равновесии сил. Мы будем ориентироваться на Великобританию. У нас там есть верные друзья. И один из них обещал финансовую помощь, чтобы спасти нашу старую, добрую газету.

— Ты с ума сошел! Хочешь продаться? Будешь писать под диктовку твоего «друга»? О боже! «Черного медведя» субсидируют гитлеровцы, это всем курам известно, а нашу либеральную газету ты решил продать англичанам? Ты хочешь, чтобы нашу страну постигла участь Чехословакии?

— Продолжим твою мысль,— сказал Вальстрем,— а «Литературную газету», которая сейчас приобретает популярность, субсидируют русские.

— Лжешь! — Зеленые огоньки в глазах Сонни готовы были поджечь рыжие кудри редактора.— Эту газету субсидирую я и другие.

— Но это же предательство,— стукнул кулаком по столу Вальстрем,— субсидировать прокоммунистическую газету и равнодушно смотреть, как гибнет собственная.

— Она гибнет потому, что не дает отпора фашистской опасности. Давай расскажем народу правду, и я буду неустанно работать в газете.

— Своей правдой ты хочешь посеять панику. О женщины!

— Я ухожу из газеты.— Сонни встала.

Вальстрем тоже поднялся. Он явно нервничал. Шутовское настроение сменилось гневом.

— Ты не осмелишься этого сделать! Ты член правления.

— Была,— оборвала его Сонни.— Теперь наступил решительный момент. Ты обманываешь народ, я найду способ, чтобы рассказать правду. Надо, чтобы народ ясно понял, что главный враг — это нацизм, германский фашизм. Мир, а не война нужна нам. Если мы не разъясним этого народу теперь, он нам не простит. Скажет: пугали коммунистической опасностью, а нас за глотку схватил фашизм.

— Да, я вижу, ты стала коммунисткой.

— Нет. Но в борьбе против фашизации страны я готова идти с коммунистами. Они настоящие патриоты. Им дорога судьба нашей страны, и они достойны уважения.

— Сонни, опомнись. Скажи, что ты пошутила. Ты не уйдешь из газеты. Ты не порвешь нашу старую дружбу.

— Судьбой страны шутить нельзя.— Глаза у Сонни стали темными, как озерная вода перед грозой.

— С твоим бешеным темпераментом ты угодишь в тюрьму,— мрачно заключил Вальстрем.

— Я предсказываю тебе другую судьбу.— В голосе мадам Тервапя слышались уже не серебряные, а медные нотки.— Ты неизбежно сползешь на профашистские позиции.

Мадам Тервапя стремительно поднялась и так же стремительно ушла, даже не попрощавшись. За тридцатилетней дружбой захлопнулась дверь. Захлопнулась навсегда.

ГЛАВА 23

Связь времен

Ирина вошла в квартиру и первым делом взглянула на вешалку. Шляпы и пальто Константина не было. Значит, еще не пришел. Обычно его длинное серое пальто, аккуратно распя-

ленное на вешалке, и шляпа, положенная всегда на определенное место, и запах табака, плывший из кабинета, оповещали, что он дома. Ждет. Ее ждет муж. Она не переставала удивляться этому слову «муж».

«Моего мужа нет дома!» — сказала она сама себе. Скинула пальто, небрежно нацепила его на крючок и, не снимая шляпки, побежала в кабинет. Стала рыться на книжных полках. Она была вся нетерпение, вся ожидание. Откладывала книгу, набирала номер телефона. Не отвечает. Выходила на балкон и смотрела вниз — не подъехала ли машина. Снова принималась листать книги, что-то в них искала, делала выписки, что-то высчитывала. И все время прислушивалась.

С тех пор как ее жизнь соединилась с жизнью Константина, все, что она делала, ей казалось, делала для него, делала для того, чтобы вынести на его суд. Иногда попрекала себя: какая-то я стала несамостоятельная, все думы, все дела связываю с ним, с Константином, с Костей. А в последнее время стала звать его просто Кин, соединив первую и две последних буквы его имени. «Ты хочешь присвоить мне имя великого трагика? Не надо», — возражал Константин.

Наконец энергично щелкнул ключ. Ирина улыбнулась. Кин широко распахивал дверь, а закрывал ее плавно, неслышно. Снимает пальто. «Наверно, надевает на вешалку мое и выворачивает в нем рукава, которые я забыла расправить».

Константин вошел в кабинет и, захватив в прохладные ладони пылающие щеки жены, заглянул ей в глаза.

— Ты чем-то взволнована и сидишь в шляпке, как будто пришла ко мне на официальный прием.

— Еле тебя дождалась, — прижалась к мужу Ирина. — Я сделала маленькое открытие.

Константин уселся в кресло и рассмеялся.

— Ты сейчас походишь на девчонку, которая что-то натворила. Ну, докладывай, что за открытие.

Ирина сняла маленькую нарядную шляпку, откинула назад волосы, уселась рядом с мужем на подлокотник кресла.

— Ты сейчас услышишь удивительную историю. Давай перенесемся на пятьдесят лет назад.

— Давай, — добродушно согласился Константин, — хотя пятьдесят минут назад тоже произошло знаменательное событие. И радостное притом.

— Что? Что? — нетерпеливо спросила Ирина.

— Потом. Я слушаю тебя.

— Так вот, — начала она. — Годы мрачного царствования Александра III.

— «Разнузданной, невероятной, бессмысленной и зверской реакцией» назвал Ленин деятельность этого царя. Какое же открытие сделала ты из царствования Александра III?

— Мне не нравится, когда ты вот так, мягко выражаясь, иронизируешь. — Ирина обиженно пересела в кресло напротив и замолкла.

— Ну, не сердись. Это я так, от переполняющей меня радости. Извини меня. Рассказывай. Наверно, что-нибудь интересное.

— Ну, ладно, — смирилась Ирина. — Слушай и не перебивай. Представь себе Россию 1887—1888 годов. Все высшие учебные заведения для женщин закрыты. В это время в Казань приезжает финский студент.

— Из великого княжества Финляндского?

— Да. Приезжает для того, чтобы изучать угро-финские языки — удмуртский, мордовский... Как и все студенты, ищет заработка. Расклеивает по городу объявления, что финский студент дает уроки финского и шведского языков. И, конечно, никакого отклика. Кому в Казани тогда пришло бы в голову изучать эти языки. Французский — другое дело. Но вот однажды к нему является молодой человек с девушкой. У него рыжеватые кудри, крепыш, румянец во всю щеку, она темноглазая, пышноволосая. Ему лет восемнадцать, ей — семнадцать. Молодой человек сказал, что они пришли по объявлению, его сестре необходимо срочно изучить шведский язык, чтобы на будущий год слушать лекции в Гельсингфорском университете, куда принимали женщин. Студент обрадован и смущен: «За год невозможно изучить шведский язык в совершенстве».

— Действительно невозможно, по себе знаю, — заметил Константин.

— «Возможно, когда это необходимо», — ответила ему девушка. «Давайте попробуем, — согласился финский студент. — Я буду приходить три раза в неделю, а вот мадемуазель должна заниматься ежедневно». «Я обещаю даже сны видеть только по-шведски», — заверила девушка. Молодой человек оставил адрес. Финский студент мало верил в успех. На следующий день он пришел по указанному адресу. Его встретила почтенная дама в трауре. Девушка его ждала. На столе были разложены тетради, словари. Финский студент стал объяснять, что в шведском языке особые музыкальные ударения и для этого надо уметь читать ноты. Оказалось, что девушка имеет музыкальное образование. «Шведский язык относится к скандинавской группе германских языков...» — начал студент. Выяснилось, что девушка отлично владеет немецким. Кроме того, знает французский, английский, латынь.

Константин Сергеевич поднялся с кресла. Закурил.

— Скажи, о ком ты рассказываешь. Неужели?..

— Обожди... Наберись терпения. Начались занятия. Финский студент был поражен способностями девушки с озорным и упрямым характером и невероятным трудолюбием. Она хотела знать больше, чем знал финский студент. Она ставила перед ним такие вопросы, на которые он без помощи научной университетской библиотеки ответить не мог. Ему казалось, что эта девушка стремительно ведет его за собой в го-

ру и он плетется за ней, еле переводя дыхание. После урока его приглашали к вечернему чаю. Это была большая, дружная и очень интересная семья, которую он никак не ожидал встретить в Казани. Все они владели несколькими иностранными языками. Через полгода девушка уже читала в подлиннике Августа Стриндберга и Сельму Лагерлёф. Вскоре студент вернулся в Финляндию. Как сложилась судьба этой девушки, он не знает.

Константин Сергеевич схватил Ирину за руки.

— Это была семья Ульяновых? Да?

— Ты угадал, — торжествующе ответила Ирина.

— А кто же этот студент?

— Сейчас это глубокий старик, ученый-филолог. Я познакомилась с ним сегодня на приеме у директриссы шведского театра.

— С какой же сестрой он занимался?

— Старик помнит только фамилию — Ульяновы. Имя девушки забыл: прошло пятьдесят лет с тех пор. Я сейчас листала книги. С Анной Ильиничной он заниматься не мог. Она в то время начала отбывать свою пятилетнюю ссылку в селе Кокушкино. Марии Ильиничне было тогда всего девять-десять лет. Значит, шведский изучала Ольга. Но об этом в литературе о семье Ульяновых никаких сведений нет.

— Подумать только! — вскочил с кресла Константин и зашагал по комнате. — Еще с прошлого века идет связь финнов с семьей Ульяновых, с Лениным, с нашей революцией. В 1888 году финский студент обучает Ольгу Ульянову шведскому языку. Проходит десять лет, и ссыльный революционер Владимир Ульянов в селе Шушенском обучает финна, рабочего Оскара Энгберга, науке всех наук — марксизму. Еще пять лет. Революция в России пятого года нашла живой отклик и поддержку рабочего класса Финляндии. На восстание русских рабочих он ответил всеобщей забастовкой.

— А Свеаборгское восстание? — напомнила Ирина.

— Да. Тогда восставших русских моряков поддержали финские красногвардейцы. Вместе сражались.

— Помнишь, Вальтер Шёберг рассказывал, как он укрыл в своей квартире десятка два русских моряков. И пока он отсутствовал, они устроили в его ванной парную баню и прачечную и развесили сушить свои тельняшки в гостиной на коллекции картин. Вальтер рассказывал об этом с юмором, незлобиво, хотя несколько картин безвозвратно погибло.

— Зато буржуазия! С каким цинизмом она решила выдать царизму русских революционеров, в том числе Ленина, после поражения революции. А рабочие и те, кто шел вместе с ними, его укрывали, охраняли. Поразительное чувство бескорыстного товарищества, интернационализма заложено в рабочем классе. И поэтому враги прежде всего стараются расколоть эту дружбу, вытравить это чувство солидарности.

— Я не дождусь декабря, когда мы поедем с тобой по Абосским шхерам, по которым Владимир Ильич уходил во вторую эмиграцию. Может быть, посчастливится найти тех людей, которые его провожали. Пройти весь путь след в след за Лениным. И, может быть, на ходу поезда ночью спрыгнуть в сугроб. Испытать на себе то, что испытал Владимир Ильич.

— С тебя это станет, — заметил Константин. — И провалиться в ледяную купель?

Константин Сергеевич принялся ходить из угла в угол, что он делал, когда был чем-то взволнован.

— Удивительная страна Финляндия, — раздумчиво сказал он. — Куда бы ни ступил, обязательно найдешь след Ленина. И возьми его сочинения. Нет почти ни одного тома, где бы он не писал о Финляндии, не думал о ее судьбе, не разоблачал гнусность царской политики, не отстаивал бы необходимость предоставления самостоятельности Финляндии. Помнишь его пророческие слова: «Придет время — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется русский пролетариат». И когда Октябрь победил, именно из рук Ленина получила Финляндия свою независимость и свободу.

— А как распорядилась этим щедрым даром буржуазия? — спросила Ирина и сама ответила: — Она обратила оружие против своего рабочего класса.

— О, я хорошо помню эти дни. Рабочий класс восстал против насилия. И только силой германских штыков и пушек под командованием генерала фон дер Гольца буржуазии удалось подавить революцию. Тысячи финских красногвардейцев нашли убежище в нашей стране.

— Да! — вскочила Ирина. — Я совсем забыла тебе сказать. Сегодня на приеме один финский журналист рассказал мне, что сюда прибыл начальник немецкого генштаба Гальдер со свитой для инспектирования.

— Добра это не сулит, — помрачнел Константин Сергеевич. — Очевидно, неспроста развязывается чудовищная антисоветская кампания. Какое же черное сердце надо иметь, как ненавидеть собственный народ, чтобы, прикрывая переговоры с гитлеровцами, вопить о «красной опасности», устраивать провокации. Добра это не сулит, — повторил Константин.

— Этот же журналист сказал, что генерал Гальдер сегодня выехал на Карельский перешеек.

— Н-да! — потер виски ладонями Константин и, прикурив новую папиросу от окурка, продолжал шагать, повторяя: — Да, это плохие новости. Недобрые. Недобрые. — А потом, резко повернувшись на каблуках, вдруг как-то посветлел, на лице разгладились морщины.

— Но на этом темном небосклоне есть и светлый луч. Завтра тебе надо приготовить обед дома, в столовую не пойдем.

— Ты кого-то принимаешь? — спросила Ирина. — Но с обедом великолепно справится и Нюра, а у меня уйма дел.

— Постарайся свои дела сделать сегодня

вечером, ночью, а завтра обед должен быть приготовлен твоими руками, очень домашний и очень праздничный. У нас будет дорогой гость, который проживет несколько дней. Передохнет. Купи цветы. Много цветов, которых она не видела почти пять лет.

— «Она»? «Пять лет»? — ахнула Ирина. — Ты говоришь о Херте Куусинен?

— Да, да, да!

— Тебе удалось-таки добиться ее освобождения? Поздравляю!

— Почему мне? — пожал плечами Константин. — Я только выполнял поручение нашего правительства. Вел переговоры. Конечно, было нелегко. Но освободила-то ее наша страна. Со-



Ирина сняла маленькую нарядную шляпку и уселась рядом с мужем на подлокотник кресла.

ветская страна. Завтра утром еду в тюрьму и привезу ее к нам домой.

— Я сейчас поставлю пироги, а ты приготовь дровишки для плиты и колонки. Она, наверно, захочет выкупаться. Какого она роста? Подойдет ли ей мое белье и платья? — засуетилась Ирина. — С чем она любит пироги? Сделаю всякие: с мясом, с капустой, с рыбой, с яблоками.

Константин, прищурившись, смотрел на Ирину. Подошел к ней, положил ей руки на плечи.

— Ты знаешь, вчера я тебя любил больше, чем позавчера, а сегодня больше, чем вчера.

— Это за то, что я умею печь пироги?

— Вот за что — не знаю, не ведаю. Но у меня всегда потребность думать с тобой вслух. Нам не хватит жизни, чтобы наговориться. Когда-то, обжегшись на корыстной посредственности, дал клятву никогда больше не жениться.

Ирина крепко обняла мужа.

— А мне кажется, что я растворилась в твоем «я», что моего «я» уже больше нет. Есть только ты, — пылко сказала она. — Так с чем же печь пироги? Ты только подумай: провести пять лет за тюремной решеткой.

— Да, я читал ее дело. Дочь крупного политического и общественного деятеля Советского Союза — Отто Куусинена. Оставила мужа, маленького сына, уютную квартиру, обеспеченную жизнь и пошла пешком через леса, болота, в родную Финляндию. Мыкалась по конспиративным квартирам, восстанавливала связи и... нарвалась на провокатора.

— Оставить мужа и ребенка... — задумчиво сказала Ирина.

— Скажи, а вот если бы нам вдруг пришлось расстаться... Расстаться, может быть, навсегда?

— Я не мыслю жизни без тебя, — откровенно призналась Ирина. — Когда в тебя стреляли, я потом подумала — ты ведь был на волосок от смерти. Я бы не осталась вдовой.

— Вышла бы немедленно замуж?

— Нет. Что ты! Я просто не стала бы жить.

— Глупышка ты! А если бы интересы Родины требовали поступить так, как поступила Херта? Ты смогла бы?

— Да, конечно, — взглянула она на мужа потемневшими от боли глазами. — Я взяла бы с собой твою любовь. Она дала бы мне силы, светила бы в ночи. — Ирина замолчала, думая о чем-то, не решаясь сказать, а потом вскинула на Константина глаза и спросила: — А ты бы мог жить без меня?

Константин закурил. Стал шагать из угла в угол. Ответил не сразу. Ирина смотрела на него отчаянными глазами.

— Если бы ради спасения твоей жизни потребовалось пожертвовать своей, я бы пошел на это без колебаний. Но если бы ты умерла, я бы не покончил с собой. Недаром Владимир Ильич говорил про своих соратников и сотрудников, что это — «казенное имущество», которое надо всячески беречь. Вот и наши с тобой жизни — тоже казенное имущество, которое принадлежит Родине, и сами мы им распоряжаться не можем. Не имеем права.

ГЛАВА 24

Легенда

Длинную, прямую, суховатую фигуру профессора Ляскиля хорошо знали в округе. Ежедневно, в любую погоду, в шесть часов утра он выходил на прогулку. На два часа. Нередко прогулка прерывалась. То какая-то женщина, видно, поджидавшая его на дороге, просила зайти посмотреть больного ребенка, то кто-то из встречных сообщал, что заболел муж молочницы, и профессор немедленно шел к больному. Возвращался домой ровно в восемь, где его ждала с завтраком сестра Айни, с которой он коротал жизнь. Оба состарились, так и не успев обзавестись семьями. Айни для профессора была и сестрой, и близким другом, и единомышленником. Она тоже была врачом, но успевала вести их немудрящее хозяйство на загородной вилле.

И сегодня, как всегда, к восьми часам утра он вернулся домой и еще в передней ощутил запах кофе. Айни ждала его. Только она одна могла варить такой кофе, от которого исправлялось самое дурное настроение.

Профессор сел за стол, заправил салфетку за борт пиджака и отхлебнул глоток обжигающего кофе. Затем стал разворачивать газеты. Одну, другую, третью. Брезгливо смахнул их все со стола на пол.

— Дурно пахнут, — объяснил он сестре, — портят аппетит. День ото дня накаляют атмосферу, заражают трупным ядом. Каждый день одно и то же. «Нам угрожает Советский Союз». «Опасность коммунистической революции». «Гитлер признает финскую расу за арийскую». «Великая Финляндия до Урала». Тьфу, — плюнул профессор на газеты и наступил на них ногой. — Мы с тобой лечим людей, а больна страна. Фашистские организации растут, как поганки в лесу. Гнилостные бактерии поражают организм, и это называется демократией.

— Виль, успокойся, пей кофе, остынет ведь. Тебе читать лекцию, а ты себя взвинчиваешь.

— Мне иногда хочется, выйдя на кафедру, объяснять студентам не клиническую картину, диагноз, профилактику и лечение, скажем, желчнокаменной болезни, а обратиться к ним и спросить: понимают ли эти молодые люди, какая опасность нависла над страной? Обрисовать им клиническую картину положения в стране.

— С тебя это станет, — усмехнулась Айни, — но что это даст? В тюрьму, что ли, захотел на старости лет? Сегодня четверг. Соберется наша молодежь, и ты отойдешь. Нам пора ехать.

Профессор захватил плащ и берет, вышел во

двор, вывел из гаража серенький, с высоко поднятым над колесами кузовом «эс-экс», завел мотор...

Возвращался домой вечером, когда уже светила луна и на дорогу легли пепельные тени деревьев. Окна виллы были освещены.

По четвергам у профессора собиралась молодежь. Из стариков было только трое — профессор с сестрой и друг их дома мадам Терватя. Это были прекрасные вечера. Общение с этой молодежью, чистой, целеустремленной, верной своим идеалам, вселяло надежду. Профессор приехал, когда гости были уже в сборе. Здесь был молодой врач Маури, его сестра поэтесса Эльза, поэт Эркки, писатель Ульм, недоучившийся студент Эйно, бросивший университет из-за отсутствия средств. И сколько его ни уговаривал профессор, чтобы он принял его материальную помощь — «окончите — рассчитаетесь», — Эйно категорически отказался. «Я хочу всего добиваться сам», — заявил он. Только попросил найти ему какую-нибудь работу в сельском хозяйстве, чтобы иметь возможность после физического труда на свежем воздухе заниматься науками. Профессор рекомендовал его в имение мадам Терватя. Эйно стал работать конюхом, но здесь у профессора они встречались на равных. Журналистка Марианна, большеглазая, немного жеманная, но самоотверженная, убежденная антифашистка, начинающий писатель Кай с вечной сигаретой во рту, обсыпанный пеплом, студентка медицинского факультета Анна с плетеной корзиночкой для рукоделия. Она постоянно вязала, чтобы заработать себе на жизнь, вязала не глядя, ведя разговор или читая. На лекциях, спрятав клубок в пюпитр, слушая лекции, вязала, почти ничего не записывала, надеясь на свою отличную память. И сейчас, устроившись в кресле в углу, вытянула нитку из корзиночки, и замелькали спицы. «Ты же готовишься стать хирургом, — говорили ей товарищи, — как же ты одновременно будешь вязать и делать операции?»

«Анна будет делать операции так же, как вяжет, не глядя на операционное поле», — шутил Маури.

Эйно каждый раз приходил с кем-нибудь из своих друзей, о которых никто ничего не знал: ни где они работают, ни их фамилий. В этом кружке все друг друга называли только по имени. Сегодня Эйно привел совсем молодого человека, лет семнадцати, и отрекомендовал его: «Мой друг Вяйно».

Последней приехала мадам Терватя, как всегда, шумная, веселая.

Девушки занялись приготовлением чая, взяв на себя эту постоянную обязанность. Это была не просто вечеринка и не собрание с повесткой дня. Это был кружок единомышленников, где часто разгорались споры, прерываемые иногда веселой песней под гитару или под аккомпанемент мадам Терватя. Здесь царила атмосфера доверительной дружбы. Здесь можно было думать вслух, высказывать открыто свои мысли, не опасаясь, что это выйдет за пределы виллы. Объединяла всех этих людей одна забота, одна цель: организовать молодежь на борьбу с фашизмом, отстоять мир.

Здесь, на этой вилле, зародилась мысль издавать литературную газету, чтобы собрать вокруг нее лучшую часть интеллигенции, связать ее с рабочим классом. Студенты, входившие в этот кружок, часто работали на дорожном строительстве, грузчиками в порту, чтобы заработать деньги, необходимые на издание газеты, и для того, чтобы лучше узнать жизнь трудового народа.

— Имейте в виду, — сказал Маури, — что против нашей газеты ополчились все правые силы. Мы должны в совершенстве овладеть искусством эзоповского языка. Слова «классовая борьба», «забастовки», «коммунистическая партия», «марксизм», «революционное движение» должны начисто исчезнуть со страниц нашей газеты. Сегодня основной материал должен был дать Эркки. Ну, что ты нам принес?

Эркки, небольшого роста, коренастый, с сурово насупленным лицом, ходил по комнате, заложив руки за спину.

— Я записал старую легенду о Финляндии.

— Послушаем? — спросил Маури друзей.

— Читай, читай.

Эркки вынул из нагрудного кармана листки.

Марианна пригласила всех за стол, где был уже разлит чай, расставлены вазочки с кексом и печеньем.

Эркки отхлебнул глоток чая, встал и начал читать:

— «Однажды Властелин Океана, восседая на коралловом троне, наделял своих дочерей приданым. Старшей дочери, Азии, он подарил ожерелье и пояс из драгоценных горных хребтов. Африка получила солнечную корону, Австралия — сокровища морей. Когда же очередь дошла до младшей дочери, Европы, он положил к ее ногам дары природы.

Первым явился свататься к дочерям Океана Великан Север. Но дочери Океана отказали ему одна за другой. Рассвирепел тогда Полярный Великан и решил поработить своенравных красавиц. Сокрушая все на пути, двинул он на них ледниковые лавины, сковал льдом до пояса Азию, накинул ледяные цепи на правое плечо Америки и потянулся к младшей, Европе, но отец Океан простер две могучие руки и оградил свою любимицу. До правой руки Океана, которую называют Средиземным морем, у Полярного Великана не хватило сил дотянуться. А на левую руку — Балтийское море — он ежегодно набрасывает ледяной панцирь. Но надуваются жилы на руке Океана, и крушит он льды, и Великий Север отступает.

Дочери Океана тем временем повыходили замуж за королей гор.

Европу судьба наградила большим количеством детей. Однажды она созвала их, чтобы разделить между ними дары, полученные ею от отца. Южные красавицы получили лозы винограда, дающего пламенный херес, шипучее шампанское, терпкое рейнское вино, душистые

апельсины, маслянистые оливы, вечнозеленый лавр, золотистую пшеницу, буковые леса, березовые рощи. Каждая получила то, что желала. Только одна дочь сидела в сторонке, стиснутая льдами и каменными валунами. Она ничего не просила и ничего не получила.

Мать Европа, завидев свою меньшую, дрожавшую от холода девочку, спросила:

— А ты, моя дочь Суоми, почему ты укрылась в тени и ничего не просишь? Разве у тебя нет никаких желаний?

— О милостивая мать, — прошептала молчаливая девушка, над которой распростерлась лапа Великого Севера, — ты уже раздала другим все, что имела, а я так хотела бы солнечного тепла после долгой ночи, вечнозеленых деревьев...

— Увы, дитя мое, я раздала все. Солнечное тепло вобрали в себя виноград и апельсины, лавр и пшеница. Но я подарю тебе много света после темной ночи. Льды превратятся в тысячи прозрачных озер, и в них многие недели будет непрерывно отражаться солнце, а когда наступит ночь — звезды будут сверкать в озерах бриллиантами чистой воды. Ты, мой бедный, заброшенный ребенок! Разве я люблю тебя меньше других? Твои плечи будут омывать легкие, как моросящий дождь, волны Балтийского моря, реки и озера наполнятся серебристой рыбой, на диких валунах и моренных грядах вырастут ели и сосны. Эти вечнозеленые леса будут радовать глаз зимой. Белоствольные березы украсят поляны, болота покроются яркой зеленью, и в них засверкают рубинами клюква и морошка, у подножия сосен выстелются сиреневые ковры из вереска. Ты будешь, моя дочь, пригожей девушкой и завидной невестой, если будешь беречь и приумножать приданое, которое я тебе дарю.

— Я не пожалею сил, моя добрая мать, — отвечала Суоми, — труд и прилежание всегда будут моими верными спутниками».

Эркки сложил листки и опустился на стул.

— Это все? — удивился Маури.

Мадам Тервапя рассмеялась.

— Эркки закончил ледниковым периодом. Даже не дошел до Эзопа, который писал свои басни в шестом веке до нашей эры. А нам нужен день сегодняшний. Нам нужно заглянуть, что будет завтра.

— Я предлагаю коллективно придумать продолжение этой легенды, — сказал Маури.

— Я буду стенографировать, — вызвалась Марианна и раскрыла свой постоянный спутник — блокнот.

— Вот ты, Маури, и продолжай, — предложил Эркки.

Маури расставил широко колени, оперся на них локтями и на минуту закрыл глаза. Затем встал, расправил плечи, молодой, ладный, красивый.

— Я перейду поближе к делу, — сказал он. — Приглянулась трудолюбивая скромная Суоми Викингу и решил он взять ее себе в наложницы. Сопротивлялась свободолюбивая Суоми, но Викинг собрал войско крестоносцев, завладел Суоми и держал ее в плену полтысячелетия.

— Продолжай, Анна, — распорядился Эркки.

Анна, не переставая вязать, продолжала:

— А тем временем объявился новый жених на Востоке, русский царь, и потребовал себе в жены Суоми. Несколько лет бились войска шведского короля и русского царя. Последний победил и владел Суоми сто с лишним лет. И все эти столетия мечтала она о свободе, о вольной жизни. «Кто выручит меня из неволи, неужто я обречена на вечное рабство?» — горевала Суоми. — Анна замолкла.

— Мадам Тервапя, может быть, вы продолжите? — спросил Эркки.

— Э, нет, увольте. Я потом.

— Тогда пусть продолжит Эйно, — решил Эркки.

Эйно, по привычке запустив пальцы в шевелюру, подумал, встал:

— Однажды явился к Суоми молодой Рыцарь. С виду ничем не примечательный, среднего роста, крепкий, крутолобый; с бесстрашным и умным взором. «Укрой меня на время, Суоми, — попросил он. — Гонятся за мной царские ищейки». «Ну, что ж, — ответила Суоми, — если мой враг он же и твой враг, тогда я дам тебе приют. Ты, наверно, хотел убить царя, и поэтому тебя преследуют?» «Нет, — отвечал Рыцарь, — в моей стране вырос могучий Витязь. Он, как и ты, живет в неволе, в нищете. Он поднялся на борьбу против царизма, насилия, угнетения, за свободу и независимость, за мир и счастье на земле. И он победит. Только он может освободить из неволи и себя и тебя». «У царя неисчислимое войско, несметные богатства, коварство и злоба его не знают предела, а чем же владеешь ты, что так уверен в победе?» — спросила Суоми. «Я владею истиной, которой вооружил меня мой Великий Учитель». «И ты обещаешь вызволить меня из неволи?» «Да!» — твердо ответил Рыцарь. «А что ты потребуешь от меня за это?» — недоверчиво спросила Суоми. «Самый большой дар, чтобы была ты мне доброй сестрой, а я обещаю быть тебе верным братом и другом». Согласилась Суоми. Укрыла Рыцаря. Ищейки русского царя шли по его следам. Но сплетались непроходимой стеной леса и рощи, бурные реки преграждали им путь.

Эйно, вытирая взмокший от напряжения лоб, замолчал.

Все зааплодировали.

— Эйно, мы принимаем тебя литературным сотрудником нашей газеты, — сказал Маури и, обведя взглядом присутствующих, спросил: — Кто хотел бы продолжить?

— Попробую я, — отозвалась молодая поэтесса, сестра Маури.

— Прошу тебя, Эльза!

Эльза поднялась, откинула назад пышные волосы, прикрыла глаза.

— Молодой Рыцарь не прятался в пещерах, не хоронился в лесах. Он поднимался с первыми лучами солнца, брал в руки волшебное кантеле,

которое звучало на весь мир. Эти звуки были призывны. Они наделяли Витязя великой силой, решимостью бороться, верой в победу. И наступил час, когда Рыцарь, невзирая на опасность, пришел к Витязю и сказал: «Пора!». Народ с нетерпением ждал этого пароля и пошел за Витязем и Рыцарем в бой с неволей и нищетой, с рабством и несправедливостью. И победил. С тех пор год 1917 стал началом новой эры человечества.

Вяйно с увлечением слушал и не сразу понял, что Эркки предлагает продолжать ему.

Юноша отрицательно замотал головой.

— Я не умею.

— Как умеешь, — подбадривал его Эйно. — Мне тоже казалось, что я не смогу.

Вяйно поднял взволнованные, сияющие глаза на Эйно, встал, одернул пиджак и торжественно, как на пионерской линейке, произнес:

— Ленин сдержал свое слово...

— Вяйно, ты забываешь о цензуре, — предупредил Маури.

— Да, да, — извинился Вяйно. — Рыцарь не забыл своего обещания. Сразу после победы он сам вручил Суоми ключи Свободы и от всего сердца пожелал ей счастья.

— Очень хорошо, — воскликнул Маури, — только ключи эти схватили недобрые руки, — и добавил: — А теперь наш уважаемый профессор продолжит легенду.

Профессор протер затуманенные очки куском замши и вздохнул.

— Вы дали мне самую трудную задачу, — сказал он. — Эту легенду хотелось бы закончить тем, чем заканчиваются все легенды: «и стали они жить-поживать и добра наживать». Но... — Профессор помолчал и продолжал: — Волшебные звуки кантеле возвестили победу Витязя. В океане бесправия и произвола возник новый Материк Свободы. К нему потянулись сердца людей. Над Материком Свободы взвился флаг, на котором засияло слово «мир».

Но у Европы появился завистливый и коварный выкормыш. Он был прожорлив, ненасытен, зол и драчлив, как все уроды. Он решил, что звуки волшебного кантеле нужно заглушить пальбой из пушек, стал ковать мечи, чтобы поразить Витязей, которые росли во всех странах. Над своим островом он вскинул флаг, на котором под паучьими лапами было начертано слово «война». Этот Коричневый Урод выращивал чумных блох, которых распространял по всему миру. Он овладел искусством пропаганды шепотом, распространяя чудовищную, злобную клевету против Витязей. Коричневый Урод рассеял чумных блох по всему миру, и только Материк Свободы был недоступен для них. Чистая атмосфера Великого Материка была им противопоказана. Они чувствовали себя привольно и размножались в атмосфере страха, попустительства; злые силы считали, что эти блохи помогут им сокрушить Витязей. Но в конечном счете от этих блох погибнут те, кто дал им возможность плодиться.

Все слушали с поникшими головами, раздумывая над словами профессора. Мадам Тервап.., которая не могла сидеть сложа руки, устроилась рядом в кабинете профессора и писала письма, что, впрочем, не мешало ей слушать разговор в столовой. При последних словах профессора она выплыла из кабинета, уселась на диван, обвела молодых людей изумрудным взглядом своих глаз, и те прочитали в них и материнскую боль и материнскую любовь.

— Давайте, друзья, помечтаем о будущем нашей родины, о том, какой бы вы хотели ее видеть, — предложила она.

— А как вы сами представляете ее будущее? — спросил Маури.

— Да, да. Как? — послышалось со всех сторон.

Молодые люди придвинули стулья, устроились на ковре возле дивана. Кто-то поджег березовую кору в камине под дровами, кто-то выключил люстру. В темноте трепетали язычки пламени, которые разгорались все ярче и ярче, а в тишине зазвенел взволнованный голос Сонни:

— Я люблю свою страну, и мне кажется, что нет ее краше и лучше. Я побывала во всех странах Европы. И каждый раз с душевным трепетом возвращалась домой. Люблю белые ночи, их очарование и нашу зиму с ее метелями, волшебным снегопадом. А наши озера в обрамлении лесов! Если взобраться на гору, они смотрят на нас ясными очами, как дети Земли...

— Мадам Тервапя, можно украсть у вас эту строчку для моего стихотворения? — воскликнула Эльза.

— Ради бога!.. Но больше всего, друзья, я люблю наш народ, его трудолюбие, обычаи и душу. И как ненавижу тех, кто хочет превратить нашу милую Суоми в служанку чужим, несвойственным ей интересам, кто хочет бросить нас в пропасть войны. Не о великой Финляндии до Урала мечтаем мы — это бред зараженных чумными блохами, а о величии Суоми, о ее достойном месте в мире прогресса.

Огонь камина молодил лицо мадам Тервапя, а слова ее зажигали.

— Смотрю я на вас, молодых, и завидую вам. Я верю, что Суоми, о которой так мало знают в Европе, прославит себя служением миру.

— Как этого достичь? Что для этого нужно?

— Я вижу один-единственный путь, одно-единственное средство — это дружба с нашим великим соседом, — убежденно ответила мадам Тервапя, — с Советской Россией.

Профессор Ляскиля встал, подошел к окну, отдернул портьеру.

— Мне очень многое хотелось бы сказать, — обратился он к молодежи, — но мне кажется, что красноречивее всех слов вот эта занимающаяся заря...

Небо светлело. Из темных туч, тяжело лежащих на горизонте, пробивалось солнце.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.





БАРХАТНЫЙ ПУТЬ

Т. КОТЕНЕВА

Кто-нибудь из вас помнит, чтобы метро закрылось на ремонт?! Утром пришли пассажиры, а везде висят объявления «Метро закрыто на ремонт». Такое даже представить себе невозможно. Столица просто не сможет жить своей обычной жизнью: поезда метро перевозят в день семь миллионов пассажиров!

Порядок в метро существует не сам по себе, его создают люди. Мы с вами видим только очень немногих из них: машинистов, ведущих составы, дежурных на станциях, дежурных у эскалаторов и турникетов. Я расскажу о тех метрополитеновцах, которых никто из вас никогда не видел, о которых никто из вас ничего не знает. Мало того, сколько бы вы их ни искали в метро, хоть целый день напролет, не отыщете. Кто же эти таинственные незнакомцы?

...Поздно ночью, когда уходят в депо последние поезда, когда подземные станции становятся гулкими и безлюдными и неподвижно замирают трудяги эскалаторы, на пустынных платформах появляются люди в спецовках и ярко-желтых «сигнальных» жилетах.

Ровно в 2 часа ночи на всех станциях одновременно звучит сигнал, означающий, что все линии метрополитена лишены тока и можно приступать к работе. В тоннелях вспыхивает свет, и по металлическим лесенкам, похожим на корабельные трапы, ночная смена спускается в тоннели. Начинается трудовая ночь метро, короткая и очень напряженная. Всего три часа в распоряжении рабочих. Три часа. С двух до пяти. В пять часов утра ночные работы в тоннелях должны быть закончены.

На первый взгляд может показаться, что за три часа, как ни старайся, много сделать не успеешь. Однако люди здесь работают быстро, четко, умело.

Вот еще и рельсы не успели остыть от дневных скоростей, а по ним уже катится чуткий прибор — дефектоскоп. Ни один изъян в металле, ни одна, даже самая микроскопическая трещинка не скроется от него и от его хозяина, оператора-дефектоскописта. Тщательно, метр за метром прощупывают они

стальные подземные дороги. Вместе с опытными обходчиками пути, которым знакома здесь каждая шпала, каждый стык, каждый болт в стыке.

Еще совсем недавно дефектоскопов под землей не было. Единственным прибором, который определял исправность рельсов, был человеческий глаз да еще путейский молоточек, которым простукивали рельсы, по звону металла определяя его состояние.

Теперь при Управлении метрополитена есть техническая школа, в которой ребят, окончивших десять классов, обучают профессиям оператора-дефектоскописта и обходчика пути.

«Интересно, — скажете вы, — а что же бывает, если вдруг обнаружат какую-то серьезную неисправность? Что в таком случае делать, часто ли это случается?» Случается, конечно. Вот обнаружили опасную трещину в рельсе где-то на перегоне.

Дорожный мастер немедленно приказывает бригадиру ремонтной бригады устранить неисправность, освободить от креплений и вынуть поврежденную часть рельса от стыка до стыка и на его место положить точно такой же рельс, только новый.

Когда смотришь на работу путейцев, все кажется простым и легким. Как быстро и в то же время неторопливо, как спокойно и в то же время напряженно они работают! За этой неторопливостью и спокойствием стоят тончайший расчет, мастерство и большое чувство ответственности.

Чувство ответственности свойственно всем без исключения метрополитеновцам. Удобно ли будет завтрашним пассажирам или вагоны будут так раскачиваться, что на ногах не удержишься?

Чтобы уменьшить грохот колес в тоннелях, шпалы в метро деревянные. Под тяжестью составов, мчащихся с огромной скоростью, такая шпала может расплющиться. Получится что-то вроде ямы. Пусть даже глубина ее всего несколько миллиметров, этого достаточно для ощутимого толчка.

Два раза в месяц по всем подземным радиусам проходит вагон-путеизмеритель. Специальные приборы, установленные в нем, записывают на бумажную ленту все толчки, даже самые слабые. А ночью монтеры пути там, где нужно, чуть-чуть подвинут рельс вправо или влево. Существует такое понятие «бархатный путь», по такому пути поезда проходят как по маслу, даже пыли не поднимают.

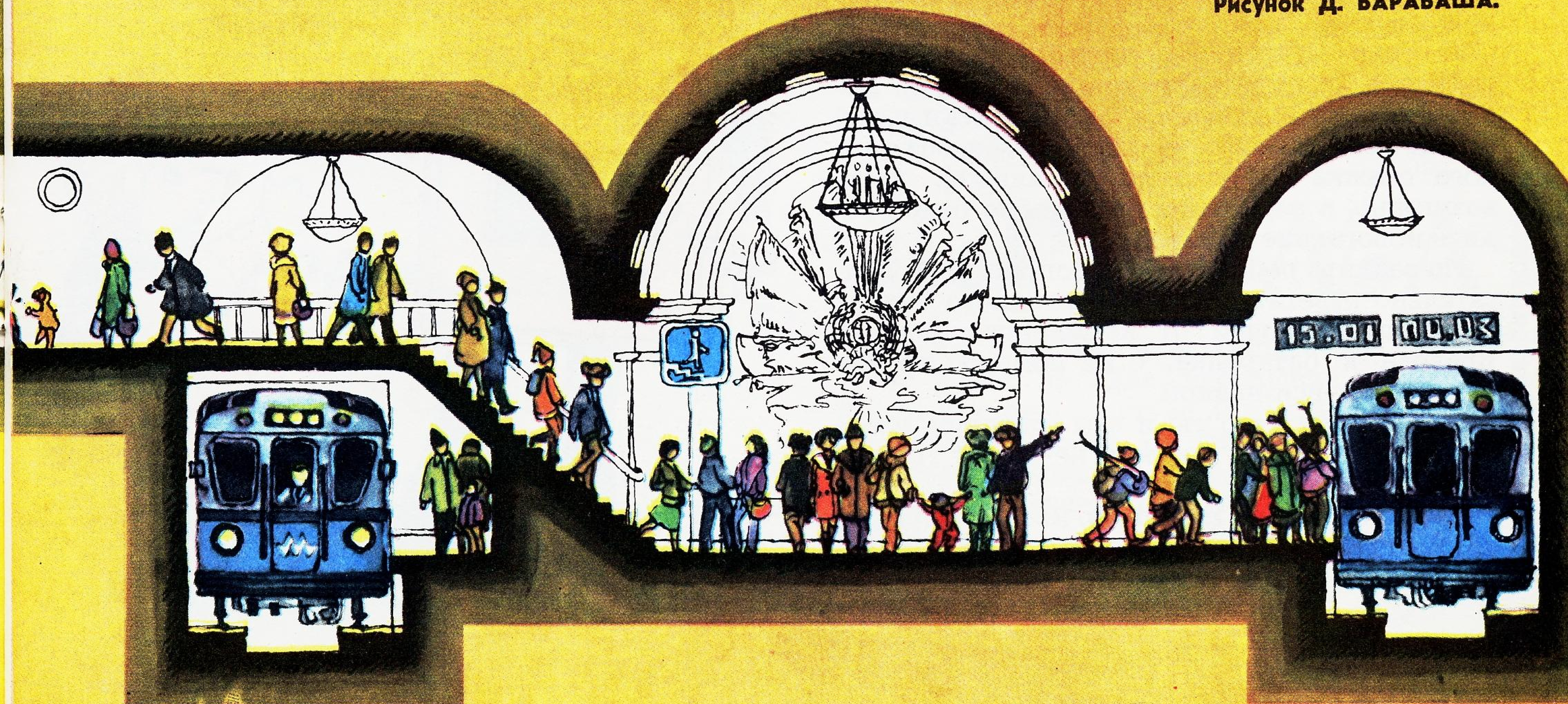
Кстати, о пыли... Здесь не только станции каждую ночь убирают, но и тоннели тоже регулярно моют. Пока поезда отдыхают в метро, пустые тоннели заполняют мотовозы — маленькие вагончики с такими же двигателями, как на обычных автомобилях. Они возят рельсы и шпалы, тяжелые инструменты. Есть среди них и мойщики тоннелей. Катится такой вагончик по рельсам, а из него во все стороны бьют шипящие струи воды.

Ровно в пять часов утра ночная смена заканчивает работу. Бригадиры докладывают диспетчерам по внутренним телефонам, что все готово к движению поездов. ОТК в метро нет. Здесь каждый рабочий сам себе ОТК. Каждый ночной рабочий, прежде чем выйти из тоннеля, мысленно спросит себя, все ли он сделал для того, чтобы день метро был нормальным.

Может быть, именно поэтому мы, ни о чем не беспокоясь, спускаемся под землю, входим в распахнутые двери вагонов, разворачиваем газеты, раскрываем книги, нисколько не сомневаясь в том, что вовремя успеем на работу, на вокзал или на самолет...

Я рассказала только о небольшом отряде двадцатитрехтысячной армии работников Московского ордена Ленина метрополитена имени В. И. Ленина. А в нашей стране работают сейчас семь метрополитенов! Скоро откроются они в Новосибирске, в Горьком, а потом и в других больших городах. И, наверное, многие из вас, ребята, будут работать в метро.

Рисунок Д. БАРАБАША.



Здравствуй,

Хочешь, чтобы на школьном новогоднем вечере было весело? Тогда не сиди и не жди, пока кто-то придет веселить тебя. Подумай сам, чем ты угостишь своих друзей, что им подаришь, во что вы поиграете у новогодней елки.

Конечно, сладости и подарки можно купить в магазине и на праздник прийти в обычных нарядных платьях. Но гораздо приятнее самим сделать подарки, испечь торт и сшить яркий карнавальный костюм.

Костюм, в котором никто тебя не узнает

Продавец Снежков

Может быть, ты помнишь: в прошлогоднем двенадцатом номере «Пионер» объявил конкурс на лучший карнавальный костюм. Целый год ребята присылали нам эскизы. Больше всего нам понравились костюмы Продавца снежков и Робота-всезнайки.

Костюм Продавца снежков придумала **Оля Никитина.** Продавца снежков никто не видел, но Оля считает, что на новогоднем вечере все может случиться. Ей кажется, что цвет платья у продавца снежков должен быть светлым, лучше всего голубым. На платье — улыбающийся снежок (вышитый цветными нитками или аппликация), на рукавах, шапочке, подоле — снежинки из серебристой фольги. Круглая шапочка сшита из шести лепестков (клиньев).

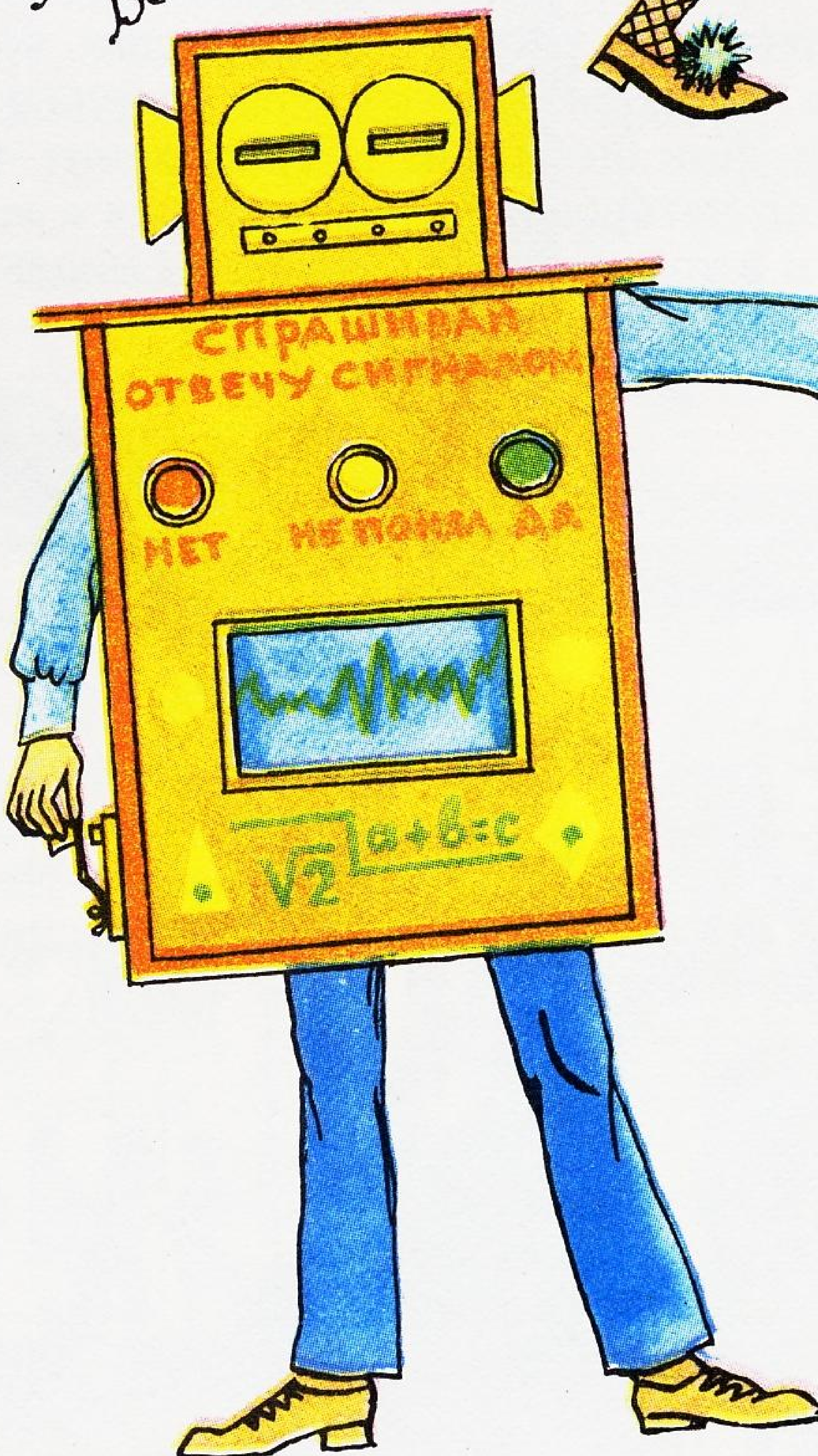
А **Валя Петров** из города Кяхты будет встречать Новый год в костюме робота. Валя взялся за женское дело по-мужски и выполнил его отлично: костюм сделан без единого стежка (из картонного ящика), хотя, возможно, в нем не совсем удобно будет водить новогодние хороводы.

Но задайте роботу любой вопрос. И он обязательно ответит. Внутри картонного ящика спрятаны лампочки от карманного фонаря, провода и батарейка, с их помощью робот становится всезнайкой.

Мы думаем, что ты и сам сможешь изобрести новогодний костюм не хуже! Пофантазируй!

Это касается и подарков, которые ты сам сделаешь для своих друзей, учителей, родителей.

Робот-Всезнайка

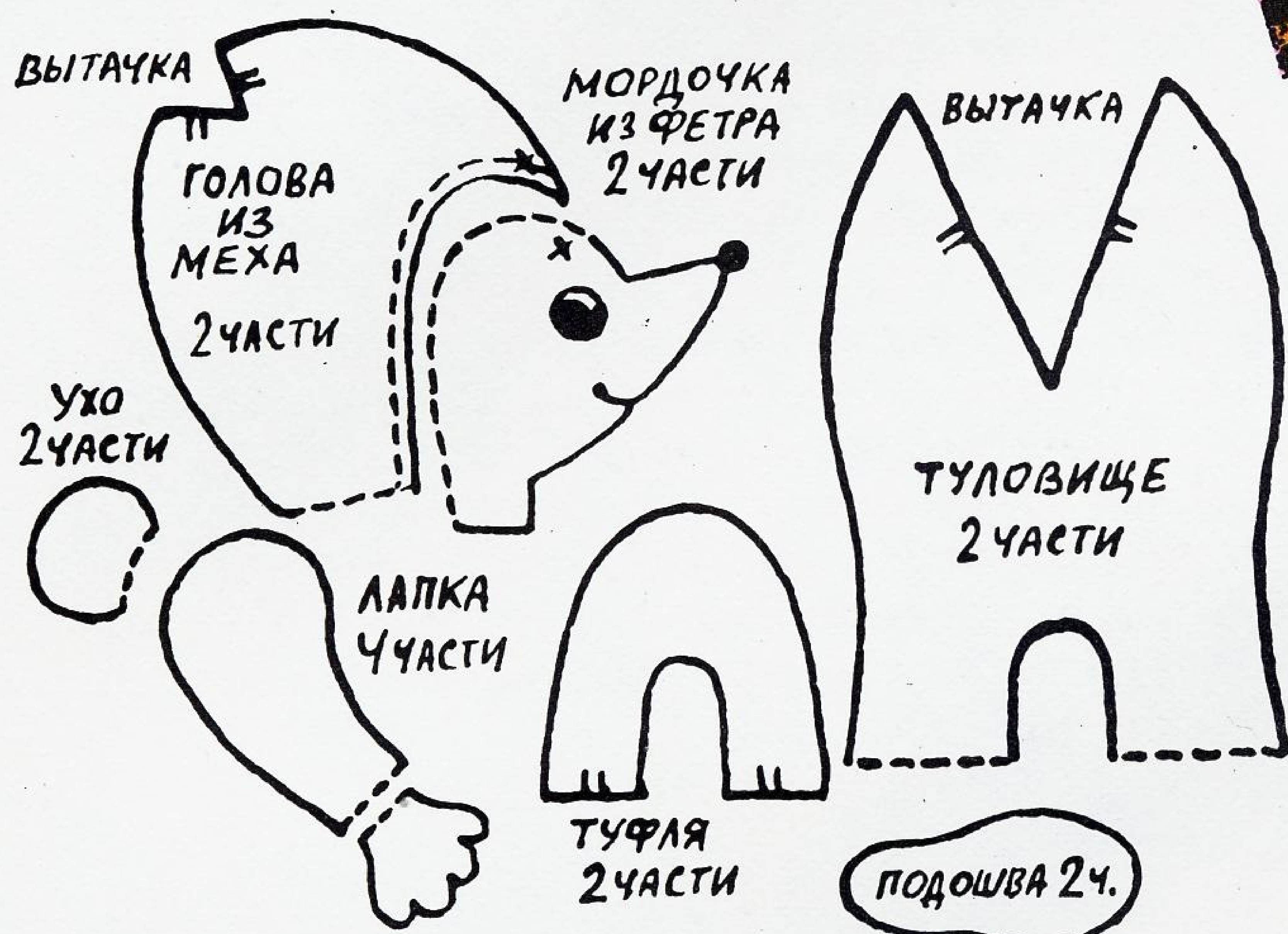




Ёжик Колючка



Ежик Колючка



Посмотри на этого забавного ежика. Его зовут Колючка.

Сделать игрушку нетрудно. Обрезки плотной ткани, кусочки меха, две пуговки, вата, иголка с ниткой — и ежик готов.

Начнешь делать ежика, аккуратно перечерти выкройку на лист бумаги, по ней вырежь из ткани остроносую мордочку, туловище, короткие ножки — словом, все необходимое для того, чтобы ежик ожил. Рот нарисуй красной тушью. Глаза сделай из пуговиц. Не забудь, что сейчас зима и твой ежик может простудиться: смастери ему шарф из кусочка старого шерстяного платка.

Подарки подарками, но какой праздник без праздничного стола со сладостями!

Новогодний яблочный торт

Для теста нужно: двести граммов сливочного масла, два желтка, один стакан сахарного песка и два стакана муки. Сначала разотри вместе два желтка и сливочное масло. Как следует растерев, положи туда сахарный песок и опять все разотри. Добавь еще два стакана муки и снова все хорошо смешай.

Начинку для торта ты будешь делать так: взбей белки от двух яиц с сахаром так, чтобы у тебя получилась пена, добавь туда два мелко нарезанных антоновских яблока и порошок ванилина.

На глубокую сковородку уложи три четверти теста и на тесто — всю начинку. Край у лепешки слегка приподними и сверху по всему кругу уложи десять — пятнадцать маленьких лепешек. Когда торт будет готов, края у него получатся фестонами. Торт надо печь сорок минут на небольшом огне. Следи, чтобы не подгорел!

Ни один Новый год не может обойтись без танцев вокруг елки в карнавальных костюмах.

А когда вы устанете и присядете отдохнуть, можно провести викторину. Для этого заранее на елку повесьте маленькие цветные конвертики, а в них спрячьте строки из стихотворений известных советских и русских поэтов. Тем, кто первым назовет автора и название стихотворения, вручается награда: конфета, рисунок, яблоко или игрушка.

В перерывах между танцами можно поиграть в «ручеек», в «третий лишний» или в игру «переправа».

Переправа

Игроки становятся у стены зала, держа в руках по две небольшие дощечки. У другой стены на стуле лежит приз. Играющие должны дойти до приза, ступая только на дощечки, которые они себе сами подкладывают. Получает приз тот, кто приходит первым.

Счастливого Нового года!

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.



«В лесу родилась елочка...»

Вот такой праздник в лесу устроили ребята из шестнадцатой школы города Калининграда Московской области...

Узнал об этом Дед Мороз и решил ребятам сюрприз сделать: разрисовал, разукрасил лес. А Снегурочка ему так усердно помогала, что все свое серебро березам отдала, сама в простом цветном платочке осталась.

Как трудно представить Новый год без нарядной елки! И как только она была наряжена, закружился вокруг нее веселый хоровод с дудками и хлопушками, полетели над лесом песни!

Здравствуй, Новый год!



Фотографии В. ПОСТНИКОВА.







ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

НА СВЕТУ И В ТЕМНОТЕ

«Почему зрачки глаз на свету уменьшаются, а в темноте увеличиваются?»

Вера Шадрина, 7-й класс, пос. Красное, Свердловская область.

Все, что мы видим, все предметы окружающего мира излучают или отражают свет. Свет проходит через зрачок и попадает на участок глаза, который называется сетчаткой. При хорошем освещении на сетчатке получается четкое изображение, а ночью или в темном помещении — расплывчатое. Поэтому в темноте зрачок расширяется, чтобы впустить как можно больше света. Сужение или расширение зрачка происходит бессознательно. Человек этого не ощущает.

По принципу работы зрачка устроена диафрагма фотоаппарата. Свет на пленку падает через объектив. Для того, чтобы уменьшить поток света (когда слишком светло) или увеличить (когда темно), надо сблизить или раздвинуть лепестки диафрагмы.

Изучив строение и работу глаза, ученые создали приборы, которые очень чувствительны к изменению света. Например, защитные стекла в скафандрах космонавтов. Когда на них падает слишком сильный свет, стекла темнеют, а при слабом освещении становятся прозрачными.

П. Я. КОТОВСКАЯ, биолог.

ВОЗДУШНОЕ ЗЕРКАЛО

«Расскажите о миражах. Почему это явление происходит чаще в пустынях?»

Ирина Горожанкина, 6-й класс, г. Коммунарск, Ворошиловградская область.

Миражи можно увидеть не только в пустыне, Ира, но чаще всего это явление встречается, конечно, там. А почему, ты сейчас поймешь сама.

От раскаленного песка нагревается та часть воздуха, которая ближе к земле. Горячий воздух становится легче и поднимается вверх. Там он сталкивается с холодным, и от границы этих воздушных слоев с разной температурой и плотностью происходит отражение света. Как от поверхности зеркала. Или, вернее, как от поверхности воды, покрытой мелкой рябью, потому что мираж слегка колеблется, дрожит.

Посмотри на рисунок. Человек идет по пустыне и видит впереди оазис. Но это не реальный оазис, это отражение в воздухе настоящего оазиса, который может быть где угодно: и впереди человека, и сбоку, и сзади.

Человек спешит к «оазису», но пока он идет, меняется угол, под которым он смотрит на изображение, и мираж исчезает.

Когда в жаркую погоду едешь на автомобиле по асфальтированной дороге, иногда кажется, что впереди лужи. Не потому, что ты видишь мокрый асфальт, а потому, что видишь блики света, похожие на те, какие бывают от луж. Это тоже мираж.

С. В. КУЗЕВ, физик.



Григорий КРУЖКОВ,
участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей

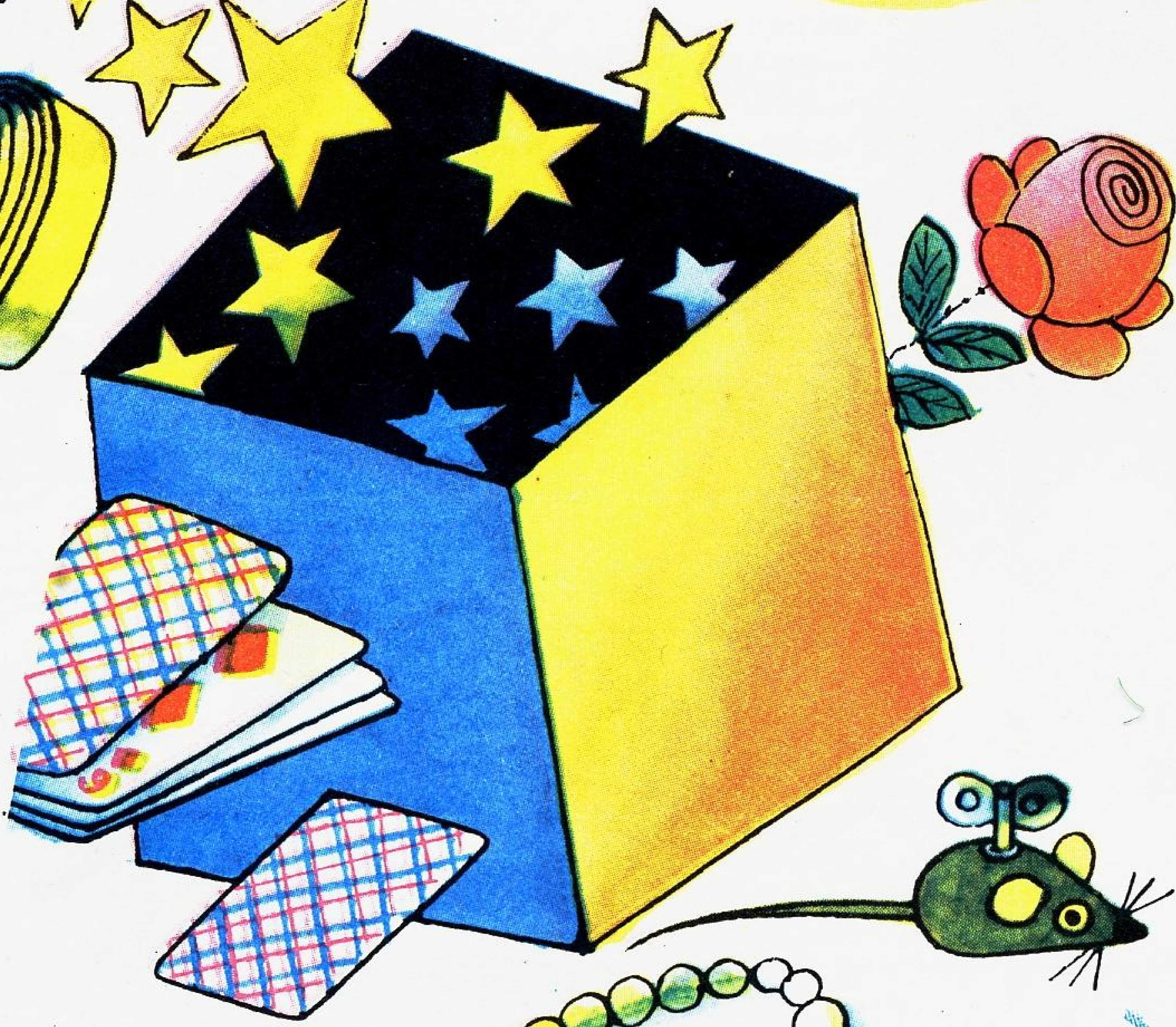
Чудеса в рукаве



Мне сказал
Третьеклассник Роман:
— Штучки фокусника —
Обман!
Ловкость рук
И различные хитрости.
Если левый рукав его вытрясти,
Там окажется все:
и платок,
И серебряной ленты моток,
Бусы,
шарики,
мышь заводная,
И цветная коробка складная,—
Все раскладывается
И складывается
И в рукав
Потихоньку укладывается.
А в другом рукаве —
пистолет,
Желтый зонтик,
бумажный букет,
Карт игральных четыре колоды
И щенок
Неизвестной породы:
Хоть и тесно ему
И неловко,
А молчит до поры —
Тренировка!

Мне сказал
Третьеклассник Роман:
— Штучки фокусника —
Обман!
Ловкость рук
И различные хитрости.
Если два рукава его вытрясти...
Но откуда
Он взял голубей,
Все равно не пойму —
Хоть убей!





Грозная хозяйка

«Хозяйка сегодня грозна.
Не к добру»,—
Почувствовал ПЕС
И полез в конуру.

«Подальше, мой милый,
Держись от собак!» —
Сказал себе КОТ
И махнул на чердак.

«Коты — это скверно,
Пора уходить!» —
Подумала МЫШЬ
И сквозь щелочку — фить!

—Ой! Мышка!
Спасите меня!
Караул! —
Вскричала ХОЗЯЙКА
И влезла на стул.



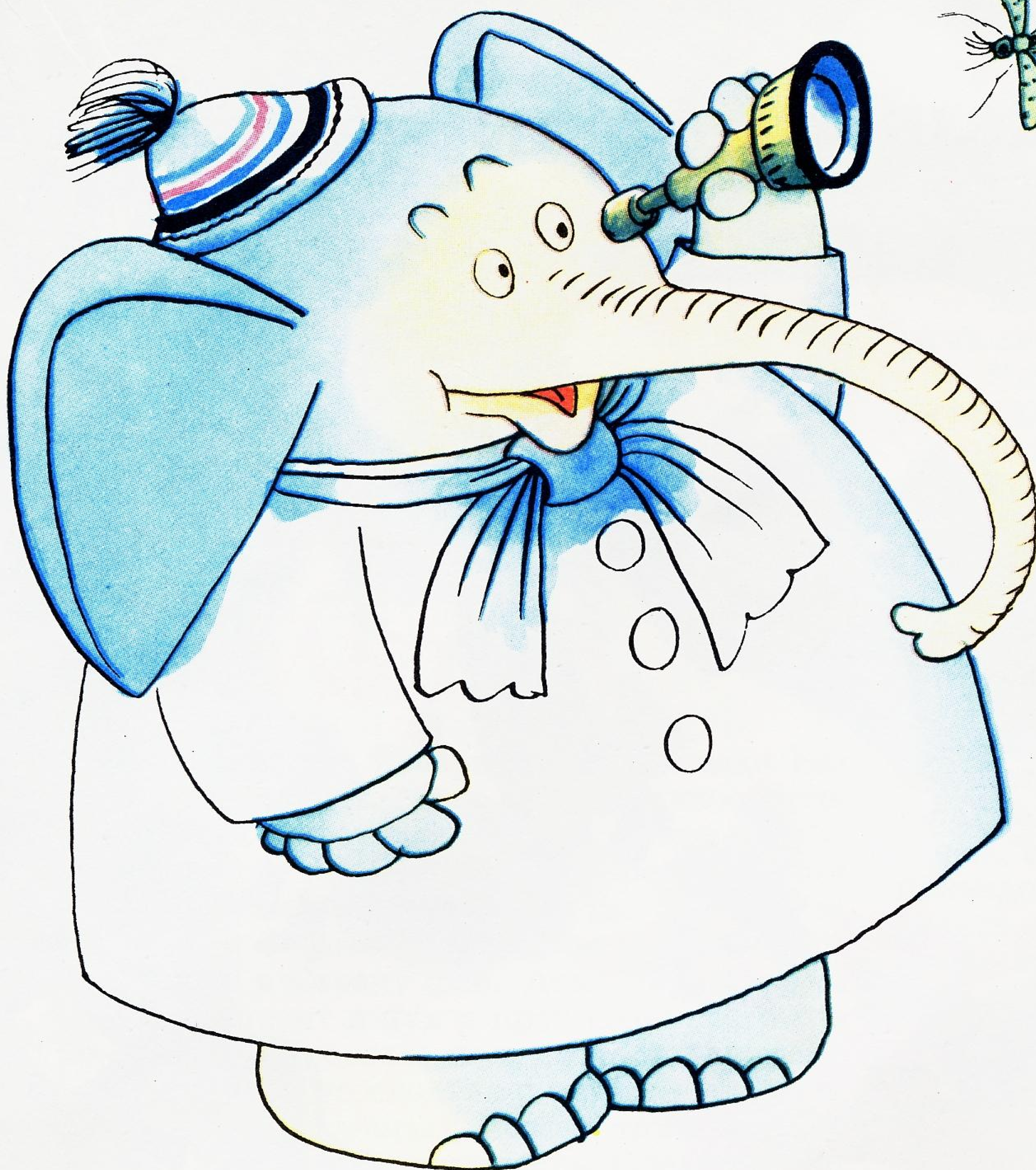
Пылесосные стихи

А вы не забыли
Про тряпку от пыли?
Пожалуйста, не забывайте,
Но каждый день,
Отбросив лень,
Нахальную пыль вытирайте!

Она, словно гость,
Расселась на стуле,—
Пока со стула ее не смахнули.
На кресло садится важно.
Но тряпки боится влажной!

Особенно с книг,
Особенно с книг
Почаще стирай ее, ученик,—
Чтоб было
Твердое знание,
А не сплошное чихание!

Держи в голове
Пример Луны,
Где при отсутствии ветра
Слой пыли в среднем
Достиг толщины
В двадцать два
Сантиметра.



Оттепель

Какое время года, друг,
Сегодня на дворе?
Такое время, что барсук
Подмок в своей норе.

Под шкуркой сырость ощутил,
Пошевелил ногой,
Подумал, левый глаз открыл,
Закрыл, открыл другой.

И вот — одним косясь, другим
Досматривая сон,
Неясной мыслию томим,
В кладовку лезет он.

В кладовке — сухо и тепло,
Запас еды большой,
Совсем нигде не подтекло
И пахнет хорошо.

Уютней стало барсуку.
Он пожевал, прилег...
Поерзал на одном боку,
Лег на удобный бок.

Вздохнул и замер наконец.
Покой и тишина.
И правильно! И молодец!
Еще же не весна!

Комар и слон

Так это все случилось,
Не сказка и не сон.
А просто подружились
В лесу комар и слон.

И, встретясь как-то снова,
Друг друга узнают.
Один трубит:
— Здорово!
Другой пищит:
— Салют!

Тут слон, вполне детально
Увидеть друга чтоб,
Взял в хобот специальный
Бинокль-микроскоп.

И говорит любезно:
— Тебе я очень рад,
Ты выглядишь чудесно
И пополнел на взгляд.

А комару, чтоб друга
Получше разглядеть,
Пришлось его по кругу
Сначала облететь.

Вернулся он усталый
И грустно пропищал:
— А ты, дружок, пожалуй,
Немного отощал!



Ученый садовод

Один ученый садовод
Усовершенствовал
Компот.
Он клал в него
Пучок редиски
И разливал
В большие миски.

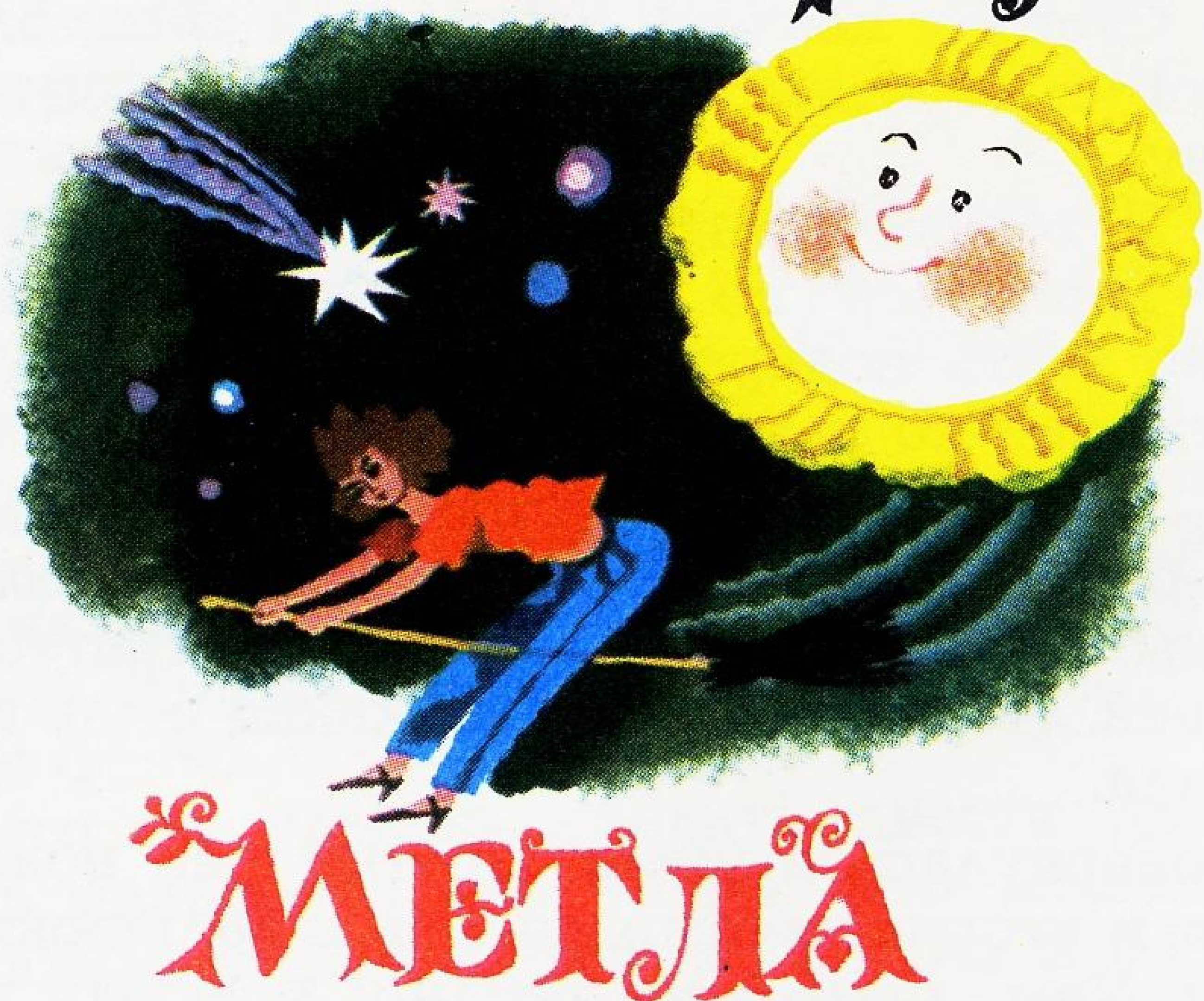
Рисунки А. ВАСИЛЬЕВА.



СКАЗКА

Имущество добрых фей, которые разносят детям подарки под Новый год, можно разбить на три части: метлу, мешок и драные ботинки. Многие предпочитают другие системы классификации имущества фей. Это их право, но я убежден в правильности своего метода, и потому я перехожу к анализу каждой из трех частей. Сколько ни старайтесь, с толку меня не собьете.

Часть первая



МЕТЛА

После шестого января Фея с площади Навона тоже отправляется в праздничное путешествие. Садится на метлу и облетает другие планеты: Луну, Марс, Антарес. Залетает в Туманность Андромеды и на планеты за пределами Солнечной системы. А затем возвращается в Страну фей. Дома она первым делом разносит в пух и прах свою сестру за то, что та не помыла пол, не протерла тряпкой мебель и не сходила в парикмахерскую. Сестра Феи с площади Навона тоже Фея, но она не любит путешествовать. Предпочитает сидеть в своей комнате, есть шоколадки и сосать леденцы. Словом, она ленивее двадцати четырех ленивых коров, вместе взятых.

Сестры держат магазин метел. У них покупают метлы все феи нашей страны: из Оменьи, из Реджо Эмилии и Ривизондоли. Фей тысячи, они изводят тьму метел, так что дела у двух сестер идут совсем неплохо.

— Что-то в последнее время мы стали продавать меньше метел,— сказала Фея — любительница путешествий сестре.— Может, пока ты истребляла шоколадки, тебе пришла в голову какая-нибудь идея?

— Устрой распродажу. В прошлом году мы на распродаже сбыли за новые и регенерированные метлы.

— Придумай что-нибудь получше. Не то я уменьшу вдвое твою ежедневную порцию леденцов.

Фея-домоседка крепко задумалась.

— Пожалуй, можно объявить последним криком моды мини-метлу.

— Что ты понимаешь под словом мини-метла?

— Очень короткую метлу.

— А это не вызовет скандала?

— Ну, какая-нибудь старая ханжа, может, и возмутится, но молодые феи, вот увидишь, будут от новой метлы без ума.

И точно: мини-метла произвела фурор. Вначале пожилые феи, правда, рвали и метали, посылали протесты в газеты, организовывали митинги. Но потом, тщательно занавесив окна, сами стали тайком пробовать мини-метлу. И в один прекрасный день они вылетели на мини-метле из дому.

Немного спустя упала продажа и минитетел.

— Придумай еще что-нибудь,— сказала Фея-путешественница сестре.— Иначе не дам тебе денег на билет в кино.

— Но у меня от беспрестанных мыслей разболится голова!

— Идеи новой не найдешь, в кино сегодня не пойдешь!

— Разрекламируй, что ли, макси-метлу?!

— А что это такое?

— Очень длинная метла. В два раза длиннее обычной.

— Гм. Не слишком ли будет?

— Конечно, слишком. Поэтому-то макси-метле и обеспечен успех.

В тот день, когда совсем молоденькая Фея, милая, грациозная, появилась в городе на макси-метле, все остальные феи чуть не умерли от зависти. Двадцать семь фей упали в обморок, с тридцатью семью случился нервный припадок, а сорок девять тысяч фей разрыдались. Ближе к вечеру в магазин макси-метел выстроилась многокилометровая очередь от Рима до Бусто Арсицио.

На следующий год сестра Феи-путешественницы в обмен на коробку шоколадных конфет придумала метлу-миди. Фея-путешественница разбогатела и купила магазин пылесосов.

И тут начались все ее беды. Феи стали летать уже не на метлах, а на пылесосах. В полете пылесос заглатывал облака, кометы, больших и маленьких птиц, парашютистов, воздушные змеи, метеориты, спутники естественные и искусственные, летучих мышей, преподавателей латинского языка.

Одна рассеянная Фея засосала самолет со всеми пассажирами. Пришлось ей развозить их потом по домам и спускать вниз поодиночке через дымоходную трубу. Стало ясно — пылесос хорош при домашней уборке, а для воздушных полетов лучше прибегать к старой надежной метле.

Часть вторая



МЕШОК

Однажды Фея не заметила, что в мешке с подарками — дыра. Пока она облетала города и селения, подарки сыпались с неба и па-

дали в самых неожиданных местах. Игрушечный электрический поезд свалился на купол собора Святого Петра и стал по нему носиться с бешеной скоростью.

Ватиканский епископ выглянул в окно и увидел, что по куполу носится как оглашенный электропоезд.

Епископ от ужаса тут же облился холодным потом.

— Это дьявол! Настал конец света! — закричал он.

Другой епископ выглянул в окно, сверился с железнодорожным расписанием и недоверчиво покачал головой.

— Скорее всего это скорый Рим — Витербо. Но он, видно, не на тот путь попал.

Одна кукла упала возле волчьей норы.

Волки сразу размечтались.

— Это тот же случай, что с Ромулом и Ремом. Слава от нас — на расстоянии вытянутой лапы. Мы вырастим малыша. Когда он станет взрослым, то решит основать город. В нашу честь воздвигнут великое множество статуй, и мэр, не зная, как от них избавиться, начнет дарить их именитым гостям.

Волки долгие годы заботливо ухаживали за малышом, кормили его молоком. Но малыш почему-то не рос. Хуже того, становился меньше: потерял ботиночки, волосы, глаза и поистерся.

Волк и волчица состарились, так и не вкусив славы. Но они понимали, что им все равно повезло — они хоть не стали жертвой расплодившихся до невероятности профессиональных охотников и охотников-любителей.

Одна норковая шуба (подарок коммендаторе Мамбретти своей подруге) упала в Сардинии в двух шагах от пастуха, пасшего стадо овец.

Пастух почему-то не закричал: «Злые демоны! Злые демоны!» — и не пустился наутек. Он надел шубу и сразу согрелся. Фея увидела его в зеркале заднего обзора, вернулась, спикировала на стадо, но у самой земли передумала.

— По справедливости, кому шуба нужнее: пастуху или же этой дамочке? У нее и так есть две шубы и автомашина с кондиционером. Конечно, пастуху.

В другой раз феи в общей суматохе перед отлетом — прощальные наставления и приветствия, приступы кашля и слезы — перепутали мешки. Фея из Домодоссолы взяла мешок Феи из Массаломбарда, а Фея из Сараево прихватила мешок Феи из города Фрибурга, что находится в стране Брисговия. Только потом разобрались, что разнесли подарки не по тем адресам.

Что тут началось! «Это ты виновата!» «Нет ты!» «Я же тебе говорила». «Это ты, верно, своей бабушке говорила!» И пошло и поехало...

— Что толку плакать над пролитым молоком,— сказала наконец Фея из Рима.

— Стану я плакать,— ответила Фея, блондинка с черными глазами.— Весь грим испорчу.

— Я хотела сказать, что нам остается одно — вернуться по прежним адресам, незаметно взять подарки и потом снова их разнести уже по назначению.

— Даже и не подумаю! — воскликнула Фея-блондинка.— У меня свидание с возлюбленным. Хотим полакомиться в траттории пиццей. Очень мне важно, какая вещь куда попала.

Повернулась и ушла. Другие феи повздыхали и вторично отправились в дальнюю дорогу. Увы, было уже поздно: повсюду дети уже проснулись и радостно разглядывали подарки.

— О боже, какое несчастье! — воскликнула Фея из Домодоссолы.

Однако никакого несчастья не произошло. Дети были очень довольны подарками, никто не жаловался. Детям Вены достался подарок, предназначенный детям Неаполя. Но они все равно радовались от души.

— Я поняла,— сказала Фея из Рима,— все дети мира одинаковы и любят одни и те же подарки. Вот она, разгадка тайны.

— Перестань. Ты как была, так и осталась идеалисткой,— сказала ее сестра, наливая себе рюмочку «Порто».— Просто во всем мире детей приучили к одинаковым игрушкам. Ведь их производят одни и те же крупные монополии. Дети думают, что сами выбирают игрушки, а выбирают то, что промышленники уже выбрали за них.

Мне трудно сказать, какая из двух сестер права. Возможно, обе.

Часть третья



Рваные ботинки

Все дети знают, что у добрых фей на ногах рваные ботинки. Некоторые дети над этим смеются, потому что из рваного ботинка вы-

совывается большой палец. Но другие очень печалятся и не спят ночью:

— Бедная Фея. У нее мерзнут нижние конечности.— Нижними конечностями они деликатно называют ноги.

Большая часть ребятишек жалеет бедных фей. Они пишут в газеты, на радио, знаменитой утешительнице Сабине Чуффини. Предлагают устроить сбор пожертвований для покупки феям новых ботинок. Банда мошенников обходит дома в Турине, Милане и во Флоренции (в Неаполь они почему-то и носа не кажут) и незаконно собирает деньги для помощи феям.

Всего им удалось собрать двести двенадцать миллионов лир. После чего мошенники удрали в Швейцарию, в Гонконг и в Сингапур — кутить и наслаждаться жизнью.

А феи по-прежнему ходили в рваных ботинках. Тогда в предпраздничный вечер многие дети рядом с чулком, в который феи кладут подарок, оставили чулок с надписью: «Для Феи». В чулке лежали новые, красивые ботинки для пожилой синьоры. Почти все ботинки были черного цвета, но встречались и темно-коричневые и бежевые. На высоком каблуке и на низком, а также вообще без каблука. С пряжкой и со шнурками.

Неизвестно уж каким образом, но Фея из Виджевано проведала об этом раньше остальных фей. Как же она поступила? Поставила будильник на час раньше и первой облетела землю со сверхзвуковой скоростью. Доверху набила грузовой самолет новыми ботинками и вернулась в Страну фей, очень довольная собой.

Специалисты в области феиологии приводят два разных финальных варианта этой истории.

Добрые специалисты утверждают, что Фея из Виджевано, посмотрев на гору новых чудесных ботинок, подумала о том, сколько людей на земле еще ходят босиком. Она снова погрузила новые ботинки в самолет и полетела раздавать их бедным женщинам. У нее остались ботинки и для бедных мужчин. Чем колоться босыми ногами о кусты и острые камни, лучше уж носить женские ботинки. Не правда ли?

Злые, бессердечные специалисты, наоборот, утверждают, что Фея из Виджевано открыла обувной магазин в Стране фей и заработала на подаренных детьми ботинках тьму денег. Доход у нее был огромный — ведь ботинки достались ей совсем даром и ей не пришлось платить налоги с оборота и подоходный.

На вырученные деньги она купила себе восьмиколесный автомобиль и золотой трамвай.

Я не специалист-феиолог, не очень злой и не очень добрый, поэтому мое суждение в счет не идет.



Послесловие

Когда я показал специалисту мое трехчастное описание имущества фей, он с усмешкой заметил:

— Все прекрасно. Но вы забыли о самом главном.

— То есть?

— Забыли сказать, что феи приносят подарки только хорошим детям. А к плохим, жалким попрошайкам даже не заглядывают никогда.

Я смотрел на него тридцать секунд, потом спросил:

— Предпочитаете, чтобы я вам оторвал ухо или откусил нос?

— Как вы сказали, простите?

— Что лучше — стукнуть вас зонтиком по голове или засунуть килограмм льда вам за шею?

— Как вы смеете оскорблять меня, кавалера и капитана индустрии!

— Нет уж, как вы смеете утверждать, что есть плохие дети? Станьте на колени и просите прощения.

— Зачем вы схватили молоток?

— Хочу ударить вас по мизинцу, если вы не поклянетесь, что дети хорошие. Особенно такие бедные, что им даже феи подарков не приносят. Так клянетесь или нет?

— Клянусь, клянусь!

— Прекрасно. Смотрите, я ухожу, даже не поколотив вас. Увы, у меня слишком доброе сердце.

Перевел с итальянского Л. ВЕРШИНИН.

Рисунки А. БОРИСОВА.







Фотографии
В. ПОСТНИКОВА,
Г. РОЗОВА,
А. КОЗИНА.



Пес огромный и сильный. А человек маленький. Но человеку не страшно. Сильный не обижает слабого. Он великодушен.

Потом человек подрастет и сам будет дарить доброту меньшим и слабым...

Серому дрожащему крольчонку с розовыми длинными ушами.

И надменному волнистому попугайчику, ни капельки не понимающему, что его черный крошечный клюв совсем не защита.

Всему живому вокруг нас — зверям, рыбам, птицам.

И наградой мелькнет в таинственной зеленоватой глубине аквариума золотистый струящийся хвост. Конечно, золотой рыбки.





ПРЕМИИ ГОДА

По итогам 1979 года редколлегия журнала «Пионер» награждает:

ДИПЛОМОМ ИМЕНИ А. П. ГАЙДАРА писателя Юрия ТОМИНА за повесть «Карусели над городом»,

ДИПЛОМОМ ИМЕНИ Л. А. КАССИЛЯ писателя А. Г. АЛЕКСИНА, лауреата Государственных премий и премии Ленинского комсомола, за публикации «Этот год посвящается тебе» и «Твой год продолжается», посвященные Международному году ребенка.

* * *

Редколлегия отметила и наградила авторов лучших публикаций года:

З. Воскресенскую, лауреата Государственной премии СССР, за повесть «Консул»,

В. Крапивина, лауреата премии Ленинского комсомола, за повесть «Колыбельная для брата»,

В. Каверина, лауреата Государственной премии СССР, за сказку «Сын Стекольщика»,

Ю. Качаева за рассказ «Ветер с Енисея»,

Огдо Аксенову за цикл стихов,

В. Коржикова за очерк «На фланге левом, на фланге правом»,

В. Верникова за очерк «В гостях у лесных негров»,

М. Аджиева, кандидата экономических наук, за серию очерков о Сибири,

А. Митяева за очерк «Маршал Жуков»,

Я. Гордина за серию «Рассказы о великих сражениях» и статью «Полководец Суворов»,

Б. Пшеничнера, зав. отделом астрономии и космонавтики Московского городского дворца пионеров, за ведение конкурсов «Экспедиция на Марс» и «Полгода в полете»,

Т. Котеневу за публицистические выступления на пионерскую тему,

Н. Гарцуненко, члена Всесоюзного штаба Тимура, за активное участие в подготовке и проведении I и II тимуровских слетов, за воспоминания о тимуровцах прифронтового Киева,

Н. Лебединскую, члена Всесоюзного штаба Тимура, за активное участие в подготовке и проведении I и II тимуровских слетов, за участие в подготовке «Боевых листков»,

Е. Медведева за иллюстрации к повести В. Крапивина «Колыбельная для брата» и за рисунки о II Всесоюзном слете тимуровцев,

Н. Доброхотову за иллюстрации к сказке В. Каверина «Сын Стекольщика»,

фотокорреспондента **В. Гусева** за фотографии на пионерскую тему.

Редакция сердечно поздравляет авторов лучших публикаций 1979 года и желает им новых творческих успехов.



Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Эхо «Колыбельной»

1

Когда из редакции «Пионера» приходит объемистый почтовый пакет, я уже догадываюсь, что в нем новые письма читателей. Главным образом — о повести «Колыбельная для брата». И почти в половине из них написано, что «Колыбельную» необходимо продолжить.

По правде говоря, это не ново. «Пионер» печатает мои повести уже пятнадцать лет, и я не могу вспомнить случая, чтобы хоть к одной из них читатели не требовали продолжения. Даже к такой, где, казалось бы, все точки расставлены на сто процентов. Вам, ребята, обязательно хочется знать, «что было дальше».

Но на этот раз случай особый. Писем очень много — и от отдельных читателей и от целых отрядов. В письмах не только настойчивые



просьбы, но и категорические требования. А некоторые — просто крик души. Вот, например, целый лозунг, сделанный синим фломастером или акварелью на развороте клетчатого листа. Его написала четвероклассница Ира П. из Куйбышева: «Уважаемый писатель. Напишите, пожалуйста, нам еще повесть «Колыбельная для брата»!»

Или строчки в письме шестиклассников из поселка Белоярского Свердловской области: «Нет! Мы ни за что на свете не хотели расставаться с Кириллом и его друзьями. Тогда мы решили продолжить повесть сами. Но, к великому сожалению, у нас ничего не получилось... Помогите нам!»

А вот у Маши Загумевой из Новосибирска окончание получилось. Она написала две главы, где рассказывается о том, как Кирилл вышел из больницы и как все хорошо закончилось: в школе начал работать отряд юных дзержинцев, Дыба притих, Петька Чирков стал лучшим другом Кирилла, и «все будет так хорошо, как и не мечталось».

Всем хочется такого конца. Мне тоже. Но закончить повесть столь благополучно я не мог. Было бы нечестно.

Дело в том, что «дыбы» по-прежнему еще гуляют по нашим улицам, а такие учителя, как Ева Петровна, к сожалению, еще встречаются в школах. Вы, ребята, и сами об этом пишете. Так какой же смысл делать у повести концовку, похожую на розовый бантик?

На некоторые ваши вопросы ответить пока было бы трудно. Правда, с Кириллом и его друзьями все ясно: выпрямится Кирилл, догонит вместе с Митькой Дыбу (а не он, так другие догонят), залечит раны и ссадины, уйдет в новое плавание с экипажем «Капитана Гранта» и выздоровевшим Чирком. Вы и сами об этом догадываетесь. Но такой конец тоже не конец. Потому что враги не исчезнут и сложностей впереди немало. Кто защитит других Чирков от других хулиганов? Кто решительно скажет: «Мы сами хозяева в отряде, нам нужно не тихое благополучие, а боевая пионерская жизнь»?

Знаете что, ребята! Давайте работать над продолжением вместе. Пока не на бумаге, а в жизни. Давайте вести себя так, чтобы разные «дыбы» нигде не чувствовали себя королями и знали, что в любую минуту получат отпор. И хорошо, если вы на деле докажете, что настоящий пионерский отряд — это не группа аккуратно причесанных мальчиков и девочек, которые никогда не получают двоек и безропотно исполняют все указания старших. Отряд — это боевая единица детской коммунистической организации. Это коллектив, одинаково готовый к серьезной самостоятельной работе и к борьбе со всяческой несправедливостью.

Добивайтесь этого. Будет трудно? Но ребятам, о которых вы читали, тоже было нелегко. Поэтому и кончилась книжка в тяжелый для Кирилла момент. Помогите Кириллу, станьте его союзниками (не на словах, а на деле). Тогда, может быть, появится еще одна повесть. По правде говоря, я думаю о новой книжке про Кирилла и его друзей. Но не потому, что мне хочется все кончить полным благополучием, а просто жаль расставаться с этими ребятами.

2

Пришло коротенькое письмо от семиклассника из села Билютуй Читинской области (он так и подписался: «Семиклассник»).

«Напишите, пожалуйста: Кирилл Векшин — выдуманный герой или нет?..»

Такой вопрос задают многие, но в отличие от всех Семиклассник сам ответил на свой вопрос: «...Если выдуманный, то я скажу, что нет. Я скажу, что выдумали только некоторые имена или фамилии, а остальное сущая правда! Такая история могла приключиться с любым из нас и, может, уже с кем-нибудь приключилась...»

Я сам не мог бы ответить точнее. Действительно, имена придуманы, а истории такие приключались. Только в этом году я не менее десяти раз побывал на бурных собраниях в классах, похожих на класс Кирилла Векшина. И стычки с хулиганами были; и штормовые плавания на парусниках, подобных «Капитану Гранту»; и песни у ночных костров; и беды мальчишек, похожих на Петьку Чиркова; и отвага малышей вроде Митьки-Мауса.

И ребята были такие же, как Кирилл. Может быть, не всегда похожие внешне, но по характеру прямые и смелые.

Однако я понимаю, что в памяти читателей, которым понравилась «Колыбельная для брата», остался именно Кирилл Векшин. И тут не только результат работы автора. В этом большая заслуга художника.

В очень многих письмах ребята просят побла-

годарить Евгения Медведева за иллюстрации. Редакция журнала с удовольствием передала ему все ваши благодарности. А я до сих пор радуюсь случаю, который свел меня с этим замечательным художником. Мы работаем вместе с 1965 года, и я не перестаю удивляться его необычайной способности проникать в характеры литературных персонажей. Он рисует героя повести именно таким, каким его представляет автор — с почти фотографической точностью.

Но едва ли кто знает, какой напряженный труд стоит за этими рисунками. Иногда одному портрету или развернутой иллюстрации предшествуют сотни (без преувеличения) набросков. А сколько приходится наблюдать, читать, изучать, чтобы все детали рисунка были безошибочными. Когда пришло время рисовать парусник «Капитан Грант», Евгений Алексеевич заставил меня в нескольких схемах изобразить всю его оснастку, докапывался до таких мелочей, о которых я и сам не помнил.

Но самое главное у Медведева — это, по-моему, портреты. Я, например, не могу сейчас представить своих героев иными, чем на рисунках Евгения Алексеевича. Он замечательно рисует ребят. Видимо, потому, что всегда близок к ним, интересуется их делами, жизнью.

Вот так и появляются иллюстрации Евгения Медведева. В них — сочетание прекрасного таланта, необыкновенного трудолюбия и любви к беспокойному ребячьему племени.

Встали в рост барабанщики...





...Впрочем, среди сотен писем нашлось одно сердитое, в котором попало и Медведеву и мне. Но о нем особый разговор.

3

Вот это письмо (без изменения стиля и орфографии):

«Привет из Свердловска!

Я выписываю ваш журнал.

Он сам **нечего,** но повести у вас ужасные. Например вы печатали «Колыбельная для брата». Повесть как повесть, а где конец?

У Крапивина все повести без конца. И везде он просовывает **некому** ненужный, излишний героизм.

И **илюстрации под стать** повестям. У всех на **илюстрациях в замен** головы неправильный многоугольник.

Из-за глупого конца выходит вся повесть глупой.

С. К.
Гудбай».

Не знаю, обидится ли Евгений Медведев на это письмо и станет ли он вместо неправильных многоугольников-голов рисовать правильные. А я, честно говоря, обиделся. Вернее разозлился.

Не за то, что у меня «все повести без конца» и последняя повесть «вообще глупая». Каждый читатель имеет право на критику, а дело автора — мотать эту критику на ус. И не расхлюстанный стиль письма меня разозлил. В конце концов чего не напишешь, если заела досада!

Но вот насчет «излишнего героизма», который я «везде протаскиваю»...



Как-то не вяжется воинственный тон этого послания с осторожным отношением к героизму. Или, может быть, отправить ругательное письмо без подписи — это и есть разумный героизм — не излишний, а в самую точку?

Интересно все-таки: кто он, мой земляк С. К.? Судя по почерку, скорее всего девочка, судя по словам — мальчишка. Видимо, класса из шестого. Что его толкнуло написать эти слова о героизме? Какая-то обида? Или случай, когда струсил перед хулиганами и теперь пытается оправдать свою капитуляцию проявлением «разумной осторожности» (вместо «излишнего героизма»)?

Я даже подумал: не один ли это из тех, кого отряд «Каравелла», которым я руковожу девятнадцатый год, выставил из своих рядов за трусость? Были, к сожалению, и такие.

Но не так уж важно, что за личность автор этого письма. Главное — его мысли.

Бывает ли настоящий героизм излишним? По-моему, никогда. Другое дело — глупое лихачество. Это если ради бахвальства человек танцует на кромке крыши, носится на велосипеде перед машинами или сдуру ныряет с высокого берега в незнакомом месте. В общем, совершает поступки внешне лихие, а по сути глупые и никому не нужные.

Но вспомните, разве Кирилл или его друзья грешили такими «излишествами»? В шторм пошли, чтобы людей спасти, а не для славы и награды. Боялись, но шли и о героизме не думали. И с Дыбой сцепились не для того, чтобы хвастаться перед приятелями, просто выхода не было. То есть был, конечно, выход: сидеть и не пикать, но это уж кто как понимает человеческое достоинство и товарищество.

У меня только один вопрос к неизвестному С. К. А что, если бы тебя приперла к забору компания вроде Дыбиной? Вытряхнули бы карманы, накостыляли по шее? И вдруг на выручку тебе кинулись бы ребята, похожие на Кирилла и его друзей? Счел бы ты их героизм излишним? Ну? Вот так-то. Гуд бай (а не «гудбай»)...

К сожалению, свердловчанин С. К. не одинок в своих суждениях. Правда, писем таких я больше не получал, но похожие высказывания слышал. Не только от «примерных» и «осторожных» школьников, но и от взрослых. Люди, которых семиклассник Климов в повести назвал «классными дамами», очень любят учеников без «излишнего героизма». С такими мальчиками и девочками спокойно. Они аккуратно ходят на запланированные мероприятия (а то поставят «неуд» по поведению), поют в хоре, когда велено (а то отберут портфели), собирают металлолом (иначе попадет на классном часе). И все хорошо. Снаружи ведь незаметно, что руководит этими ребятами страх, а не интерес и сознательное отношение к делу. Зато все в классе тихо и чинно.

Это стремление к благочинию проникло даже в некоторые тимуровские отряды, которые стали похожи больше на общину сестер милосердия. Такие «тимуровцы» аккуратно ухаживают за пожилыми гражданами своего микрорайона и быстренько исчезают за углом, когда хулиганская компания начинает устанавливать во дворе свой порядок.

В этих отрядах забыли, что Тимур не только делал людям добро, но и яростно защищал их от зла. Представьте, на что была бы похожа повесть Гайдара, если бы команда в ней только таскала воду и укладывала дрова старушкам и смирненько сидела на чердаке, когда в поле зрения появлялся Квакин с дружками!

Хулиганов очень устраивает, чтобы поменьше было ребят с «излишним героизмом». Это само собой ясно.

Видите, как ни странно, а у таких разных людей — Евы Петровны и Дыбы — обнаружилось единство отношения к Кириллу и его друзьям. Впрочем, так ли это странно? И Ева Петровна и Дыба, если смотреть внимательно, хотят от жизни одного: своего личного благополучия. Благополучие это они понимают по-разному, но все равно думают прежде всего о себе. Другие люди для них — лишь средство для достижения цели. Так сказать, ступенька для нового шага к своему успеху.

А на такой «ступеньке», как Кирилл, легко поломать ноги...

4

Впрочем, хватит о Дыбе и других неприятных типах. Давайте поговорим о хороших людях. Давайте о вас, дорогие авторы писем. Мне очень жаль, что я не могу ответить вам всем, но я хочу сказать, что письма для меня большая радость и поддержка.

Пока пишется повесть, не знаешь, получается она или нет. Пока печатается в журнале, с тревогой ждешь: а что скажут те, для кого она написана?

Потом приходит из редакции первый пакет с письмами. Наверху пачки (как сговорились!)

два письма от двух Кириллов — одно из Днепропетровска, от Кирилла Щербина, другое из Рязани, от Кирилла М. и его друзей. Потом — от Иры и Оли Евсеевых из Ферганы, от Васи Шендрикова из города Сухой Лог на Урале... Потом еще десятки писем с разными именами... Я читаю о том, что вы полюбили героев повести, что радуетесь, болеете и тревожитесь за них, и тогда наконец немного успокаиваюсь: если вас повесть не оставила равнодушными, значит, работал не зря.

Я благодарен всем вам — и за хорошие отзывы и за упреки в «неоконченности», за рассказы о своей жизни, за советы. За доверие. Жалею только, что не могу написать каждому, ответить на все вопросы, выполнить все просьбы.

Но одну просьбу выполнить все же могу.

Во многих письмах вы спрашиваете, нельзя ли напечатать ноты к песне «Колыбельная для брата». Сам я музыку не пишу и в нотах не разбираюсь, поэтому не знал, что ответить. Но недавно песня прозвучала у вечернего костра, в палаточном лагере отряда «Каравелла» на берегу Волчихинского водохранилища под Свердловском.

Мы в тот вечер перепели все отрядные, морские и даже пиратские песни, и наступила минута, когда все сидят и слушают потрескивание углей. Светила большая луна, а над кустами чернел рангоут наших двухмачтовых яхт, похожих на «Капитана Гранта»... Кто-то спросил:

— Ну, что еще споем? Только без ерунды, что-нибудь серьезное...

Тогда Анюта Мясникова вздохнула и сказала тихонько:

— А я все-таки придумала музыку к «Колыбельной»...

Анюта — один из главных командиров нашей флотилии. Она пришла в отряд, когда была шестиклассницей, а теперь уже окончила десятый класс и поступила на факультет журналистики (правда, никто не верит: все думают, что



она в восьмом). Кроме обычной школы, Анюта училась в музыкальной. Поэтому ребята не удивились, когда она сказала про песню. Дали Анюте гитару, и она запела:

Помиритесь, кто́ ссорился...

Голос у Анюты звонкий и похож на мальчишечий. Мелодия оказалась ясная и тревожная.

— Давай снова, — попросили ребята, когда песня кончилась. И во второй раз кое-кто уже подпевал... Стоял тихий вечер, но еще недавно, днем, были трудные дела и штормовые плавания. А впереди... Анюта сейчас не знала, что завтра посреди озера во время сильнейшего ветра ударом волны на ее яхте сорвет руль, и ей — капитану — придется, перегнувшись через корму, удерживать пластину руля руками в

Еще недавно были трудные дела и штормовые плавания...



бурлящей струе, пока парусник не подлетит к берегу. И это среди свиста воздуха и кипения воды, когда и нормальные яхты едва не ложатся парусами на воду...

Но это будет потом. Это и многое другое, что требует смелости и силы характера. А пока ребята пели:

...Над высокими травами
Встали в рост барабанщики:
Это значит — не все еще,
Это значит — пройдем.

...Иногда меня спрашивают: «Почему у вас в книгах так много говорится о барабанщиках? «Валькины друзья и паруса», «Мальчик со шпагой», а теперь эта песня из «Колыбельной»...».

Да, это так. Но я не могу с ними расстаться. Мои барабанщики не символ, не выдуманный литературный образ, а настоящие мальчишки, с которыми мы локоть к локтю шагаем по жизни.

Совсем недавно, когда для отряда «Каравелла» настали трудные времена и казалось, что пора сворачивать флаги и сжигать корабли, группа барабанщиков превратилась в железное ядро флотилии. Десяток мальчишек, каждый из которых мог бы стать героем книги вроде Кирилла Векшина. Они вынесли на своих плечах все тяготы, сохранили отряд и вновь развернули экипажи. Нынешние капитаны и штурманы «Каравеллы», они остаются в душе барабанщиками, шагающими впереди, если даже передают барабаны младшим товарищам.
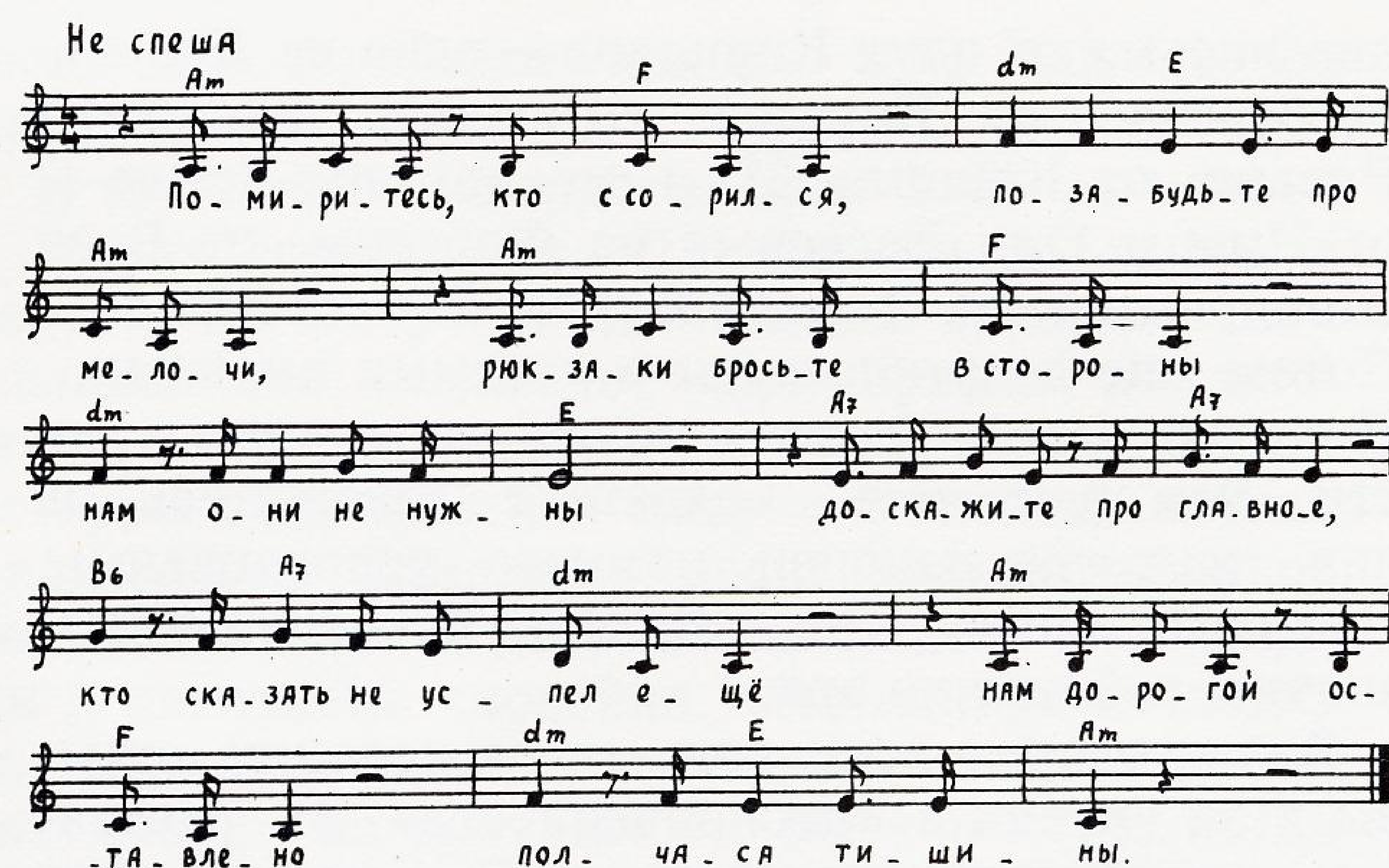
И они смеются, когда бывает нелегко. Смеются и сейчас, хотя в июле местные «дыбы» изуродовали наши яхты, и в это же время нашлись люди, которые сделали все, чтобы отряд лишился помещения. Переживем! Пока есть барабанщики, есть отряд...

...Вот об этом и пела Анюта вечером у лагерного костра.

Ноты ее песни напечатаны в этом номере.

Анюта Мясникова сочинила мелодию.





Пять минут тишины

Песня из повести В. Крапивина «Колыбельная для брата»

Помиритесь, кто ссорился,
Позабудьте про мелочи,
Рюкзаки бросьте в стороны —
Нам они не нужны:
Доскажите про главное,
Кто сказать не успел еще.
Нам дорогой оставлено
Полчаса тишины...

От грозы черно-синие,
Злыми ливнями полные,
Над утихшими травами
Поднялись облака.
Кровеносными жилами
Набухают в них молнии,
Но гроза не придвинулась
К нам вплотную пока...

Дали дымом завешены —
Их багровый пожар настиг,
Но раскаты и выстрелы
Здесь еще не слышны:
До грозы, до нашествия,
До атаки, до ярости
Нам дорогой оставлено
Пять минут тишины.

До атаки, до ярости,
До пронзительной ясности
И, быть может, до выстрела,
До удара в висок —
Пять минут на прощание,
Пять минут на отчаянье,
Пять минут на решение,
Пять секунд — на бросок...

...Раскатилось и грохнуло
Над лесами горящими,
Только это, товарищи,
Не стрельба и не гром —
Над высокими травами
Встали в рост барабанщики:
Это значит — не все еще,
Это значит — пройдем.



ПРАВА ПИОНЕРА

Дав Торжественное обещание, вступив в пионерскую организацию, ты стал равным среди равных, полноправным хозяином звена, отряда, дружины. Любая организация, в том числе и пионерская, дает каждому права. Какие же права дает юным ленинцам Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина?

Каждый пионер имеет право:

— избирать пионерский актив — звеньевых, совет отряда и дружины — и быть избранным на любой пионерский пост, если, конечно, ему доверят это право товарищи по отряду;

— обсуждать на пионерских сборах, слетах, заседаниях совета отряда и дружины, в пионерской печати — «Пионерской правде», «Пионере», «Костре», в стенной газете отряда, дружины — все вопросы работы пионерской организации, вносить деловые и интересные предложения о том, как лучше организовать пионерские дела на Марше пионерских отрядов, говорить обо всем открыто, отстаивать свое мнение до тех пор, пока отряд не примет нужного решения;

— смело критиковать на пионерских сборах, слетах любого пионера, любого активиста, а также и совет отряда или дружины; никто не имеет права запретить критику, но, критикуя, никогда нельзя забывать, что от каждого пионера зависит общий успех дела;

— лично участвовать в пионерском сборе, заседании совета отряда или дружины, если на них обсуждается его работа или поведение;

— обращаться с вопросами, предложениями в любой совет пионерской организации — совет отряда, дружины, городской, районный, вплоть до Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина;

— получить рекомендацию от совета дружины для вступления в ряды Ленинского комсомола.

У тебя и твоих друзей по отряду большие права, и ими нужно умело пользоваться. Вспомни, тебе не раз приходилось бывать на совете отряда, где шел разговор о неполадках в работе звеньев, о том, что мальчики пассивны, что все дела тянут девочки. Ты слушал, соглашался и... не выступил против тех, кто не участвует в пионерской работе. Разве это правильно? Ты не воспользовался правом голоса, которое дано тебе пионерской организацией. Или другой пример: в отряде встречаются любители критиковать всех, любое начинание. Такие критиканы по-своему понимают критику — мое дело сказать, а ваше дело — исправлять. Таких надо выводить на чистую воду и давать им решительный бой. На то тебе и даны права пионера. Но бывает и так, что некоторые ребята хорошо пользуются правами, а вот об обязанностях частенько забывают. А этого делать не следует: если ты пользуешься правами, то должен выполнять и обязанности пионера, о которых мы уже говорили с тобой.

Идет заседание городского пионерского штаба г. Белгорода.



«Я хотел бы добывать сибирскую нефть...»



ИТОГИ НАШЕГО КОНКУРСА

В этом году журнал «Пионер» рассказывал о Сибири. Вы узнали много нового о богатствах этого «континента за Уралом», убедились, что его освоение по плечу только мужественным и смелым людям.

Каждый наш рассказ заканчивался вопросами, обращенными к вам, читателям «Пионера». И получилось так, что ваши письма-ответы стали продолжением большого разговора о нашей Советской Родине, о сибирской земле — земле великих строек.

Замечательные это были письма! Сибирская земля — наша гордость, наше национальное богатство! Об этом пишут ребята, в каком бы краю Советской земли они ни жили. И все, что происходит там, на сибирских просторах, касается нас всех, каждого советского человека. Вот почему ребята с таким интересом читают книги о Сибири, ищут в журналах и газетах схемы газопроводов, подбирают цифры о гигантских ГЭС, изучают историю первых сибирских городов и современных нефтяных столиц...

«Еще совсем недавно, лет 10—13 тому назад, на крутом берегу Оби находился ничем не примечательный поселок Нижневартовский. И вот в нескольких километрах от него открыли новое месторождение нефти — Самотлор, которое дает в сутки до полутора тысяч тонн нефти! Теперь нефтяные вышки стоят не только на берегах Самотлора, но и на самом озере, где созданы искусственные острова. А Нижневартовск превратился из поселка в большой город нефтяников», — **Светлана** и **Оксана Нарковы** рассказывают о Самотлоре так, будто сами они сибирячки. А живут они на Украине, в городе Кременчуге Полтавской области.

А сколько ребят мечтают узнать сибирскую землю не только по книгам! Мечтают стоять за пультами управления сибирских ГЭС, прокладывать в тайге дороги, добывать «черное золото» и другие полезные ископаемые, которыми так богата Сибирь.

«Я бы хотел добывать сибирскую нефть, — пишет **Андрюша Мейланд** из Риги. — Сейчас даже не верится, что несколько десятков лет тому назад считали, что Западная Сибирь бедна полезными ископаемыми. Теперь уже во всем мире знают, что там открыты крупные месторождения нефти. Но заболоченные почвы и вечная мерзлота, зимой сильные морозы, а летом тучи комаров и мошки создают труднейшие условия для работы нефтяников. Только самые сильные, самые стойкие и выносливые люди могут работать в таких условиях. Мне очень хочется научиться у сибирских нефтяников мужеству, стойкости и трудолюбию и, когда я вырасту, работать рядом с ними».

А **Нона** и **Игорь Мотелика** из молдавского села Варатик хотели бы стать строителями Саяно-Шушенской ГЭС:

«Саяно-Шушенская ГЭС, — пишут они, — будет самой мощной в мире. Строят ее более 12 тысяч человек, представители 50 национальностей. Есть среди строителей посланцы и нашей республики. И нам тоже очень хотелось бы поработать на этой грандиозной стройке».

Игорь Маджуга из города Чернигова хочет стать геологом и разведывать полезные ископаемые в самых отдаленных уголках Сибири, а **Павлик Бабаев** из села Новоочаков Николаевской области хотел бы жить и работать в городе энергетиков — в Дивногорске. Очень многие ребята мечтают работать на сибирских стройках, а пока им хочется как можно больше узнать об этом прекрасном и богатейшем крае нашей Родины.

«Мне очень понравился конкурс, потому что, отвечая на его вопросы, я узнала много интересного о Сибири: о ее природе и богатствах, о ее городах и мужественных людях, покоряющих этот суровый край», — пишет **Филиппова Марина** из города Кирс Кировской области.

ПОБЕДИТЕЛЯМИ КОНКУРСА СТАЛИ:

Поисковый отряд «Парус», 6 класс, Чернушинской средней школы, пос. Новостройка Иркутской области.

КИД «Меридиан» школы № 1, пос. Абан Красноярского края.

Игорь Маджуга, 7 класс, г. Чернигов.



Надежда Лошакова, г. Мытищи Московской области.
М. Аблямитов, г. Хамза Ферганской области.
Сергей Сазанов, 7 класс, г. Минусинск Красноярской области.
Марина Филиппова, г. Кирс Кировской области.
Григорий Староконь, село Вознесенское Ставропольского края.
Александр Сергеев, 7 класс, г. Москва.
Светлана Ушакова, 7 класс, г. Норильск.

За наиболее полные и интересные ответы на отдельные вопросы конкурса награждаются:

Максим Зубарев, 2 класс, пос. Красноселькуп Тюменской области.
Светлана и Оксана Нарковы, г. Кременчуг Полтавской области.
Андрей Мейланд, 8 класс, г. Рига.
Любовь Чевина, деревня Мончалово Вологодской области.
Ольга Евдокимова, г. Свердловск.
Нона и Игорь Мотелика, село Варатик Молдавской ССР.
Елена Ганорская, 5 класс, г. Тбилиси.
Вадим Рак, 6 класс, село Тырень Иркутской области.
Наталия Гапенко, 5 класс, г. Молодогвардейск Ворошиловградской области.
Андрей Шадрин, 4 класс, г. Тюмень.
Алла Белина, 4 класс, г. Арзамас Горьковской области.
Галина Козлова, 8 класс, г. Москва.

За участие в конкурсе награждаются:

Седьмой класс «Б» (учительница Тана Ярошева) школы города Теплице, Чехословакия.
Радка Манатова, г. Оломоуц, Чехословакия.
Таня Атанасова-Николова, г. Димитровград, Болгария.
Росица Желязкова, 6 класс, г. Димитровград, Болгария.

Победители и лучшие участники конкурса получат Почетные грамоты журнала «Пионер».



«ЛЕТУЧИЕ» КНИГИ

Конкурс юных книголюбов, объявленный журналом и Всесоюзным обществом книголюбов окончен. Его победителями стали ребята, которые по-настоящему любят книги и не только умеют их читать, но и ухаживают за книгами, «лечат» их. Многие юные книголюбы поняли, что книга существует не для того только, чтобы стоять годами на полке личной библиотеки... Ребята стараются сделать книги доступными для многих людей,— «летучими», как говорил В. И. Ленин. Они создают в своих дворах и школах небольшие библиотеки, приглашают в них своих знакомых, носят книги пожилым людям домой.

В конкурсе победили:
Ольга Амосова, 6 класс, г. Старица Калининской области.
Евгения Баркова, 8 класс, г. Зыряновск Восточно-Казахстанской области.
Маргарита Видковская, 5 класс, поселок Кулар, Якутская АССР.
Павел Детушев, 6 класс, г. Орехово-Зуево Московской области.
Дмитрий Ермачков, 6 класс, поселок Кук-Терек Ташкентской области.
Елена Ковальчук, 5 класс, г. Москва.
Инна Ковыляева, 6 класс, г. Казань.
Антон Лавров, 3 класс, г. Балашиха Московской области.
Андрей Лиясов, 6 класс, г. Братск.
Павел Лосников, 7 класс, село Дзержиновка, Азербайджанская ССР.
Алексей Молотов, 6 класс, г. Наманган, Узбекская ССР.
Елена Писаренко, 7 класс, г. Иваново.
Владислав Савкин, 7 класс, г. Казань.
Дина Салева, 7 класс, г. Березовский Кемеровской области.
Татьяна Сидоркина, 7 класс, село Пектубаево, Марийская АССР.
Елена Смирнова, 6 класс, г. Новосибирск.
Альбина Шагивалеева, 7 класс, г. Уфа.
Олег С. (фамилия не указана), г. Караганда, поселок Компонейск, детдом № 4, группа 6.

Победители получают призы.

Всем участникам конкурса — спасибо!



Маша БУХАРЕВА живет в деревне Сенькино Московской области. Она шестиклассница. Для нее и для ее брата Новый год самый любимый праздник.

Скоро праздник

В полях гуляет ветер,
В снегах стоят леса,
Мы знаем, очень скоро
Начнутся **ЧУДЕСА!**

Мы с братом не гуляем,
А елку наряжаем.
Сегодня день веселья.
У елки новоселье!

*

«Я люблю и читать и сочинять веселые стихи, особенно про праздник. Праздникам все рады», — пишет Эвелина БРАУНАГЕЛЬ из Молдавии. Эвелина — шестиклассница и стихи пишет недавно. Это — одно из первых ее стихотворений.

Зимушка-зима

Зимушка-зима в гости к нам пришла.
Побелила заботливо землю,
Всех зверей в новые шубки одела,
Потеплее укутала березки,
Подморозила рябинные сережки.
А медведя загнала в берлогу,
Ему спать пора...

А ребята зиме очень рады:
Ух, какая будет снежная гора!
Поставим во дворе мы елку,
Разукрасим все ее иголки,
Повесим шарики, разные фонарики.
Встанем дружно в хоровод,
Встретим вместе Новый год!

«Только во время каникул можно вдоволь накататься, — пишет Галя ЛОГИНОВА из села Верхний Ульхун Читинской области. — Мы с ребятами во время каникул целый день пропадаем на катке».

Каникулы

Каникулы! Каникулы!
Катаемся с утра.
Каникулы! Каникулы!
Веселая пора.

Снежок летит, снежок шуршит,
Хрустит слегка ледок,
И птицей быстрокрылою
Несут коньки вперед.

Нам не страшны морозы,
Смеемся от души.
Вы, зимние каникулы,
Уж больно хороши!

*

ДОКТОР АЙБОЛИТ.
Рисунок Нади ТИТОВОЙ из Горького. Наде 7 лет.





ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ.

Рисунок *Риты* БУКАЕВОЙ. *Рите 10 лет, живет она в Красноярске.*

*

Вера ГОЛУБЕВА из села Обшаровка Куйбышевской области считает: «Кто любит по-настоящему животных, тот помогает им в трудную минуту и заботится о них. И с такими ребятами звери и птицы сами захотят подружиться». Вере двенадцать лет.

Моя синичка-подружка

Дружу я с синичкой, ребята, давно.
Ей сыплю я крошки под наше окно,
И сало в кормушку я ей принесла...
Она очень рада!
Она весела.

*

Марина СЕЛИХОВА из Семипалатинска любит во время каникул вместе с друзьями ходить в походы. Во время походов, считает Марина, можно многое узнать, многому научиться, а главное — еще крепче сдружиться. Марине 14 лет.

Друзья

Хорошо, когда есть друзья!
С ними сразу светлей земля,
С ними можно весь свет прошагать,
Все увидеть и все узнать.

Четвероклассник Джон ШЕМЯКИН живет в Узбекистане, в городе Сумгаите. Зимы там теплые, а иногда и бесснежные, вот почему мальчику так запомнился и полюбился заснеженный Ленинград, в котором он однажды был.

Зимний Ленинград

Припорошены снегом колонны ростральные,
Над Невою два сфинкса застыли печальные.
Весь заснеженный, Пушкин смотрит гордо вперед,
И кораблик на шпиле по тучам плывет.
Медный Всадник замерз, в легком инее конь,
Алым маком в снегу светит вечный огонь.

*

Таня КУДИНОВА живет на станции Сары-Шаган, ей 16 лет.

Снеговые тучи

На что похожи тучи?
На белый пышный пирог.
В пироге начинка — ягоды.
А в тучах — белый снежок.
По серому зимнему небу
Тяжелые тучи плывут,
И как медвежата мохнатые
Смотрятся тучи в пруд.

*

Света ГУЗЕЙ живет в Усть-Илимске и учится в четвертом классе.

Дятел

Мой папа сделал кормушку, и теперь к ней слетаются различные птицы, даже лесные, потому что наш дом недалеко от леса. Желтобокие синички клюют весело и мирно, а задиры-воробьи обязательно поссорятся и своей дракой всех птиц спугнут. А сегодня прилетел к нашей кормушке дятел. Он долго не садился на кормушку и приглядывался к ней издали. Потом, набравшись смелости, дятел слетел со столбика, сел на кормушку и принялся клевать мясо и зерна. Только тогда я смогла его хорошенько рассмотреть. Он был весь черный с белыми полосками на крыльях, а на голове у него была маленькая красная шапочка. Вскоре дятел улетел, но я надеюсь, что дятел прилетит к кормушке еще раз и приведет с собой своих друзей.



И. ГОЛУБЕВА

КАНИКУЛЫ В СИГУЛДЕ

РАССКАЗ

Рисунки В. ДУДКИНА.

В комнате светло, как только бывает светло в июле, в десять часов утра, в доме, за окном которого есть сад. А на столе уже стоит тарелка с желтыми,как серединки ромашек, кружками яичницы, молоко и корзиночка с печеньем. Откуда-то, Тата еще не знает откуда, доносится тягуче-ленивый коровий баритон, и это значит, что Тата не дома, что не надо ехать на автобусе в школу и что каникулы окончательно и бесповоротно начались.

«Вчера» она не помнит. Приехали поздно. Тата спала в такси, положив голову маме на плечо. Айвар сидел рядом с шофером. Еще были бабочки, которые летели на свет фар и шлепались о переднее стекло. Их было так много, что сквозь сон она хотела посоветовать шоферу включить «дворник». Теперь Тата запоздало засмеялась — не могла же она вчера смеяться во сне — и взялась за яичницу.

И был голос Айвара: «Заяц! Заяц дорогу перебежал!» Ну, ладно, кошка или собака... Но чтобы зайцы по дорогам бегали! Мама, правда, обещала, что они приедут в необыкновенное место. Ей тогда хотелось посмотреть на этого зайца, но голова приклеилась к маминому плечу, а на ресницах, словно сладкое молоко сказочного Оле-Лукойе. Заяц стал увеличиваться, пока не стал как слон. Серый мягкий слон с длинными ушами. Он бежал вдоль дороги рядом с машиной. Тум. Тум. Тум. Тяжело бились его шаги у Таты над ухом. А может, это стучало мамино сердце и все это было во сне.

Потом Тату несли спать. Лбу было щекотно от Айваровой бороды, и пахло Айваровой трубкой. Мама осталась в другой комнате, пустой и яркой от картин, которые стояли вдоль стен. Мама держала в руках чашку. И Тата вдруг ясным, незаспанным голосом сказала, что она ТОЖЕ хочет кофе. Ей почему-то не нравилось, чтобы мама оставалась одна, без нее, в этой яркой комнате. Ради этого Тата готова была не спать, но ничего не могла поделать. Она уже спала.

Когда Айвар появлялся у них в московской квартире, это был другой Айвар. Айвар в красивом пиджаке. Айвар, который стоит в Новый год на пороге, прижимая к груди свертки и коробки, и вид у него растерянный, как у Деда Мороза, попавшего под дождь. Айвар, которому Тата должна объяснять, где на кухне находятся спички и на какой полке в холодильнике что лежит. Там, в Москве, Айвар был на Татиной территории, а теперь наоборот. После завтрака Тата ходила по незнакомому пустому дому. Никто не появлялся. Мамы не было. И Тата понемножку начинала чувствовать себя пленницей. Как будто ее похитили и во сне перенесли сюда. Похититель, конечно, все-таки появится... И как всякий похититель, потребует выкуп. Интересно, что?

В дверях стоял Айвар. А рядом мама. Придумывая, по своему обыкновению, «историю», Тата не заметила, как они появились.

— Доброе утро,— говорят они. Мамин голос привычный, Тата никогда не сможет объяснить, какой он. Голос Айвара капельку потрескавшийся, так же, как его руки в трещинках от краски и ацетона. Мама и он держат корзину с яблоками. Яблоки плотно уложены в корзине, огромные, с блестящей тугой кожурой, только прикуси одно такое крепко зубами, и рот наполнится терпким, сладким соком. Тата рассеянно на них смотрит. Она еще вся в своей «истории»... А что если Айвар попросит маму?

— Доброе утро, дядя Айвар.— Тата отвечает так неожиданно для самой себя. Никогда она не говорила ему раньше «дядя», как-то неудобно говорить такое человеку, который в знак приветствия равноправно пожимает тебе руку. И не привыкла к этому она. Мамины друзья к «дядям-тетям» не относятся. Кроме Лизы. Тети Лизы, лучшей маминой подруги. Тетя Лиза, здороваясь, гладит Тату по голове. Может, так принято у африканского племени, быт которого тетя Лиза изучает. Ее профессия — этнограф. Это такой человек, которого интересуете не вы сами, а то, из каких листьев построена ваша хижина, сколько сантиметров ткани уходит на вашу набедренную повязку и какой орнамент на горшке, из которого вы едите. Тетя Лиза — прирожденный этнограф. Когда она смотрит на Тату, Тата чувствует себя представителем незнакомого племени, все данные о котором тетя Лиза запишет в блокнот. Потому что они нужны ей для науки, а для себя самой совершенно не нужны.

АЙВАР НА ТЕТЮ ЛИЗУ НЕ ПОХОЖ.

Это кое-что значит. Например, Тату однажды привели в гости и оставили на кухне с Владиком, сыном знакомых. Тата сидела на полу, обложенная автомобилями и плюшевыми животными, изо всех сил прислушивалась к голосам, которые доносились из комнат. Ей всегда было до смерти обидно, когда мама предпочитала ей каких-то других людей. А Владику три года. Он спрашивает:

— Если маленький-маленький тигр нападет на большого оленя, что будет?

— Да ничего не будет,— скучно говорит Тата.

— А-а-а...— Владик был разочарован. Он специально придумал положение, в котором назло всем законам природы мог бы победить олень. Но Владик посрамлен Татиным здравым смыслом.

Потом, прокладывая трансконтинентальную дорогу через всю кухню, он наткнулся своим задиком на Тату и вежливо попросил:

— Тетя Тата, подвиньтесь, пожалуйста.— Тата была тогда смущена. Она для Владика, как тетя Лиза для нее самой.

Айвар просто Айвар. И Тата хорошо к нему относится. Когда он не стоит рядом с мамой. Не разговаривает с мамой. Не смотрит на маму.

Бабушка Вита, мама Айвара, поцеловала Тату в лоб:

— Внученька моя...

Тата растерянно оглянулась, ища какую-то другую внучку. Но рядом стоял только рыжий Марис, которого Тата втайне презирала за то, что он был ниже ее на целую голову, хоть и перешел тоже в шестой. И потом, ведь это ее поцеловала бабушка Вита сухими сморщенными губами.

— Пойди с Марисом. Посмотри котят.

— Ну, да! — Марис схватил ее за руку.— Ты ж котят не видела.

И тут Тата все поняла.

Она деловито освободила свою руку и сказала ясно и громко:

— Я кошек не люблю. Я пойду с мамой.— На самом деле это означало: «Не пытайтесь меня отвлечь». И Вита с Марисом должны были бы это понять. Но, видно, не поняли. Потому что через некоторое время они ушли на базар. Впереди шла Вита, длинная и прямая, в темной юбке и платочке, завязанном под подбородком. Сзади подпрыгивал Марис с опрокинутой корзинкой на голове. Татина душа неслась вслед за ними. Она представляла, как на обратном пути плетеный шлем на голове Мариса опять превратится в корзинку. В ней будет клубника, нежные зеленые огурчики, банки со сметаной и топленым молоком, продолговатые салатовые кабачки, которые в пять минут можно превратить в человечков, пририсовав рот, вставив в мягкую кожуру камешки-глаза и веточки-руки. Эти человечки проживут недолгую жизнь до вечера, когда Вита, капельку поругавшись, отправит их на сковородку. И еще в корзине будет лежать петух. И Марис, а не она, Тата, будет идти следом за корзиной и со сладким ужасом смотреть, как болтается его мертвая страшная голова с посиневшим гребешком и прикрытыми пленкой глазами.

Вот чего Тата себя лишила. Обида, ужасная обида заполняет Тату до ушей, до глаз, до корней волос. Вот-вот вырвется наружу... Но Тата, оказывается, себя плохо знала.

Она идет с мамой на пляж. «Ничего у вас не получится» — это возникло в ней как-то сразу. И тут же стало твердым решением. Как будто это «ничего у вас...» жило в ней и раньше, задолго до приезда сюда.

— Хочешь, мы разведем костер? — просит Айвар. Они расположились на берегу крошечной бухты, там, где река изогнулась, как брошенная веревка.

— В лесу нельзя разводить костер,— капельку покраснев, но все-таки глядя Айвару в глаза, отвечает Тата. На самом деле это значит: «И не пытайся меня отвлечь».

В бухточке мелькает и сверкает вода, шевелится белый песок на дне. По травинке, тяжело дыша (наверное!), взбирается муравей. Планирует с тихим стрекотом швейной машинки стрекоза. Коленчатые ветки бузины пустые и гулкие. Срезать их наискось ножом, нарвать оранжевых твердых рябинных ягод — и вот оружие, которому позавидует Марис. Но Тата гонит от себя соблазны.

— Ракушки! — кричит мама. Она бродит по мелкой воде и вся в солнечных зайчиках. Они добираются до ее головы и, запутавшись в тем

ных волосах, зажигают их оранжевой рыжиной. — Иди сюда.

— Не хочу. Я простужусь. — Тата, к собственному сожалению, не видит, виноватое ли сейчас лицо у мамы, потому что та резко наклоняется. Словно вдруг увидела очень интересную ракушку.

Ясно, им неудобно. Неудобно, что она вот уже полчаса сидит и молчит. Им хотелось бы, чтобы она веселилась. Им весело, и ей чтобы весело. Ну, нет. Ей плохо, а они видят это, и им плохо. Вот так. На душе у Таты сладко и мстительно.

Она сидит на берегу, оплетя коленки руками, подбородок тоже приклеился к коленкам, не поймешь, где ноги, где руки. Оказывается, есть какое-то удовольствие в том, что Айвар и мама как куклы на ниточках, а ниточки запутаны у нее между пальцами. Потянула одну... И Айвар, который бежит к маме по воде, вдруг замирает, как в стоп-кадре, и виновато оглядывается на Тату:

— Пошли купаться?

— Полотенце забыла. — Это Тата-то... Всю жизнь она презирала пляжные полотенца и больше всего любила, выскочив из воды, вывозиться в песке.

Потянула другую ниточку... И мама, которая ест с ладони чернику, собранную Айваром, взглянув на Тату, меркнет, даже зайчики у нее в волосах гаснут. Она становится обычной, как в половине седьмого вечера, когда возвращается в автобусе с работы.

— Татуш, попробуй черники...

— У меня от черники болит живот. — Лгунья, врушка. Никогда у нее не болел от ягод живот.

И вот мама заболела. Лежит в постели. Простыня натянута до подбородка. Лицо желтоватое, как у старинного японского мальчика из фарфора, который достался им в наследство от бабушки. На лбу мамы вертикальная белая морщинка. Мама всегда хмурится на солнце, поэтому лоб загорел, а морщинка осталась белая. Мама спит, Тата сидит у постели и рассматривает ее лицо. На этом лице вокруг глаз и рта тонкой сеточкой морщинки, морщинки...

Отчего мама заболела? От купания в реке, от дождя и мокрого сарафана, в котором прибежала вчера домой, от сквозняка, который хлопает дверьми в доме? Нет и нет, это все причины для других. Для Айвара, для бабушки Виты, для Мариса, его племянника. Для чужих. Пусть они так думают. А она знает, отчего мама заболела. Мама заболела от Таты.

Три дня Тата была «немым укором». Девочка в короткой юбочке, с распущенными по спине темными, как у мамы, волосами, ходила с ними на пляж, поднималась в кабине фуникулера на гору, осматривала пещеры и все это время была «немым укором». Обычно мама скисает от Татиного плохого настроения. Поэтому Тате всегда легко было на нее влиять. Но тут мама упиралась. Видно, Айвар тоже на нее влиял. Может быть, она заболела от того, что не знала, что ей делать.

Тата подвигается к маме поближе и, взяв в ладони ее волосы, начинает заплетать. Осторожно, чтобы не разбудить. Она так делала раньше, когда была маленькая. Волосы шелково и мягко щекочут пальцы. Заплела. Мамино лицо на подушке совсем детское. Белая морщинка, осененная косичками. Тата потихоньку выходит из комнаты и идет в сад, в самый угол, туда, где никого нет. Стоит и молчит. Плакать не хочется. По-настоящему ей никогда почти не хочется плакать, и плакала она только тогда, когда ей что-нибудь было нужно. Вообще она спокойная, говорят, похожа на папу.

Папины подарки ко дню рождения всегда лучше маминых. Он звонит или приезжает, когда Тата больна или получает двойки. Она привыкла, что он появляется тогда, когда для этого есть веская причина: ангина, плохие оценки, день рождения. Похороны собаки из соседнего подъезда, выпадение молочного зуба, ссора с девочками к этим причинам не относятся. Это все для мамы. Она умеет со вниманием отнестись к зубу, который поблескивает на ладони, как жемчужина индийского раджи, поскорбеть о собаке, помирить с девочками, просто прижать Татину голову к своей теплой щеке, чтобы исчезло что-то плохое. Да и не только в таких случаях. Мама всегда рядом. «Была», — мрачно думает теперь Тата.

Папа давным-давно живет от них отдельно. Одна ее знакомая девочка за то же самое называет своего папу негодяем, он их «бросил». Раньше Тата часто приставала к Лере и с судорожным любопытством выспрашивала: «Ну, как, как он вас бросил?» Но Лера загадочно молчала. И от этого молчания Тате оставалось только строить самые ужасные догадки. Можно бросить старую газету или консервную банку. Как можно «бросить» толстую румяную Леру, этого она не понимала.

Ее мама говорила: «Татуш, позвони папе, поздравь его — у него большой успех на работе». Наверное, это значит, что он не негодяй. Тата радуется, когда он приходит в гости, и не огорчается, когда он уходит. И она никогда не бросится к нему с размаху, не вздумает карабкаться на плечи. Может, из-за его всегдашнего аккуратного серого костюма. Из-за того, что она никогда не видела его в пижаме, небритым, в шлепанцах. Папа в шлепанцах! Тата не может этого представить, сколько ни старайся.

Папины куклы совсем новые, нерастрепанные, сидят на шкафу. Среди них есть одинаковые. Конечно, он не может помнить, что дарил к позапрошлому дню рождения или окончанию учебного года. Остальные Татины игрушки лежат в мешке, в коридоре, — куклы без голов, конструкторы без половины деталей.

Другая знакомая Татина девочка однажды расплакалась на уроке. А когда учительница стала ее утешать, она все всхлипывала и говорила, что у нее будет теперь другой папа, а она-то любит первого... Ничего подобного с Татой не происходило. Но почему она не может представить Айвара, которого хорошо представляет и в



Обида, ужасная обида, заполняет Тату до ушей, до глаз, до корней волос.

мастерской и на вершине горы со слаломными лыжами, Айвара, из-за которого даже взгрустнула, когда он уехал после Нового года из Москвы, почему она никак не может представить его в их московской квартире? И как ей теперь нужно будет его называть? Папа, что ли?

Утро. Все сидят за столом. Бабушка Вита раскладывает по тарелкам блинчики. Тате хочется выглядеть, как и все последние дни, молчаливой, холодной, забывшей радости жизни. Но во рту щекочет, так хочется блинчиков. Золотисто-поджаристых, толстых маленьких блинчиков. Как только они шлепаются на ее тарелку, она запихивает один в рот и, затихнув, обо всем на свете забывает. Она так увлеклась, что до нее не сразу доходит, о чем говорят за столом. Мама и Айвар едут в Ригу. Дня на два.

Дня на два. Ну, конечно. Все в порядке, мама выздоровела. Ей надо что-то в Риге купить. Все. Тата отодвигает тарелку с потерявшими всякий вкус блинчиками. Раньше, если бы она тоже хотела в Ригу, она бы закричала: «А я?» Если бы не хотела, сказала мимоходом: «Вот молодцы. Сколько увидите». А теперь у нее пропал голос.

Мама и Айвар, постукивая ножами, едят блинчики. Бабушка Вита, улыбаясь сморщенными губами, разливает чай. Марис размазывает джем по тарелке. Все довольны. А ее, Тату, куда? В детский дом, что ли... Она мигом представляет, как ее распущенные волосы заплетают в жесткие косички, одевают в серое, до колен, платье, сандалеты с дырочками... Так выглядели призретые беспризорники в каком-то фильме... У Таты щиплет веки и набухает нос.

— А чай? Татуша! — кричит ей вслед бабушка Вита.

Пусть обопьются своим чаем. А мама-то хороша... Вместо того чтобы исправляться, наоборот...

Тата пробирается через сад, отодвигает в заборе доску, протискивается наполовину и — застревает. Край ситцевого платья — голубые цветочки — зацепился за щепку. «Ах, так!» — она яростно дергает подол, голубые цветочки трещат и рвутся. Все против нее, забор, платье, мама... Когда, освободившись, выбирается на улочку, видит Мариса. Он держит велосипед, его ясные голубые глаза с интересом наблюдают, как она раздирает свое любимое платье.

— Следишь? — Тата с размаху пихает Мариса вытянутыми руками в грудь. От непредвиденности и силы нападения он, качнувшись, садится в траву, обдирая кожу о собственный велосипед. Тата бежит на автостанцию. Зачем, зачем ее сюда привезли!.. С некоторых пор она подозревает всех. Мариса, что он за ней следит и докладывает Айвару. Бабушку Виту — специально закармливает ее блинчиками, собаку, за то, что к ней ластится... Маму... За то, что хочет от нее избавиться!

На секунду она останавливается — из-за собственного топота и стука в висках ей не слышно, бежит ли за ней Марис... Кажется, нет.

Автобус-экспресс до Риги уже стоит на асфальтовом кругу перед стеклянной коробкой автостанции. И, спрятавшись за угол, Тата видит, как мама с Айваром заходят в автобус, как он ей что-то говорит, а она его слушает. Как мама роняет зонтик, а когда Айвар наклоняется, чтобы его поднять, у нее такое лицо... Глупое, глупое у нее лицо! Как будто ей первый раз в жизни подают уроненный зонтик...

Какое лицо у нее самой, Тата не видит. Она только чувствует, что ей холодно, а лоб и руки вспотели. Может, если б она видела свое лицо, она вернулась бы и помогла бабушке Вите полоть грядки.

В Москве было жарко. В метро Тата стояла, стиснутая распаренными, громко дышащими людьми, и внутри у нее тошнило. Платье прилипло к ребрам, и, когда двери открылись на нужной станции, Тата не совсем была уверена, что сумеет отклеиться от других людей в вагоне. Как муха из желтой липкой ленты, она выкарабкалась из метро. И, не дожидаясь, пока доберется до дома, позвонила папе. В кармане у нее лежали ключи от квартиры, и она могла бы ехать домой. Но то, что утащило ее вчера от мамы, невольно должно было вынести к отцу. Теперь, когда Тата воевала, ей нужны были союзники.

Очереди у телефона-автомата нет, но стоять приходится долго. В грязной от вагонной пыли руке потеют две копейки. И почему так долго... Тата смотрит на обтрепанные края джинсов и замшевые сандалии того, кто стоит в кабине автомата. У нее даже нет сил поднять голову и посмотреть, кто так долго разговаривает.

В трубке короткие гудки. Тата нажимает рычажок и переводит дух. Сейчас раздастся папин спокойный, холодноватый голос. Такой и нужен ей, взбудораженной, плохо соображающей, среди этих суетливых раскаленных улиц, которые только увеличивают ее собственную суету.

Он, конечно, спросит, как она очутилась в Москве. Но она не будет рассказывать, как добралась тогда от автостанции до дома Айвара. Как рылась в мамином чемодане, отыскивая ключи и деньги, разбрасывала по комнате белье... Как ей хотелось отомстить им, сделать что-нибудь такое, что обидело бы их, когда они войдут в эту пустую, уже без нее, комнату. То ей хотелось написать записку, чтобы они не смели искать ее и вспоминать о ней, то... Рука, рыскающая по чемодану, наткнулась на прохладный, фарфоровый комочек. Японский мальчик, мамин талисман, она еще экзамены с ним сдавала, еще от бабушки. Тата стиснула его и, размахнувшись, швырнула на пол. Мальчик хрустнул на маленькие фарфоровые кусочки. И с этим хрустом к Тате пришло облегчение, как будто внутри у нее кого-то выпустили, кого долго держали в заточении.

Но этого она папе не расскажет. Не расскажет, как дрожала под взглядом проводницы. Но та, видно, приняла ее за дочь толстой высокой дамы, которая протягивала билет одновременно с Татой. Как качалась всю ночь на верхней пол-

ке, а глаза не закрывались и не хотели спать. Как тошнило в желудке, в котором остались только воспоминания о блинчиках старой Виты, от запаха еды и шороха пакетов. Их разворачивала внизу, на столике, толстая высокая дама, которой и в голову не пришло, что эту лохматую девчонку с блестящими глазами приняли за ее дочь, а дочерей все-таки полагается кормить.

— Алло? — Короткие гудки кончились. Без конца поворачивая диск, Тата даже не заметила, когда это произошло.

— Я... Мне...— Трубка вываливается у Таты из рук и, раскачиваясь на проводе, ударяется о стенку кабины. И еще слышно, как повторяет свое бестолковое «алло» женский голос. Женский голос. Женский голос. Чужая женщина говорит вместо папы. «А почему бы и нет? — вдруг думает Тата.— Если мама выходит замуж, почему бы не жениться папе?» И разве Тата что-нибудь для них значит.

Ноги сами тащат Тату домой. Там она будет одна и немного опомнится. А может, нужно было поговорить с этой чужой женщиной? Может, она просто объяснила бы, что Тата ошиблась номером и попала в аптеку или шляпное ателье... Может, даже накричала бы: «Набирайте номер внимательнее! Звонят тут разные!» Может, всего-навсего случилось: вместо цифры «восемь» набрала «семь».

Пахло яичницей. В коридоре стояли черные лакированные туфли. Растоптанные, раздавшиеся в ширину, с трещинами на сгибах. Нужно было только взглянуть на них, чтобы сразу представить тетю Лизу, их хозяйку. Ее ликующий облегченный вздох, когда она выбирается из туфель.

Всю дорогу до дома Тата из последних сил лелеяла мечту. Она отпирает дверь, заходит, прислоняется спиной к прохладной стенке и сползает на пол. И сидит. Сидит и все. Одна в пустой прохладной квартире. А потом пусть будет что угодно. И когда она представляла это, все другое отступало: фарфоровые осколки талисмана, мамино лицо, выпученные от удивления глаза Мариса, запах краковской колбасы в вагоне, желтые замшевые сандалии, телефонный диск, Айвар... Особенно Айвара ей хотелось отодвинуть подальше. У него есть одна картина. Человек. Вернее, не один, а три. И каждый словно выходит из другого — изображение троится. Лицо человека меняется, взрослеет и меняется, стареет и меняется. И все равно в своем третьем изображении человек такой же, как в первом, только волосы светлые очень от старости и морщины, но легкие, как от улыбок. Человек похож на Айвара.

Тата смотрит на бессовестные старые лакировки, разрушившие ее мечту. Она забыла, что мама перед отъездом отдала ключи тете Лизе, чтобы та могла писать у них свои статьи по этнографии. Дома у тети Лизы, в однокомнатной квартире, старенькие родители. Тата проходит в комнату. На столе пишущая машинка со вставленным чистым листом. Тетя Лиза лежит, занимая до краев маленький диванчик, ест яблоко и читает. Она так громко ест, что не слышит, как Тата входит.



...А тетя Лиза все расставит по своим местам.

Тата садится на пол и, уткнувшись в Лизино плечо, плачет. Лиза этого не ожидала, она даже не успела прожевать яблоко. А Тата уже не может сдержаться. Все равно, кто бы ей сейчас попался: папа, соседка по подъезду, тетя Лиза. Она должна все кому-нибудь рассказать. Как ее завезли, как забыли и предали, как... В общем, это не рассказ, а жалоба, в которой все несвязно, обрывается, но одно понятно: Тату предали. И тетя Лиза, несмотря на то, что Тата всхлипывает и икает, а, может, именно благодаря этому, понимает. Она неумело похлопывает Тату по плечу и приносит ей, как взрослой, воды из кухни и зеленоватую маленькую таблетку.

От этой таблетки, а может, оттого, что рассказывать больше нечего, Тата понемногу затихает. Таблетка зеленая, маленькая, действует на нее, как дождь с медленными крупными каплями, долгий и спокойный.

Сначала тетя Лиза ничего не говорит, только: «Тише. Все ясно, успокойся». Но Тата все равно чувствует в ней союзника. Это неуловимо. Но каждый человек может определить своего союзника по взглядам, кивку головы, интонации. Потом уже, когда Тата сидит на кухне, вымытая, перед своей любимой — синей с красными цветами чашкой с чаем, тетя Лиза говорит:

— Мне, разумеется, не следует обсуждать это с тобой. Но это имеет к тебе непосредственное отношение. Я была против поездки и против

этого брака. У нее есть интересная работа, дочь... — Тетя Лиза расхаживает по кухне, забыв про Тату, и очень понятно, четко, как будто диктует, объясняет, почему она была против.

— Ставить все это под удар из-за какого-то мальчишки-художника. Придумала любовь. Ведь неизвестно, что из этого получится.

Тата вздыхает. Ей приходит в голову, что маму отнимают не только у нее. Маму отнимают и у тети Лизы. Разве может тетя Лиза лежать у них на диване и есть яблоки, если будет Айвар? Хоть и говорит она всю жизнь, что чудесно проживет и одна, не так-то ей будет чудесно, когда мама достанется Айвару. И тетя Лиза недовольна. Нет, все, больше Тата об этом не думает. Сейчас нужно, чтобы тетя Лиза ей помогла.

— Иди спать. Не беспокойся, все станет на свои места. Я хорошо ее знаю.

Тата засыпает, медленно и тяжело проваливается в подушку. Она спит, спит, спит... А мама ест с ладони чернику и смеется. Потом перестает смеяться, и лицо у нее маленькое и серьезное. И Айвар кричит: «Заяц! Заяц перебежал дорогу». И сама Тата сидит на берегу, прилепившись подбородком к коленкам. Потом прерывисто и визгливо звонит телефон, и тетя Лиза говорит, словно диктует: «Междугородный? Да. Да. Девочка. Подавлена. Несчастна. Счастье. Ее. Твое. Устраиваешь свои дела. Думай о ней. О ней. О ней. О ней».

Тата во сне успокаивается и перестает хмуриться. Тетя Лиза все взяла в свои руки и расставит по местам, разложит по полочкам. Тате снятся полочки, на которых, каждый на своей, сидят мама, Тата, Айвар, бабушка Вита, Марис и тетя Лиза. Как птицы на жердочках. Тетя Лиза болтает толстыми ногами и улыбается Тате. Тата улыбается ей тоже. А больше никто не улыбается.

Сентябрь был похож на лето. Такое же солнце, так же много пили газировки из автоматов. Но только этим он и был похож. Лето кончилось. Началась школа. Все стало размеренно и ясно. Вечером Тата приходила из школы. Мама с работы. Они ужинали и говорили про Татины отметки. Потом смотрели телевизор и говорили про то, что Тата быстро растет. Потом мама пришивала к Татиному коричневому платью хрустящий воротничок, а Тата шла чистить зубы. Как будто лета и не было.

Только иногда Тата оглянется, а мама смотрит на нее, словно рассматривает первый раз в жизни.

И Айвара нет. Он никогда не пишет, не звонит. Как будто нет больше на земном шаре такого человека с именем Айвар.

Но письма из Прибалтики все-таки приходят. От бабушки Виты и Мариса. Они похожи на все другие письма, которые мама получает от знакомых. Они про погоду и про здоровье, про дела и неприятности... Но во всех других письмах в конце «Привет Тате!». А в этих только про дела и неприятности, про здоровье и погоду...



Этот вопрос прислал в редакцию Сережа Петухов. Именно так: «Как стать Табаковым?» Табаков — его любимый артист, и он хотел бы ему подражать во всем.

Многие ребята просят дать совет: «Как стать...?» И очень часто — как стать артистом. А почему артистом? Я думаю, это вызвано разными причинами. Ты, например, знаешь, кем работают твои мама и папа? Конечно же, знаешь, **как называется** их работа. Но — боюсь — совсем не представляешь себе, **что** они на этой работе делают.

Зато тебе кажется, что уж работу актера ты себе представляешь прекрасно: ты бываешь в театре, ходишь — чаще — в кино, а телевизор смотришь еще чаще.

Я решил встретиться с народным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР Олегом Павловичем Табаковым. В конце концов, Петухов интересуется именно им.

Тогда я еще не знал, как это трудно...

—ПОЗВОНИТЕ ЗАВТРА В ДЕВЯТЬ! — ответили мне, когда я позвонил вечером. — Олег Павлович сейчас на съемке и будет после полуночи. Попробуйте утром — может быть, застанете.

— Он уже уехал: должен встретиться со своими студентами до начала занятий, — ответили мне, когда я позвонил с утра.

— А днем его не будет?

— Что вы! У него репетиция, а вечером спектакль. Да вы позвоните ему в двенадцать ночи: он как раз придет.

Кто не знает **актера** Табакова! Ты видел его много раз в кино, по телевизору, слышал по радио.

Но, оказывается, есть еще Табаков-режиссер. Есть и Табаков-педагог: Олег Павлович ведет курс в Театральном институте. Какой же Табаков интересует Петухова? О чем мне с ним го-

Как стать Табаковым?

Л. МИНЦ

Фотографии А. ЛЕХМУСА.

ворить? Может быть, о том, как учатся люди на артистов?

...— Ну, что ж,— сказал Олег Павлович,— поговорим. Сколько нам нужно на разговор?

— Олег Павлович,— сказал я.— Я бы для начала лучше помолчал.

Два эпизода из «Белоснежки»



Довелось мне помолчать: на репетиции «Белоснежки и семи гномов», где Табаков работал со студентами; на спектакле «С весной я вернусь к тебе», поставленном педагогами В. Фокиным и С. Сазонтьевым, где те же студенты показали горькую и героическую жизнь Павки Корчагина; на репетиции в театре — Олег Табаков играл в пьесе «Доктор Штокман»; на спектакле «Провинциальные анекдоты» Вампилова, где в шофере с серебряными зубами я с трудом узнал человека, с которым только что расстался за кулисами.

* * *

В репетиционной — обширном пустом помещении, похожем на школьный физкультурный зал,— Олег Павлович вел урок со студентами 3-го курса.

Репетировали два небольших эпизода из «Белоснежки».

Два здоровенных стражника вели скованного принца. Вдруг принц расправил плечи, стражники отлетели в стороны и не упали только потому, что держались за цепи. Конечно, на репетиции, где все были в обычных костюмах, никаких оков не было. И все-таки было понятно, что цепи есть, что они толстые и железные: так согласованы и точны были жесты.

Повторяли вещь отработанную, почти готовую для показа на сцене, но все время Табаков находил что-то новое.

— Тебе лучше приближаться к королеве на коленях,— говорил Табаков стражнику. И тут же, сорвавшись со стула, падал на колени и пролетал, рабски согнутый, к студентке Марине Шиманской.

Чуть поодаль расположился бородатый преподаватель сценического движения Андрей Борисович Дрознин. Он следил за жестами и за тем, как ходят студенты: передвигаться по сцене — это особое искусство.

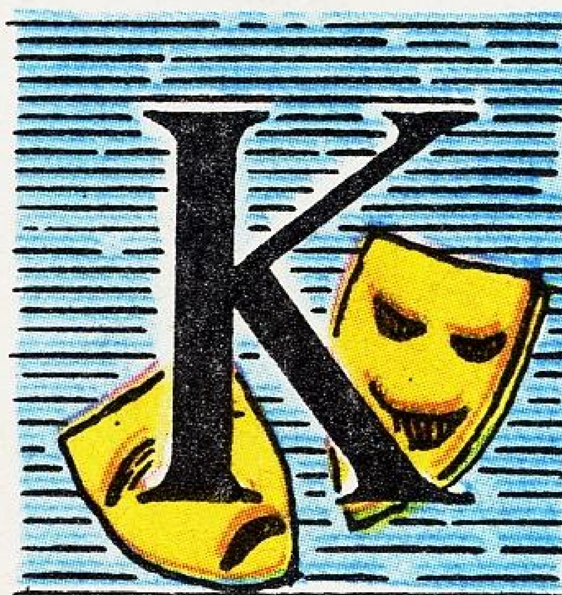
Другие педагоги сидели тут же, у каждого из них был свой участок наблюдения, и замечания они делали иногда одновременно.

В студии Табакова на 3-м курсе ГИТИСа шел урок. Пятичасовой.

За эти пять часов только-только отработали небольшую сценку, и тогда я подумал: трудное это дело учиться на артиста.

Но то была лишь одна из трудностей. И не самая еще большая...

Техника смеха



Когда на душе хорошо, любое дело спорится. С хорошим настроением даже упражнение на частицы «не» и «ни» можно писать с удовольствием. А бывают дни, когда встаешь с левой ноги.

Бывают такие дни и у артистов. Но в отличие от других людей они не имеют права это показывать. Если люди пришли в театр на комедию, актер, как бы кисло ни было у него на душе, должен смеяться так заразительно, чтобы хохотал весь зал.

Кстати, а знаешь ли ты, сколько видов смеха бывает? Я тоже не знаю, даже сам Олег Павлович этого не скажет. Бывает смех радостный, бывает смех грустный, смех добрый и смех злобный, хохот, хихиканье, гогот, ржание, наконец. И каждый соответствует определенному настроению, разным характерам.

От студентов я услышал этот термин: «техника смеха». Настоящий актер должен ею владеть. И студенты внимательно наблюдают за окружающими, перенимают у них жесты, мимику и смех.

— Помнишь мальчишку на утреннем спектакле? В первом ряду, забавный такой. Он как начнет смеяться, весь зал за ним. Он вот **так** хохотал.

— А не **так?**

— Вот-вот. Только у него еще рот до ушей растягивался.

Студенты тренируются. Пять раз, девять, двадцать. Пока не научатся смеяться, как тот мальчишка из первого ряда.

— Трудно смеяться, когда не хочется?

— А это, — говорят студенты, — дело тренировки.

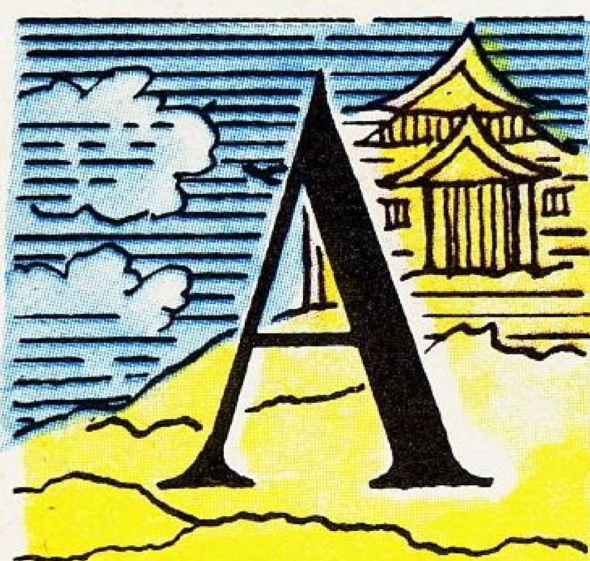
Попробуй засмеяться, как смеется твой лучший друг, — так, чтобы тебя за него приняли. Не выйдет сразу — потренируйся: раз, пять, день, неделю. Научишься — значит, сделал первый шаг в освоении «техники смеха». А потом, когда будешь в кислом настроении, заставь себя засмеяться.



— Что же ты, голубушка?
Разве так на казнь идут?

Настроение сразу улучшится.

Гном Среда и гном Пятница



Алеша Якубов и Игорь Нефедов учились есть палочками рис. Так едят во многих странах Азии — во Вьетнаме, в Японии... Они вовсе не собирались в ближайшее время отправиться в Токио, но актер должен уметь многое: мало ли что придется играть на сцене?

Утром ты мушкетер и лихо фехтуешь, отбиваясь от дюжины гвардейцев кардинала, — для этого в институте есть предмет: фехтование. Вечером ты мастер-строитель. Значит, тебе надо уметь держать мастерок. Завтра ты школьник потом генерал, потом врач...

Предмета «Техника палкоедения» в ГИТИСе нет, программой всего не охватишь, но вот попался человек, который мог показать, и студенты — настоящие актеры! — решили не упускать случай.

Я видел обоих в роли гномов в пьесе Табакова и Устинова «Белоснежка и семь гномов». Алеша играл небольшого гнома Среду, владеющего самым страшным для глупцов и злодеев оружием — смехом. Игорь был Пятницей, высоким, красивым и несколько жеманным.

Спектакль шел на сцене московского театра «Современник», на самой настоящей сцене, и вряд ли ребята в зале представляли себе, что какие-то пять лет назад большинство артистов были не старше своих нынешних зрителей.

* * *

...Летом 1974 года был объявлен прием в театральную студию, руководил которой народный артист РСФСР Олег Павлович Табаков.

— Мы решили с коллективом ребят, — говорит Олег Павлович, — работать профессионально, как работают с людьми, когда готовят из них настоящих артистов.

Желающих оказалось больше трех тысяч человек. Отобрать из них думали не больше пятидесяти. Но с каждым из трех тысяч Табаков должен был побеседовать, всех посмотреть.

В студию брали только восьмиклассников. Игорь Нефедов и Алеша Якубов учились в седьмом. Ребята были еще незнакомы друг с другом, но решили одинаково: рискнуть.

Алеша Якубов больше всего боялся, что начнут проверять, в каком классе он учится, и на вопрос: «Ты чего такой маленький?» — у него был заготовлен ответ: «Все великие люди были небольшого роста!».

Но у него спросили: «А что ты умеешь?»

— Гимнастикой занимаюсь, — отвечал Алеша.

— Ну-ка, пройдись на руках.

Он прошелся, болтая белыми ногами, заголившимися из широченных — по моде — клешей. Ко второму туру его уже знали другие ребята: «Это тот, который на руках ходит».

Игорь же, парень плечистый, мог сойти за человека постарше и решил не уточнять, в каком классе учится, намереваясь, однако, если спросят — сказать правду. Повезло, не спросили.

Вроде бы и обман, а вроде бы и нет. Только это несколько омрачало радость.

— Это им казалось, что они нас обманули, — говорит Олег Павлович. — Мы-то раскусили быстро, что они помоложе, но очень уж ребята рвались к искусству и к тому же одаренные. Решили их оставить. Мало ли что за два года могло измениться? Все ли выдержат тяжелый ежедневный труд — физический, умственный?

Умственный. Физический. Ежедневный



Умственный — потому что нужно проникать в душу героя, которого играешь. Физический — я убедился, что мускулы у студийцев стальные, а фигуры, как у гимнастов.

Но главное — ежедневный.

Начались занятия. Три раза в неделю: сценическая речь, сценическое движение, этюды. С ребятами занимались превосходные педагоги: режиссер В. Фокин, А. Леонтьев, К. Райкин, С. Сазонтьев — артисты «Современника». И, конечно, Олег Табаков. А помимо этих трех дней, студийцы в свободное время приходили в Бауманский Дворец пионеров (здесь им выделили помещение) порепетировать, посоветоваться, просто встретиться с товарищами. Естественно, что никто не снимал с них и школьной нагрузки: Олег Павлович предупредил, что студия расстанется с теми, кто запустит учебу. Справляться с такой работой могли не все, да и талант оказался неодинаковый, и раз в полгода количество учащихся сокращалось.



Грозно взмахнула рукой Марина-королева, но Лариса-Белоснежка непреклонна.



Кто узнает в толпе гномов Алешу и Игоря!

— Лучше сказать человеку, что он вряд ли сможет стать артистом, пока он еще подросток, — говорит Олег Павлович, — он может себе найти другое занятие по душе. В конце концов, если тянет на сцену, можно пойти в драмкружок, в народный театр. Гораздо хуже, когда ты уже взрослый и вдруг понял, что актера из тебя не вышло, а приобретать другую специальность тяжело. Ремесло актера таково, что отсутствие таланта не скрыть — ты каждый день на виду, на сцене, зрителей не обманешь. Это самое трудное в нашей профессии: быть все время на экзамене.

И Алеша и Игорь выдержали. Тут бы радоваться, но другие ребята кончали школу, а им оставался еще год. Тот самый год, когда Табаков набирал свой курс в Государственный инсти-

Чудеса гримировки: через пятнадцать минут Лена превратится в пантеру.



тут театрального искусства имени А. В. Луначарского.

...Им пришлось пройти девятый и десятый классы за один год. Что это такое, поймет без объяснений любой школьник.

Из пятидесяти человек, отобранных в свое время Олегом Павловичем, осталось десять. Двоих больше привлекала режиссура. Восемь человек поступили в ГИТИС на актерский факультет. Одна пятая.

Со всех концов страны приехали поступать в институт девушки и ребята. Они не занимались в студии, но все прошли школу драматических кружков. Из них набрали еще пятнадцать.

«Видите? Яблоко...»



Я родилась и выросла в Южно-Сахалинске, — говорит Лена Майорова. — Пока в школе училась, только один раз побывала на материке. После школы решила: еду в Москву поступать в ГИТИС. Наш руководитель драмкружка Геннадий Дмитриевич Кириллов его окончил и много нам о нем рассказывал. Он работал в нашем городском театре режиссером и в Доме пионеров вел театральную студию «Современник». Представляете, какое название? Если бы мне тогда кто-нибудь сказал, что я буду играть на сцене театра «Современник», я бы, конечно, не поверила. Родители очень за меня боялись: как я переживу провал. Они в провале не сомневались.

Не ошиблись папа с мамой: не прошла я в ГИТИС. Провалилась на первом же туре. Вышла на улицу, летний день, москвичи куда-то спешат, а я не знаю, куда идти. Вдруг увидела объявление: в ПТУ можно без экзаменов поступить, и общежитие дают и стипендию. Поступила учиться на изолировщицу.

Следующим летом опять подала заявление: сначала в Щепкинское театральное училище, потом — в Щукинское. И опять не прошла. Из-за произношения. У нас на Сахалине немножко не так говорят, как в Москве или Ленинграде. А со сцены должна звучать образцовая речь.

Но я не сдавалась — в ГИТИСе еще шел прием. Как раз Олег Павлович набирал свой курс. Они с Константином Аркадьевичем Райкиным послушали меня и решили взять. Только предупредили: надо будет заняться речью. Так я начала учиться у Табакова.

Я слушал Лену и никак не мог уловить у нее даже тени неправильного произношения. Она говорит мне о сценической пластике и, чтобы пояснить свои слова, протягивает руку и берет из воздуха... яблоко. То есть никакого яблока в руке нет, но я его все равно вижу.

— Видите, — говорит Лена, — у яблока есть форма, есть объем...

Она поворачивает яблоко, и я понимаю, что она отыскивает на нем самое румяное место, в которое так приятно впиться зубами.

— Знаете, я очень люблю детей. Когда в «Белоснежке» играю злую королеву и даю Белоснежке отравленное яблоко, малыши в зале начинают кричать: «Не ешь! Не ешь!..» Мне их так жалко становится. Прямо крикнула бы: «Не бойтесь! Гномы помогут Белоснежке!»

Лена внезапно крутанула в руке несуществующее яблоко, и такое у нее стало лицо, что я чуть не крикнул: «Стой! Не ешь!»

Табаков — Петухову



Олег Павлович готовился к выступлению. Он надел набитый ватой жилет, а сверху тельняшку, и фигура его изменилась: впалая грудь, отвислый, объемистый живот. Шаги стали неуклюжими и неровными. Он надел стоптанные полуботинки и посмотрел на часы: до начала спектакля оставалось четверть часа.

— Учеников наших видели? Как они работают, представляете? Настоящий, сложившийся артист занят еще больше. Ремесло наше похоже на солдатское: что бы с тобой ни было, выполни поставленную задачу. И чувствуй рядом товарища. Наше дело коллективное: помни, что успех театра, спектакля зависит от успеха всех твоих друзей. Сам ты отвечаешь не только за себя, но и за них. И как бы тебе ни хотелось самому особенно понравиться публике, помни: ты здесь не один.

Многие ребята хотят стать артистами. Мне им трудно что-то сказать, для этого надо их видеть, вернее, наблюдать в работе. Но любой может проверить себя: для этого стоит поступить в драматический кружок. Там ты узнаешь, способен ли ты к нагрузкам и перегрузкам. Можешь ли работать в коллективе и за каждого товарища переживать, как за самого себя. Можешь ли быть **солдатом сцены.**

Мне в этом очень помогла в Саратове наша руководительница драмкружка. Я еще пионером к ней ходил, некоторые ее советы до сих пор помню. Талантливая женщина — Наталья Иосифовна Сухостав. В кружке я узнал, как принимают меня зрители, как радует меня работа на сцене...

Прозвенел звонок, и голос помощника режиссера произнес в динамике: «Актеры, на сцену! Актеры, на сцену!»

— А как же с Сергеем Петуховым? — спросил я.

Олег Павлович засмеялся.

— С Сережей? Должен его огорчить: незачем ему становиться Табаковым. Один Табаков уже есть. Зато он может стать Петуховым.

Возможно, даже гениальным Петуховым...



Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учительница. Какие материалы проводят электричество?

Ученица. Столбы!

Л. Давыдкина
и А. Дудинова,
г. Тула.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Придумай предложение с союзом «или».

Ученица. На улице было тихо или шумели дети.

А. Слесарева
и М. Филатова,
пос. Верхние Серги,
Свердловская область.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Какие бывают облака?

Ученик. Слоистые, перистые, кучерявые.

* * *

Учитель. Почему в январе холоднее, чем в июне?

Ученик. Потому что в январе солнце падает на землю под меньшим углом, чем в июне.

Женя К.,
г. Новосибирск.

* * *

Учительница. Расскажи нам об индейцах.

Ученик. Индеец — это такой человек, который вырывает из индюков перья и вешает себе на голову.

Слава Крень,
п. Калач,
Воронежская область.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Чем был знаменит Спартак?

Ученик. К нему шли все рабы на разных языках.

Лена Степанова,
г. Кировское.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Как найти площадь квадрата?

Ученик. Надо к одному углу прибавить второй и помно́жить на остальные.

Ира Болдарева,
г. Ульяново,
Узбекская ССР.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Что приготовляют из морских водорослей?

Ученик. Консервные банки.

Лена Мошкина,
г. Саратов.

Из школьных сочинений

«Онегин был лучшим другом Пушкина, хотя они ни разу не встречались».

«Татьяна — простая деревенская девушка из семьи богатого помещика».

«Пригнув к земле шею и голову, растопырив крылья и шипя, прямо на нее шел волк».

«Ребята выскочили из дома, как пробка из бутылки».

«В обмен на ножик ребята предлагали Вите и марки, и значки, и многих других животных».

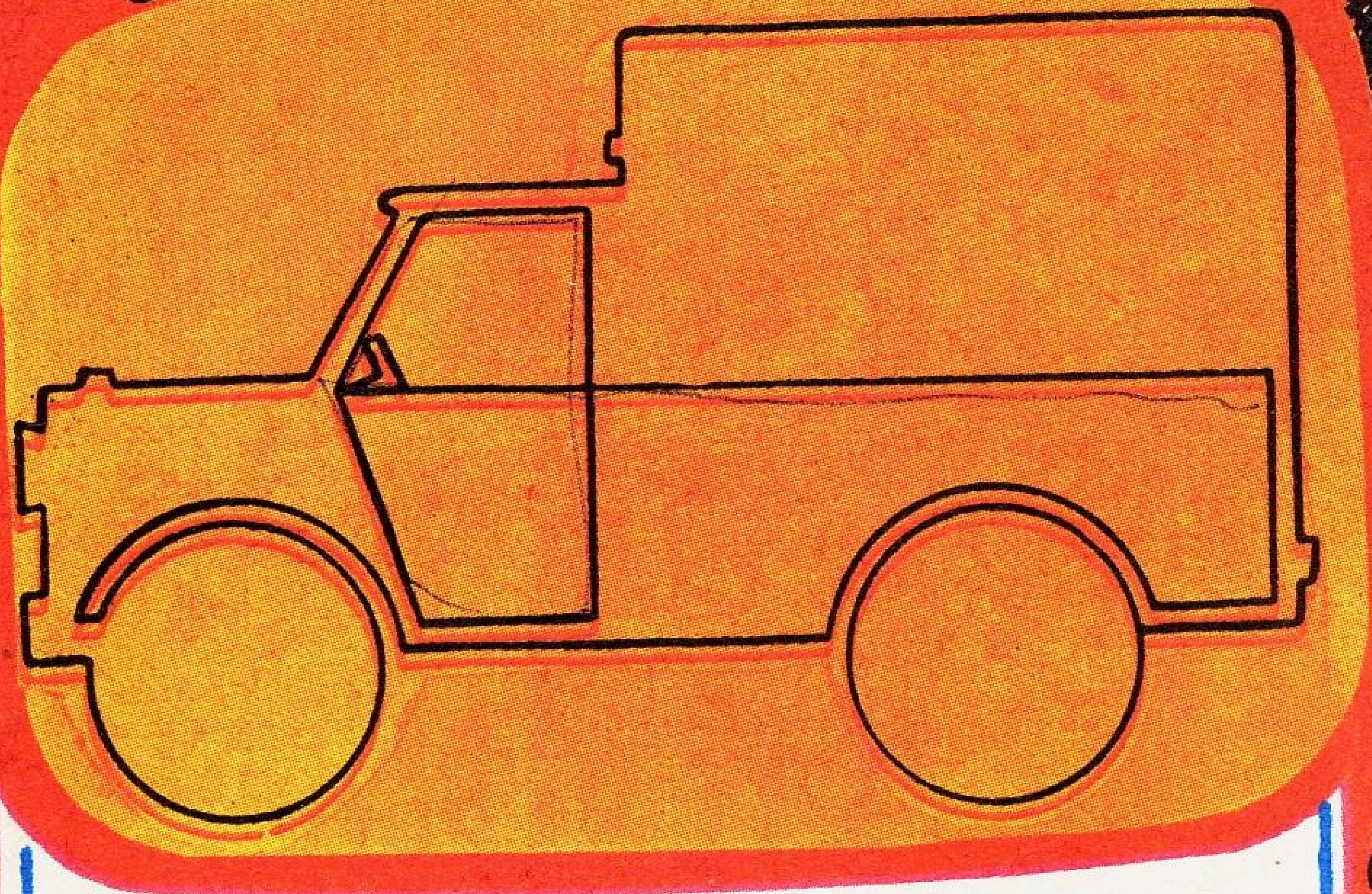
Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.



УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Одной чертой



Автомобиль перед тобой.
Его, надеюсь, сможет
каждый
Нарисовать одной чертой,
Не повторяя линий дважды!

Живживка.



Капитан Перо ищет помощника

Сундук пирата

конкурс „Замаркаьте носорога!"

Поздравляем победителей





В мартовском номере журнала Дед Буквоед объявил филателистический конкурс «ЗА-МАР-КАНЬ-ТЕ НОСОРОГА». Нелегко было Деду Буквоеду выбрать победителей: писем пришло много, а некоторые ребята так нафантазировали, такие «напридумывали» ответы, что отыскать на карте эти страны оказалось невозможно.

В условиях конкурса были такие слова:

Я африканский носорог,
Готов я кляссер протаранить,
И знай: еще никто не мог
Меня, упрямца, замарканить.

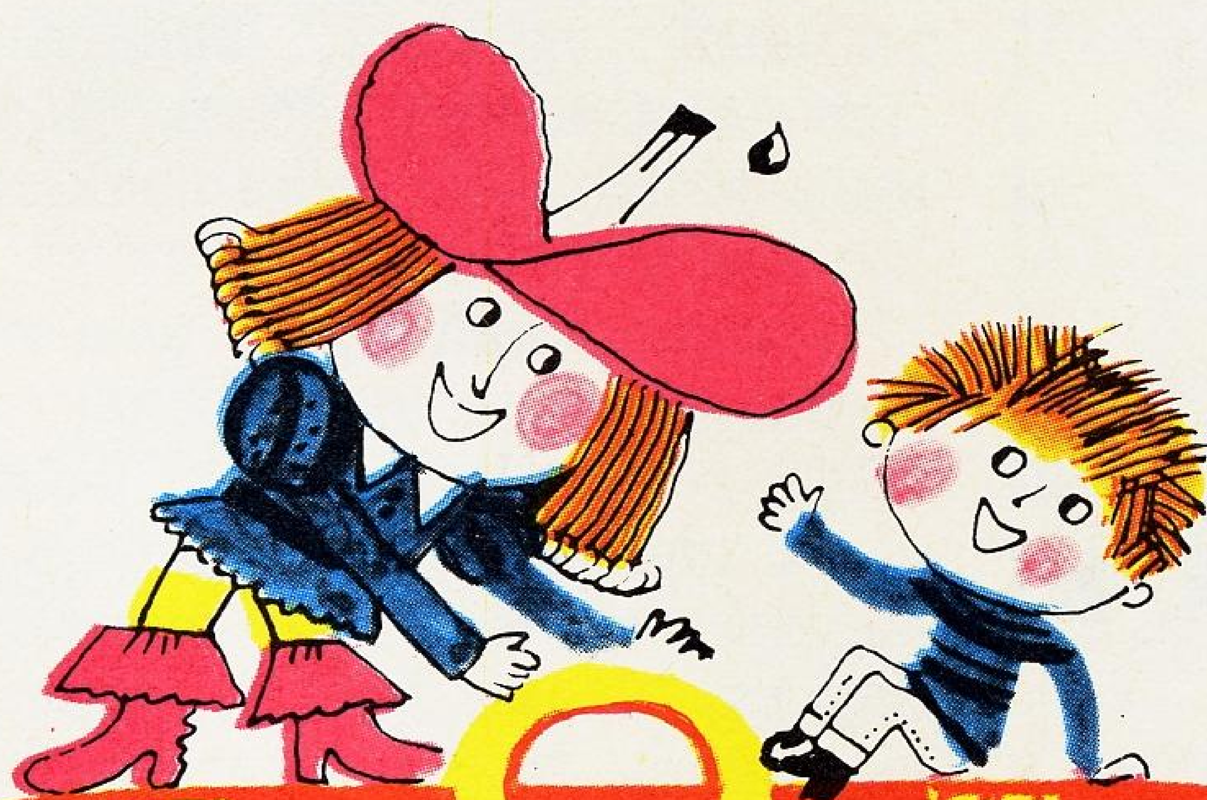
Вот почему Дед Буквоед выбрал тех, кто правильно подобрал марки стран по условиям конкурса и красочно оформил свои ответы. Победителями конкурса стали вот эти ребя-

ОБЩИЙ ПРИЗНАК

Игры Лупы и Пинцета

Сундук пирата перед вами,
Прошу: его откройте сами.
Не так-то просто это сделать:
Четыре стрелки; против стрелок
Должны четыре буквы стать
Так, чтоб из них сложилось СЛОВО.
Все диски следует вращать,
Пока не выйдет. Снова... Снова...
Запор секретный, сто пружин,
И вся с нарезками задвижка.
Но если слово есть, то—дзинь!
Сама собой отходит крышка!

Капитан Перо







Перед вами восемь марок. Рассмотрите их повнимательнее. Нет ли у них какого-нибудь общего признака, который позволил бы расположить эти марки в одном ряду в строго определенном порядке? Какая при этом получится последовательность стран?

ПРИМЕЧАНИЕ: верблюды изображены на марке Пакистана.

та: Олег ЧЕБЕНЯЕВ из села Овсянка Амурской области; Таня ПОЛЯКОВА из Волгограда; Светлана БОРИСОВА из города Балашиха Московской области; Коля ЧИНЕНОВ из Уфы; Юра НЕКРЫЛОВ из Воронежа; Коля БАНКОВСКИЙ из Саратова; Людмила ВДОВИНА из города Узловая Тульской области. А больше всех Деду Буквоеду понравился ответ Миши ДРУЖИНИНСКОГО из деревни Никоновской Тарногского района Вологодской области. Миша хорошо продумал свой ответ и сделал прекрасные рисунки.

Все победители награждаются грамотами журнала «Пионер» и кляссерами с марками.

Правильный ответ такой: Ангола, Намибия, Ботсвана, Родезия, Мозамбик, Малави, Замбия, Танзания, Заир, Уганда, Судан, Кения, Сомали.



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 11

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

На острове Мимогу. Пик из племени тими. Пош—мимитик Ил-мимон.

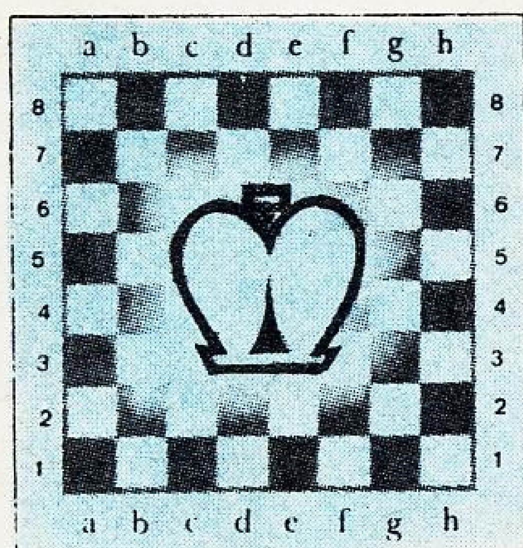
Помогите барсуку! За дубом спрятался волк, за березой — заяц, за елью—лиса, за сосной—еж.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Десять магов. Вот эти загадочные маги — колымага, мустанг, бумеранг, магнитофон, магнолия, универмаг, Магеллан, маргаритка, томагавк, бумага.

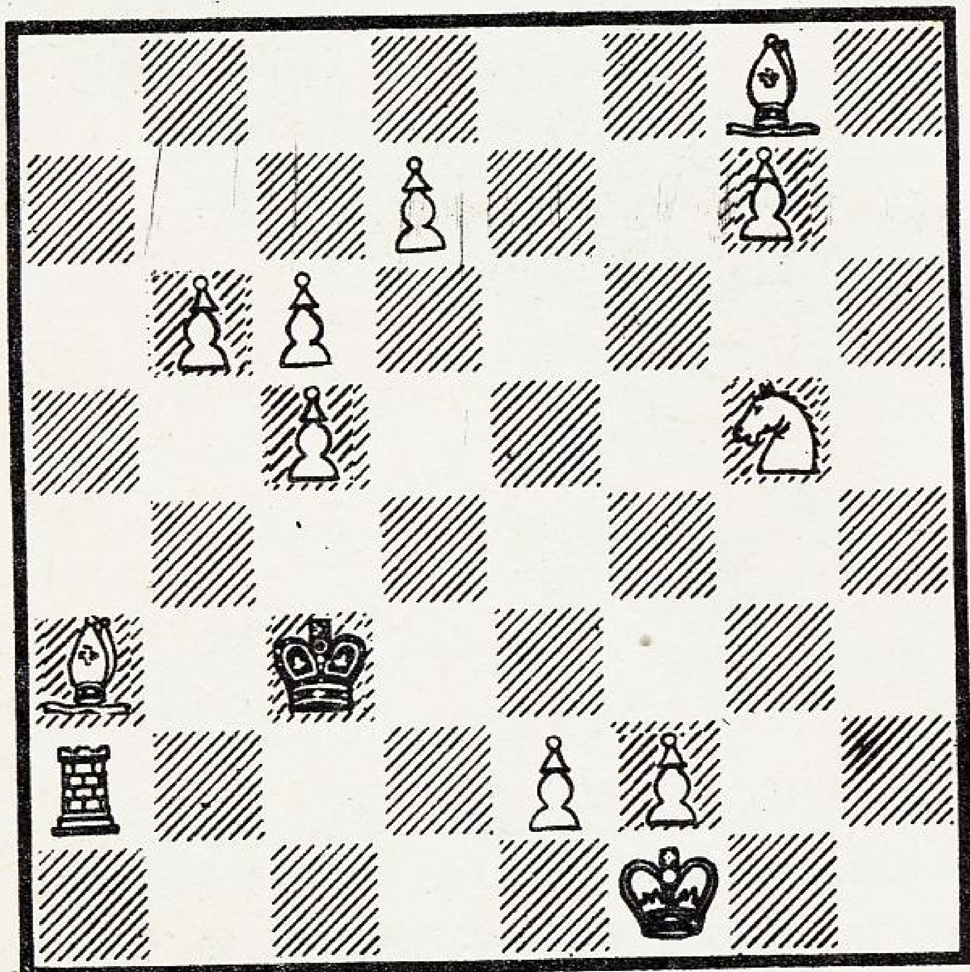
ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Взял ли мяч вратарь Ганы? Игры закончились с таким счетом:
Гана—Камерун 0:1
Гана—Того 1:0
Камерун—Того 4:2
А вратарь Ганы мяч взял.



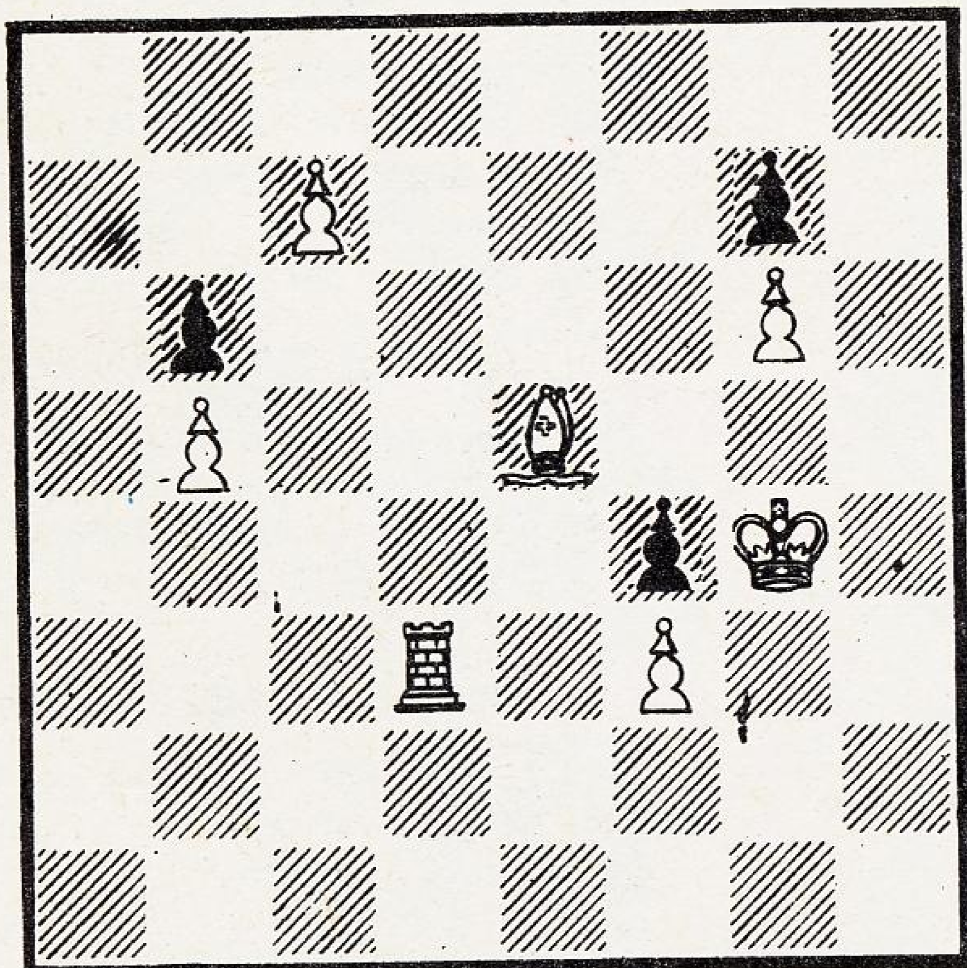
ЧУДЕСА НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ

Кто не знает, что самые храбрые в шахматных сражениях — пешки! Это они идут только вперед, никогда не отступают. Но... чего не случается в новогоднюю ночь!



В этой позиции белые пешки пошли во все стороны: и вперед, и назад, и налево, и направо. И каждый раз перед нами новая задача!

Задачи-то разные, но во всех белые, начиная игру, могут дать мат в два хода черному королю. Найдите все четыре решения этой шутки.

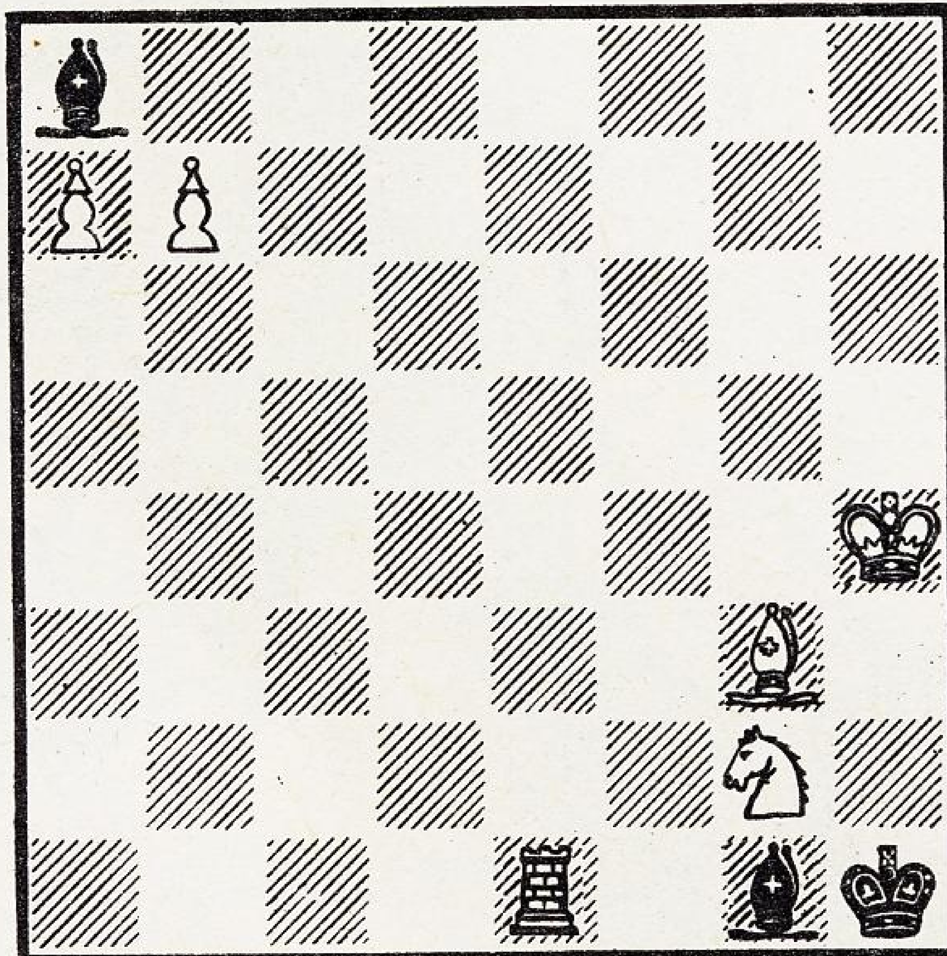


Необычное происшествие случилось в новогоднюю ночь и в этой позиции. Пропал черный король.

Найдите беглеца и поставьте его на такое поле, чтобы белые при своем ходе могли дать мат в два хода.

Здесь тоже четыре решения, при этом надо помнить, что пешка c7 готова превратиться в любую фигуру.

И еще одна, очень хитрая, задача. Ее придумал знаменитый мастер шахматной композиции С. Лойд.



Верные себе пешки — в авангарде наступления. Они дошли уже до седьмой горизонтали! Велик материальный перевес белых, но его надо использовать на короткой дистанции и дать мат в три хода королю, укрывшемуся на h1.

Как прорвать оборону, как справиться с верными защитниками короля — черными слонами?

Пешкину очень нравится эта задача. Ему хочется чтобы и вы порадовались ее красивым вариантом.

Ребят, которые верно решат все новогодние задачи, Пешкин наградит своими грамотами. Решения надо присылать не позднее, чем через месяц после получения журнала.

ПЕШКИН ОТВЕЧАЕТ ДРУЗЬЯМ

«Я играю сейчас в турнире клуба «Белая ладья», — пишет ленинградский школьник **Сережа Парфенов,** — расскажи, Пешкин, когда начали проводить эти турниры. Кто владел переходящим призом журнала «Пионер»?»

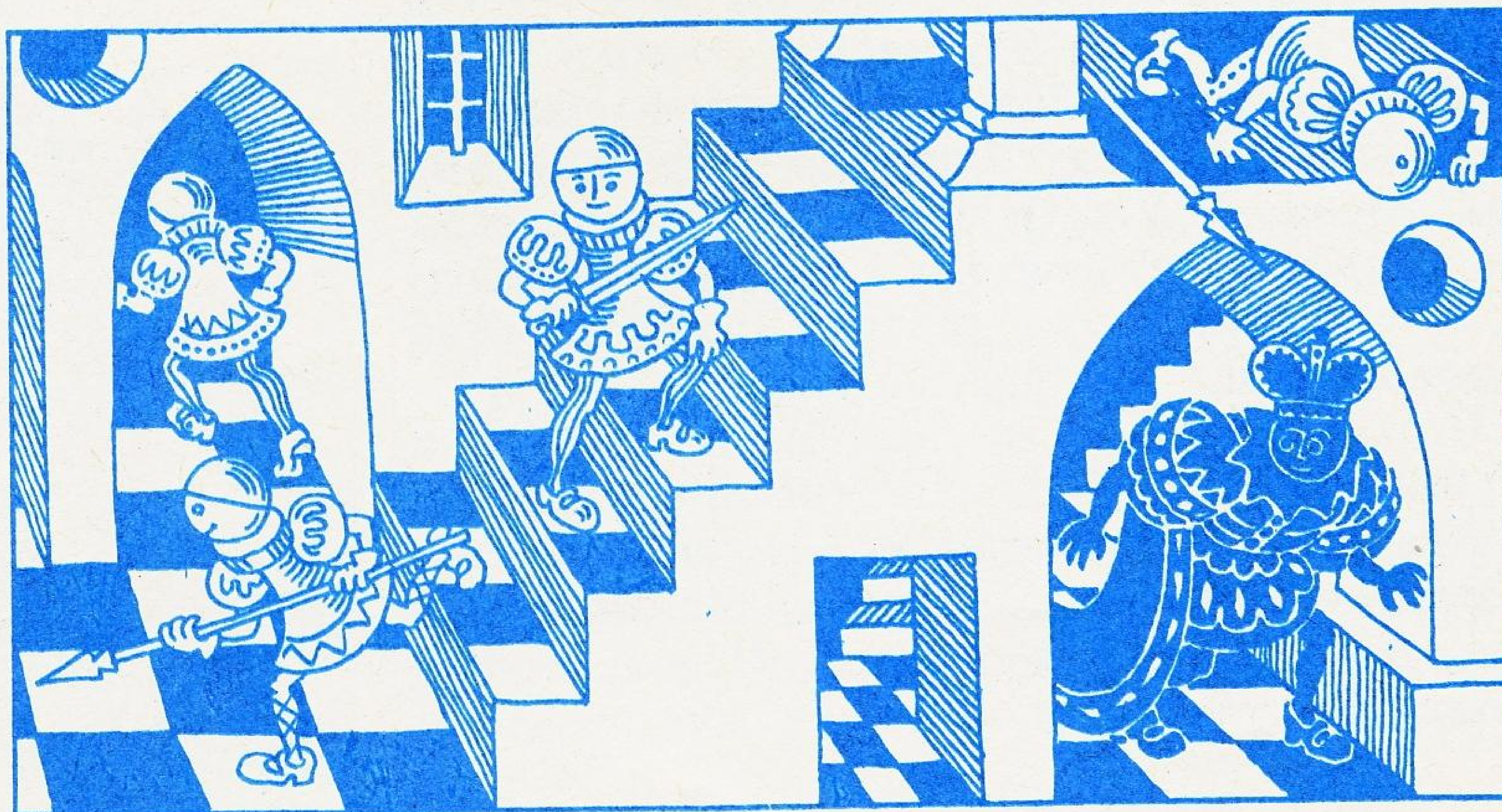
Предложил проводить турниры «Белая ладья» замечательный детский писатель Лев Абрамович Кассиль. Первый финал был разыгран в Москве в 1969 году.

Переходящий приз нашего журнала был установлен в 1972 году. Им владели ребята из школы № 24 г. Кишинева, школы № 130 г. Новосибирска, школы № 1 г. Тбилиси, школы № 8 г. Волгограда, московской школы № 23. Сейчас переходящий приз «Пионера» в Магнитогорске, у учеников школы № 16.

«Я прочитала в одном журнале о мансубах, а что такое мансуба — не знаю. Ответь, пожалуйста, Пешкин».

Такое письмо прислала из Казани **Галя Севидова.**

Мансуба — так называлась задача в старинных шахматах на арабском Востоке. Всего известно более 700 мансуб, самые ранние из них относятся к IX веку.



Содержание журнала «Пионер» за 1979 год

УЧЕНЬЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

КЕМ СТАТЬ, КАКИМ СТАТЬ

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

ЖИЗНЬ СТРАНЫ

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

МОЯ РОДИНА — СССР

НА ПРОСТОРАХ РОДИНЫ

РАССКАЗЫ О СИБИРИ

ТЕБЕ, БУДУЩЕМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

1979 ГОД — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

ГРАЖДАНАМ XXI ВЕКА

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ «ПИОНЕРА»

ИСКУССТВО

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

В оформлении журнала принимали участие художники:
П. Багин, А. Борисов, А. Васильев, А. Вовикова, А. Гришин, Б. Гуревич, Н. Доброхотова, В. Дудкин, В. Костицын, М. Лисогорский, Н. Маркова, Е. Медведев, Ю. Родин, Л. Хачатрян, Е. Шабельник.
и фотокорреспонденты:
П. Асаульченко, В. Гусев, В. Задвиль, В. Крупский, А. Лехмус, В. Постников, В. Школьный.

Анкета «Пионер»-79

Вот и добрался ты до последней страницы последнего в этом году номера журнала «Пионер».

Отложи дела на минуту, припомни, что прочитал за год в «Пионере», подумай и ответь нам:

1. Кто из литературных героев (т. е. героев, которые созданы воображением писателя) тебе всех ближе, с кем хотелось бы тебе познакомиться, если бы он был живым человеком?

2. Кто из реальных, то есть на самом деле существующих людей, о которых рассказал журнал, понравился тебе больше всех? На кого из них хотел бы ты походить?

3. В каком из тех — великих или скромных — дел нашей страны, о которых шла речь в журнале, хочешь ты принять участие, когда станешь взрослым человеком? Какая из тех профессий, о которых мы рассказали, пришлась тебе по душе?

4. Какое дело, какой поступок, какое решение подсказал журнал твоему отряду, тебе и твоим товарищам?

5. Был ли такой случай, когда вы поспорили из-за рассказа, статьи или письма, напечатанных в журнале? Что это был за случай? Расскажи поподробнее.

6. Какие произведения помогли тебе в учебе?

7. Какие стихи захотелось прочитать кому-нибудь вслух? Какую песню разучить?

8. В каких викторинах и конкурсах ты участвовал? Какие задания журнала выполнил?

9. Какая страница показалась самой веселой?

10. Что было скучно или трудно дочитать до конца?

11. Читаешь ли ты что-нибудь из «Пионера» октябрятам, младшему брату, младшей сестре?

12. Нравится ли наш журнал твоим маме и папе, бабушке, деду? Попроси их ответить на «Обращение к родителям», напечатанное в № 8.

Пожалуйста, не забудь написать, как тебя зовут, сколько тебе лет, в каком классе учишься и давно ли читаешь журнал «Пионер».

Ждем твоего письма до 15 февраля. Но лучше напиши поскорее!

Можно ответить не на все вопросы, а только на некоторые из них.

Здесь напиши свои ответы на наши вопросы, свои пожелания журналу «Пионер».

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28.09.79.
Подписано к печати 02.11.79. А 03643.
Формат 84×60 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 480 000 экз.
Изд. № 2797. Заказ № 1326.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.



Феликс КРИВИН

Габрово, Год ребенка

Человека к юмору нужно приучать с детства, если хочешь, чтоб он был счастлив и чтоб были счастливы те, кто будет его окружать. Не потому ли на международном фестивале юмора в болгарском городе Габрово было столько детей? А может быть, они пришли сюда и для того, чтобы заодно отпраздновать свой Год ребенка? Праздновать лучше всего, смеясь. У тех, кто не умеет смеяться, никогда не бывает праздников.

Габровцы это понимают и не только позволяют рассказывать о себе анекдоты, но сами сочиняют эти анекдоты. Вот бы порадовался, глядя на них, древнеримский философ Сенека, сказавший фразу, делающую ему честь не только как философу, но и как юмористу: «Когда мне хочется посмеяться, мне не нужно шута: я смеюсь над собой».

Эмблема фестиваля — габровский кот, похожий на земной шар, или земной шар, похожий на габровского кота, — расклеена и развешена по всему городу. Афиша фестиваля — габровец, сидящий верхом на осле. В одной руке у габровца кот, который сейчас останется без хвоста, в другой ножницы для совершения этого ритуала.

Город готов к фестивалю. Улицы — как новенькие, габровцы их умеют беречь. Даже в анекдоте об этом рассказано: шел как-то по улице молодой человек, волоча за собой зонтик. «Не волочи по мостовой зонт, бездельник! — крикнули ему из какой-то лавки. — Камни ведь тоже стираются!»

И сегодня улицы, бережно сохраненные к фестивалю, празднично украшены. Заботы покидают лица жителей, освобождая место для улыбок. И они, жители, широко шагают по улицам своего веселого города...

«— Ты в новых сапогах, сынок?

— Да, папа.

— Тогда шире шаг!»

Конечно, это только в шутке. Габровцы широко шагают не для того, чтобы сберечь новые сапоги, а потому, что спешат на свой фестиваль. Молодые, пожилые, совсем маленькие и совсем старенькие... Юмору все возрасты покорны, потому что юмор — это наша любовь.

На габровской международной выставке «Фотосмех-79» есть такая фотография: черный пудель остановился перед дорожным знаком: «Стоп!». Видно, грамотный пудель и к тому же дисциплинированный, но исполнительность его в данном случае была ни к чему: дорожный знак относился к автомобилям.

Сатира не должна быть похожей на этого пуделя, она не должна останавливаться возле каждого дорожного знака. И когда карнавальное сатирическое шествие двинулось по центральной улице Габрова, черный пудель остался где-то позади, а впереди двинулся черный кот, открывший карнавальное шествие. Огромный, похожий на слона-переростка, он двигался впереди пестрой сатирической колонны, не боясь остаться без хвоста, как настоящий боевой сатирик. И даже оставшись без хвоста, он не покинул строй, являя тем самым пример настоящего сатирического геройства.

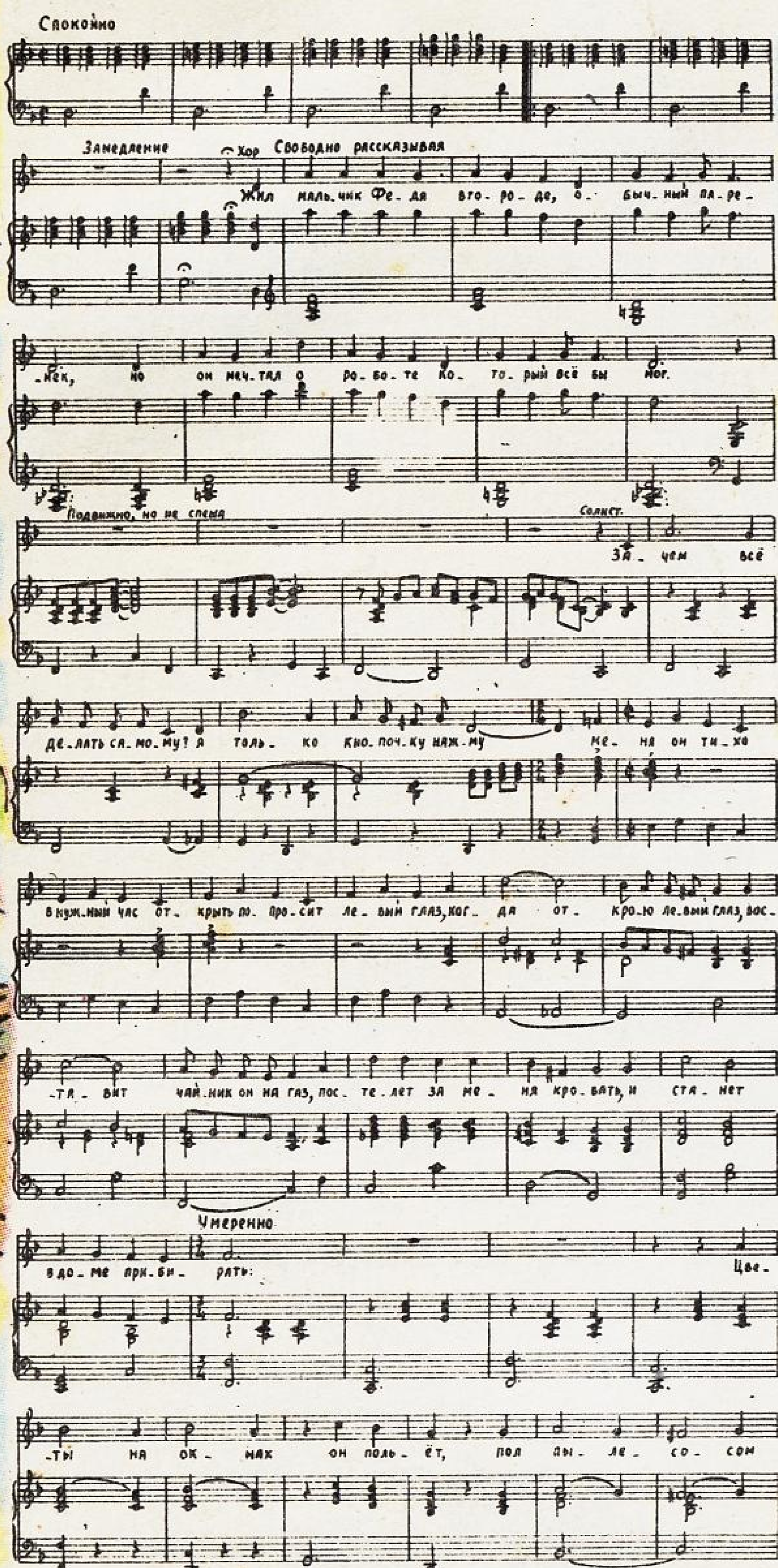
На машинах, на ослах и пешком шли за своим котом веселые габровцы, хорошие люди, изображавшие нехороших людей, которых давно пора подвергнуть осмеянию. Тут были и лодыри, и хулиганы, и бюрократы, и рвачи, и они покорно следовали за бесхвостым котом, который словно уводил их из этого города.

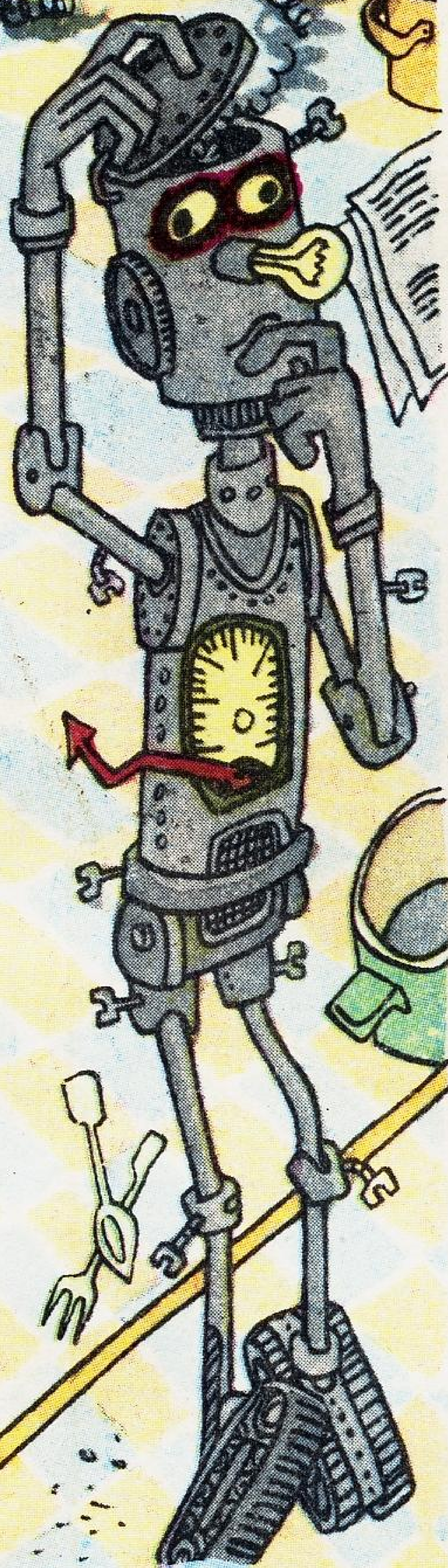
И все смеялись, особенно громко — дети, и совсем не потому, что нынешний год — это их год. Просто дети любят громко смеяться. Это потом, когда они вырастут, они научатся смеяться тихо или вовсе не смеяться... И тех, которые разучатся смеяться, поведут в таком вот шествии за бесхвостым черным котом... А хорошие люди умеют и любят смеяться. И их всегда большинство.

Карнавальное шествие в Габрово.



Баллада о роботе
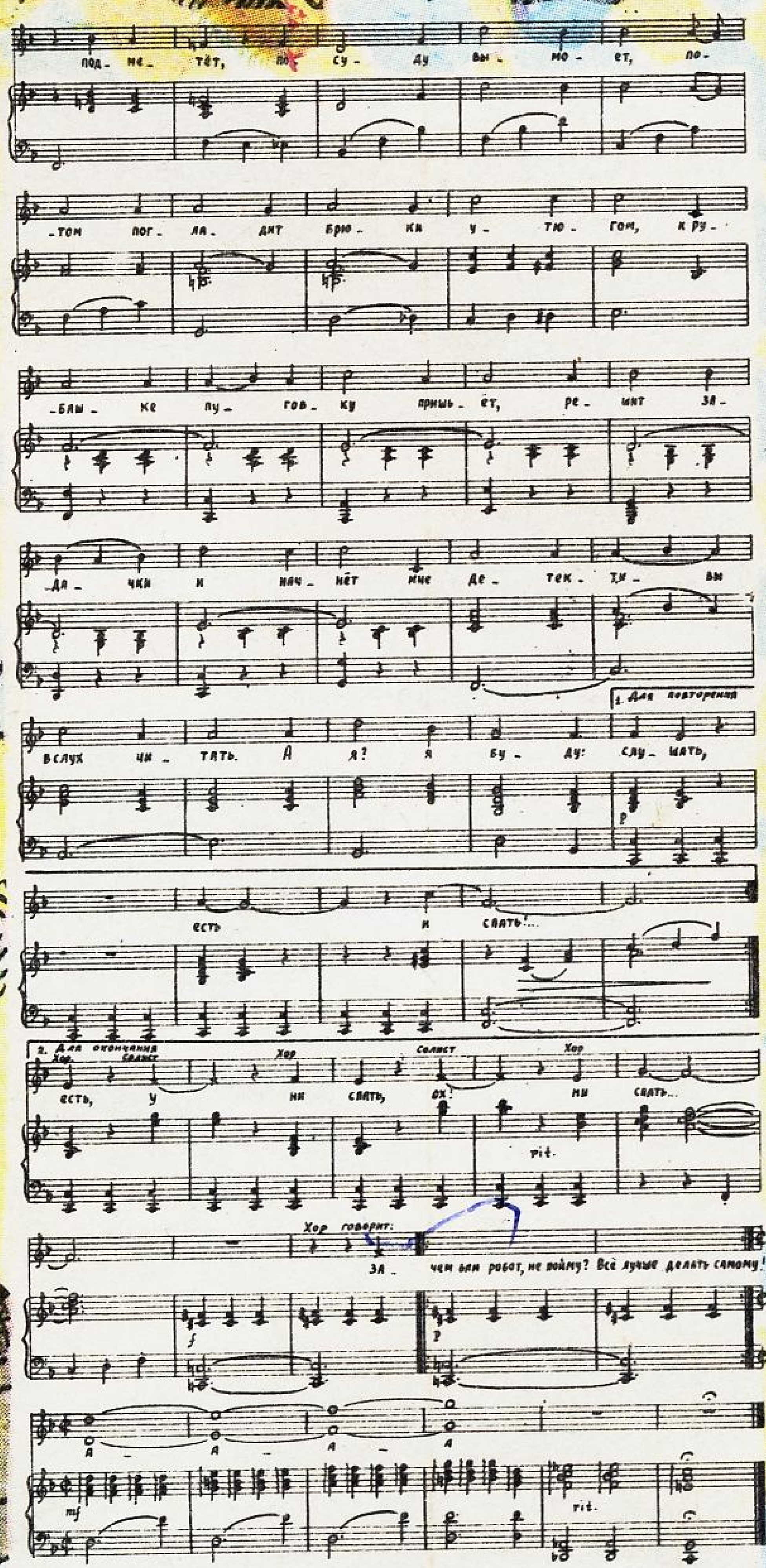




Жил мальчик Федя в городе,
Обычный паренек,
Но он мечтал о роботе,
Который все бы мог.
Зачем все делать самому?
Я только кнопочку нажму,
Меня он тихо в нужный час
Открыть попросит левый глаз.
Когда открою правый глаз,
Поставит чайник он на газ,
Постелет за меня кровать
И станет в доме прибирать:
Цветы на окнах он польет,
Пыль пылесосом подметет,
Посуду вымоет, потом
Погладит брюки утюгом,
К рубашке пуговку пришьет,
Решит задачки и начнет
Мне детективы вслух читать...
А я?.. Я буду слушать, есть и спать!..
Узнал ученый города,
О чем Федот мечтал,
И сделал ему робота,
И Феде так сказал:
«В подарок робота прими,
Ты только кнопочку нажми,
Тебя он тихо в нужный час
Открыть попросит левый глаз,
Когда откроешь правый глаз,
Поставит чайник он на газ,
Постелет за тебя кровать
И станет в доме прибирать:
Цветы на окнах он польет,
Пол пылесосом подметет.
Посуду вымоет, потом
Погладит брюки утюгом.
К рубашке пуговку пришьет,
Решит задачку и начнет
Все детективы вслух читать...
А ты?.. Ты будешь слушать, есть и спать...»

Но слух прошел по городу —
Ну кто б подумать мог! —
Случилось что-то с роботом,
И робот занемог.
Но Федя этого не знал,
Он только кнопочку нажал,
И робот Феде в нужный час
Пропылесосил левый глаз.
Когда заплакал правый глаз,
Поставил робот стул на газ,
Полил из лейки он кровать
И стал все в доме разбирать:
Помыл задачник, а потом
Посуду гладил утюгом,
К цветам он пуговку пришил,
А брюки к чайнику прибил.
Решать задачи он не стал,
Вслух детективы не читал.
И Федя, вы должны понять,
Не мог ни пить, ни есть, ни спать...
Зачем вам робот, не пойму?
Все лучше делать самому!

Музыка
М. ПРОТАСОВА.
Слова
В. МЕДВЕДЕВА.



Цена 25 коп.
Индекс 70694.